НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НА ПОРОГЕ
ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ БРИКС

СБОРНИК СТАТЕЙ

Москва
ИМЭМО РАН
2017

УДК 339.9
327
ББК 65.5
66.2(0)’7
На 12

Серия «Библиотека Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензенты:
доктор экономических наук А.В. Акимов
доктор исторических наук К.Г. Холодковский

Сборник подготовлен при поддержке гранта РФФИ № 16-07-00012/16

Ответственный редактор – д.и.н. В.Г. Хорос

Ответственный за выпуск – м.н.с. Е.Ю. Потапова

На 12
На пороге второго десятилетия БРИКС. Сборник статей / Отв. ред. В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 83 с.
ISBN 978-5-9535-0519-2
DOI:10.20542/978-5-9535-0519-2

В исследовании подводится итог десятилетнему существованию БРИКС – альянса пяти стран (Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, последняя присоединилась в 2010 г.). Будет ли следующее десятилетие «золотым», как говорится в последней, Сямэньской декларации ежегодного форума? Авторы стремились ответить на этот вопрос объективно и реалистично. У стран-членов объединения, безусловно, есть долгосрочные общие интересы и исторические задачи. Вместе с тем в процессе кооперации названных стран есть свои трудности и противоречия, которые, по мнению участников проекта, не являются непреодолимыми.

On the Edge of the Second Decade of the BRICS / V.G. Khoros. – Moscow, IMEMO, 2017. – 83 p.
ISBN 978-5-9535-0519-2
DOI:10.20542/978-5-9535-0519-2

There is evaluated decade of the BRICS’ activity, i.e. the alliance of five countries (Brazil, Russia, India, China and South Africa which joined later, in 2010). Will the next decade be "gold", as the Xiamen Declaration of the last BRICS summit predicts it? The authors intended to be objective and realistic. The members of this Union, without doubt, have common long-term interests. At the same time, one can see some difficulties and contradictions in the process of their cooperation. The participants of the project are sure that these difficulties will be overcome.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте https://www.imemo.ru

ISBN 978-5-9535-0519-2
© ИМЭМО РАН, 2017
© Хорос В.Г., 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.И. Салицкий. Китай в БРИКС: уточнение параметров сотрудничества **4**

В.А. Красильщиков. Бразилия: модернизация и системный кризис **15**

А.Г. Володин. Индия – Китай – Россия – БРИКС **38**

Е.А. Брагина. БРИКС и инфраструктурные инвестиции в Азии **53**

Э.Е. Лебедева. ЮАР – слабое звено БРИКС **63**

В.Г. Хорос, Е.Ю. Потапова. Станет ли второе десятилетие БРИКС «золотым»?. ...**75**

А.И. Салицкий

КИТАЙ В БРИКС: УТОЧНЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ СОТРУДНИЧЕСТВА

Зарождение БРИКС можно связать с известным разворотом самолета российским премьером Е.М. Примаковым в 1999 г. во время начала бомбардировок Белграда. Ощущение необходимости поставить пределы глобализации (в том виде, в котором она проводилась Западом в конце XX века) в политике сопровождалось, напомним, еще и резким усилением критики ее экономических аспектов после азиатских кризисов 1997-1998 гг.

Иными словами, изначальную сущность БРИКС можно определить как своего рода «негативный консенсус»[1], т.е. коллективное неприятие политики монополярного мира, насилия по отношению к странам Периферии и Полупериферии.

На первых порах треугольник «Россия – Индия – Китай» несколько лет обсуждали в академическом формате, затем пришла очередь дипломатии. Отметим, что организационное оформление БРИКС в 2009 г. на саммите в Екатеринбурге опиралось еще и на сравнительно благополучный период в экономической жизни стран-участниц в нулевые годы, привлекшие к ним дополнительные финансовые ресурсы. Почувствовав свою способность противостоять диктату западного ядра (речь Путина в Мюнхене в 2007 г.), страны группы совместно выступили за координацию усилий, направленных на перестройку разбалансированных отношений в центро-периферической мировой системе.

После волны кризисов 2008-2009 гг. БРИКС, как представляется, выглядит еще более внушительной силой – главным образом благодаря продолжающемуся возвышению Китая, хорошей экономической динамике Индии и несмотря на полосу трудностей в трех других странах-участницах. При этом именно Китай, не скрывающий своих лидерских амбиций, формирует в последние годы «лицо» БРИКС и параметры сотрудничества в этой организации наряду с другими, в том числе новыми, международными форматами, инициированными Поднебесной.

Переход Китая в наступление. Прошедший со времени кризиса 2008-2009 гг. период ознаменовался решительным пересмотром Пекином роли страны в мировом сообществе. Суть этого пересмотра – выход из «скромной тени», проецирование резко возросшей экономической мощи на внешнюю политику, борьба за влияние далеко за пределами страны. Агрессия западных стран в Ливии (2011 г.) лишний раз показала, что считаться с китайскими интересами на Западе не собираются. Одним из ответов Китая стала мобилизация связей с диаспорой на поддержку политики Пекина за рубежами страны. Агрессия западных стран в Ливии (2011 г.) лишний раз показала, что считаться с китайскими интересами на Западе не собираются, одним из ответов Китая стала мобилизация связей с диаспорой на поддержку политики Пекина за рубежами страны. Заметно активизировалась внешнеполитическая деятельность страны после прихода к власти в 2012 г. нового руководства во главе с Си Цзиньпином. Он в скором времени (2013 г.) выдвинул программу «Шелкового пояса и пути», которая, казалось бы, могла отодвинуть на второй план другие международные проекты. Этого, однако, не случилось: Пекин продолжил энергично

[1] Салицкий А.И. БРИКС в условиях остановки глобализации с запада. БРИКС: сотрудничество в целях развития: материалы IV международной конференции, май 2014. – М.: РУДН, 214 с. – С. 19-25.

наращивать присутствие на внешней арене, укрепляя действующие форматы и ускоряя темпы сотрудничества в них. БРИКС не стал исключением.

Более того, вполне правомерно говорить о нарастающей экспансии Китая, причем не только на мировых товарных рынках и в международных организациях. Вслед за крупными государственными корпорациями за рубежи страны массово выдвигается частный капитал, широко диверсифицированный по своей специализации. К середине нынешнего десятилетия его доля в зарубежных инвестициях приблизилась к 40%. Это вполне закономерное явление, имеющее очевидную политэкономическую основу: хозяйство Китая, бурно развиваясь в первые три пятилетки нового века, достигло капиталоизбыточной стадии – теперь, в середине 2010-х годов, главным ограничителем хозяйственного роста является платежеспособный спрос, внутренний и внешний, а масштабы сбережений и накопления продолжают расти. Но успешная внешнеэкономическая экспансия и экспорт капитала в наши дни невозможны без соответствующего информационного и политического сопровождения – области, в которой КНР несколько отстала за годы терпеливого, расчетливого и скромного накопления сил. Вывозу капитала из Китая способствует и структурная перестройка экономики страны. В частности, экологическая революция стимулирует перенос за рубеж грязных, энергоемких и материалоемких производств, а также отдельных видов трудоемкой промышленности.

Отметим, что период накопления сил в начале нынешнего века вывел Китай в число мощных производителей строительно-подрядных работ за рубежами страны. Железные дороги, автомагистрали, аэродромы, спортивные, медицинские, образовательные и культурные объекты, каналы и линии коммуникаций, портовые сооружения и топливные хранилища, электростанции, шахты и прииски – все это и многое другое возводится китайскими организациями в сжатые сроки, за умеренную плату и служит преодолению одной из фундаментальных проблем социально-экономического развития принимающих стран – строительству инфраструктуры. Немалую роль в китайских программах играет подготовка местных кадров средней квалификации – строителей, техников, механизаторов и т.д. Вузы Китая в свою очередь предоставляют бесплатные места выходцам из африканских государств.

Одной из несущих идейных конструкций разворачивающейся китайской экспансии является давно укорененное в международной стратегии этой страны представление о полицентричном мире. Здесь уместно вспомнить теорию «трех миров» 1960-х годов. Напомним, что тенденция к полицентризму мира, образовавшегося после «холодной войны» и выглядевшему тогда скорее монополярным, была признана зигзагообразной на XVI съезде КПК (2002 г.), и определена как необратимая на следующем форуме китайских коммунистов в 2007 г. В нынешнем же десятилетии Китай с полным основанием рассматривает себя как сложившийся мощный центр силы. Можно говорить и об отношениях Пекина с Вашингтоном в качестве зародившейся новой биполярности в полицентричной международной политике[2].

Приверженность построению полицентричной международной системы разделяют и другие участники БРИКС, рассматривая свою политическую группировку как инструмент такого строительства и противодействия односторонним подходам стран Запада к современному мироустройству. Полицентризм на глазах усиливается благодаря растущему весу БРИКС в мире и его активности, укрепляя как индивидуальные, так и коллективные переговорные позиции стран-участниц во взаимодействии с развитыми странами и контролируемыми ими институтами. Эти

[2] Барский К.М., Салицкий А.И. Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития // Мир и политика. – 2012. – № 7 (70).

институты, как отмечается в Этеквинской декларации БРИКС (2013 г.), и сейчас господствуя в глобальном управлении «были созданы в условиях, когда международный ландшафт во всех его аспектах характеризовался совершенно иными вызовами и возможностями».[3]

В социально-экономической области партнерство стран БРИКС, идентифицируя себя в качестве государств с формирующимися рынками, отчетливо ориентируется на интересы всей Периферии и Полупериферии, – достаточно четко позиционируя себя в качестве конструктивного оппонента стран Центра и контролируемых им международных институтов по целому ряду вопросов. Такое обособление, добавим, вполне естественно, если иметь в виду разницу в средних уровнях благосостояния между Центром и Полупериферией, которое сохранится надолго. Кроме того, критика со стороны стран БРИКС в адрес ряда западных институтов отражает распространенное и в самих странах Центра широкое недовольство по поводу сложившегося в современном мире господства и поведения международного корпоративного и финансового капитала. Не будет преувеличением заметить, что страны БРИКС представляют своего рода «средний класс» современного мирового порядка. Не раскачивая лодки, они стремятся к поиску надежных компромиссов в решении наиболее жизненных проблем социально-экономического характера, в создании благоприятных условий для устойчивого развития.

Обратим внимание еще на одну метаморфозу. Еще в относительно недалеком прошлом участие в глобализации рассматривалось китайскими экспертами как вынужденная и необходимая политика, схожая с экономической войной. Но времена меняются. В 2017 г. Китай недвусмысленно заявил о себе в качестве лидера глобализации[4], подвергнув критике протекционистские настроения. В Сямэньской декларации БРИКС (2017 г.) постулируется необходимость «создания открытой мировой экономики». Китай резко критикует за протекционизм западные страны и особенно США. В этом есть резон: даже в двух трансокеанских проектах США, судьба которых после прихода к власти новой американской администрации стала неясной, можно было увидеть не столько стремление Вашингтона к мировому господству, сколько желание отгородиться от ряда явлений современного мира. Тем более данная тенденция характерна для новой администрации США, отказывающейся от некоторых проектов в пользу решения проблем внутреннего развития.

По контрасту Пекин продолжает расширять фронт внешней открытости. Сюда можно добавить уже сформировавшуюся структуру взаимодействия и сотрудничества Китай – страны Центральной и Восточной Европы (1+16) (заметим, функционирующую независимо от Брюсселя и ЕС), структуру «АСЕАН плюс 3 (Китай – Япония – Южная Корея», формат взаимодействия «Китай – страны Латинской Америки и Карибского бассейна[5]. Стоит вспомнить присоединение Китая к Европейскому банку реконструкции и развития и участие в создаваемом Европейском инвестиционном банке. С учетом Азиатского банка инфраструктурных инвестиций картина взаимодействия КНР с окружающим миром теперь весьма сложна и многопланова.

---

[3] http://kremlin.ru/supplement/1430 (дата обращения 27.11.2017).

[4] Примечательно, что «лидером мирового развития» назвал Китай в 2015 г. видный предприниматель и филантроп Билл Гейтс: Bill Gates: China is stepping up as a leader in global development. Интервью «Жэньминь жибао». URL: http://en.people.cn/n/2015/0923/c90000-8954127.html (дата обращения: 08.02.2016).

[5] План сотрудничества Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC) и Китая на период с 2015 г. по 2019 г. принят в январе 2014 г. в Пекине.

Не забыт и бриксовский формат. Наступательный характер китайской политики в БРИКС с новой силой проявился в 2017 г. в инициированном Пекином включении в деятельность группировки новых участников в формате «БРИКС+» и «БРИКС++». На саммит в Сямэне были приглашены лидеры Гвинеи, Египта, Мексики, Таджикистана и Таиланда. Сам выбор этих государств однозначно свидетельствует о поистине глобальном подходе, заложенным в нынешний механизм БРИКС как органа, способно чутко уловить и выпукло представить реальные проблемы развития, стоящие между самыми разными странами.

Примечательно, что в то время как президент Мексики Э.П.Ньето обсуждал в Сямэне вопросы открытия рынков (а соглашение о свободе торговли было предложено Мексике заместителем министра коммерции Ван Шоувэнем) в Вашингтоне грозили сломать соглашение НАФТА, «убивающее рабочие места» в США[6].

Торговые потоки. Заметим, что отставание от развитых стран и полупериферийное положение государств БРИКС в мировой торговле товарами (на долю БРИКС приходится менее 20% мирового экспорта, из них 13% – на КНР) и особенно услугами (10%), по-видимому, сохранится еще в течение длительного периода. Правда за первые полтора десятилетия XXI века это соотношение несколько улучшилось, а, с учетом бурного наступления Китая на внешние рынки, улучшилось весьма значительно. Конечно, показатели экспорта стран БРИКС, могут оцениваться существенно выше, если исключить из мировой торговли оборот внутри ЕС. Но все же в расчете на душу населения эти индикаторы останутся скромными по сравнению с развитыми странами – как и показатели ВВП стран БРИКС – в целом стран-середнячков.

Комментируя седьмой саммит БРИКС 2015 г. в городе Уфе, китайский аналитик Чжао Минхао задался вопросом о роли Китая в БРИКС. Он считает ее ключевой в торговом сотрудничестве между странами-участницами и при этом определяющей вес группировки в современном мире и сплоченность самой группы. В свою очередь, БРИКС, как отмечает Чжао, может послужить «усилителем китайской дипломатии» – если Китай не будет слишком рьяно продвигать свои национальные интересы, руководствуясь геополитическими соображениями, особенно с соседними странами[7].

Тезис о ключевой роли Китая в БРИКС с экономической точки зрения вполне справедлив. На Поднебесную приходится около 60% ВВП стран группировки и 85% торговли между пятью странами-участницами.

Относительно подробная характеристика внешней торговли Китая с другими членами БРИКС в 2012-2017 гг. представлена ниже. Отметим, что, в отличие от предыдущего восходящего периода (2007-2012 гг.), можно говорить о некотором застое в торговле внутри группировки. Три года положительной динамики сменились в 2015-2016 гг. даже падением показателей. Вслед за общей динамикой экспорта и импорта Китая (табл. 1, 2) немалое негативное воздействие оказало здесь в эти годы сокращение выраженной в долларах мировой торговли сырьевыми и топливными товарами. Тогда как в 2007-2012 гг. оборот внешней торговли Китая с четырьмя партнерами вырос в 2.3 раза, в том числе с Бразилией в 2.9 раза, Россией в 1.8 раза, Индией в 1.7 раза и ЮАР в 4.3 раза[8].

---

[6] https://www.reuters.com/article/us-china-brics/chinas-xi-says-brics-must-promote-open-world-economy-idUSKCN1BE01S

[7] https://www.weforum.org/agenda/2015/07/what-is-chinas-role-in-the-brics/

[8] Гусарова С.А. Торговое сотрудничество стран БРИКС / БРИКС: сотрудничество в целях развития: материалы IV международной конференции, май 2014. М.: РУДН, 214 с. – С. 28.

Благоприятная восстановительная динамика торговых потоков в первые три квартала 2017 г. позволяет рассчитывать на более динамичное взаимодействие стран пятерки в обозримой перспективе. Вместе с тем очевидны и ограничители такого сотрудничества, вытекающие из сложившейся специализации этих стран в мировом хозяйстве, имеющейся привязки к традиционным торговым партнерам.

Таблица 1. Страны БРИКС в экспорте Китая, млрд долл, %

	2012	2013	2014	2015	2016	2017(три квартала)	К трем кварталам 2016 г. в %
Всего	2049.0	2210.0	2342.7	2276.6	2097.4	1632.5	7.5
Индия	47.7	48.4	54.2	58.3	58.3	50.6	16.5
Россия	44.1	49.6	53.7	34.8	37.3	31.4	17.0
Бразилия	33.4	36.2	34.9	27.4	22.0	21.0	34.3
ЮАР	15.3	16.8	15.7	15.9	12.8	10.7	14.0
Доля БРИКС, %	6.9	6.8	6.8	6.0	6.2	7.0	

Источник: рассчитано по данным таможенной статистики Китая http://www.haiguan.info/

Таблица 2. Страны БРИКС в импорте Китая, млрд долл., %

	2012	2013	2014	2015	2016	2017(три квартала)	К трем кварталам 2016 г. в %
Всего	1817.8	1950.3	1960.3	1682.1	1587.5	1336.9	17.3
Индия	18.8	17.0	16.4	13.4	11.8	11.9	41.0
Россия	44.1	39.6	41.6	33.3	32.3	30.0	28.5
Бразилия	52.3	54.1	51.7	44.2	45.7	45.5	25.9
ЮАР	44.6	48.3	44.6	30.2	22.5	17.8	17.7
Доля БРИКС, %	8.8	8.2	7.9	7.2	7.1	7.9	

Источник: рассчитано по данным таможенной статистики Китая http://www.haiguan.info/

Заметим, что за период спада торговли в 2015-2016 гг. доля стран БРИКС в экспорте КНР понизилась с 7% до 6%, примерно таким же оказалось снижение в импорте Китая. Фактически падение оказалось глубже, чем сокращение товарооборота в целом. Иными словами, четверка БРИКС предстала в эти последние годы не очень важным и не очень стабильным торговым партнером КНР, хотя в 2017 г., повторим, наметилось восстановление внешнеторговых показателей.

В целом экспортно-импортные потоки между Китаем и четверкой, особенно Россией, выглядит сбалансированными. Однако торговля с Индией складывается для последней с очень значительным дефицитом, что вызывает озабоченность индийской стороны, заметно подотставшей в развитии экспорта трудоемкой продукции и периодически испытывающей трудности с платежным балансом. Этот дисбаланс в торговле с КНР является политически чувствительным: на Индию как

инициатора приходится 17% всех антидемпинговых расследований против китайских товаров, предпринятых в мире[9].

Похожее недовольство вызывает китайская товарная экспансия у бразильских деловых кругов, в отношении ряда товаров также предприняты антидемпинговые расследования, получил распространение и тезис о занижении Китаем курса юаня.[10]

Да и говоря в целом, не вполне удовлетворительно складывается для четверки товарная структура торговли с Китаем, особенно если речь идет о потоках продукции обрабатывающей промышленности. Поставки четверки в КНР в основном представляют собой топливные товары, продовольствие и сырье. Индия экспортирует в Китай железную руду, хлопок-сырец и медь, Бразилия – соевые бобы, железную руду и нефть, Россия – нефть, уголь, лес и продовольственное сырье. Преимущественно сырьевой характер носит также и экспорт ЮАР в КНР. Очевидно, что такая картина торговли с Китаем, напоминая об отношениях метрополий с колониями, отражает общую специализацию стран БРИКС в мировом хозяйстве, но резервы для облагораживания структуры экспорта в КНР у стран четверки есть. Определенные надежды возлагаются здесь на перенос из Китая тех или иных производств по каналам экспорта капитала, процесса который уже стартовал в отношениях КНР с рядом азиатских стран.

Многие эксперты все же считает экспортную ориентацию пройденным этапом – из-за вялости спроса на продукцию развивающихся стран на глобальных рынках. Эксперты ЮНКТАД, а позитивная роль этой организации неизменно отмечается в декларациях БРИКС, в 2010-е годы часто отмечали непродуктивность возвращения к предкризисным стратегиям ориентации на экспорт – из-за стагнации спроса в развитых странах. Альтернатива видится им как раз в развитии внутреннего и регионального спроса в отстающих странах, стимулировании собственной промышленности, работающей на эти рынки. Это вполне реальная перспектива для государств с крупными внутренними рынками.

В неблагоприятных внешних условиях взаимная помощь в самостоятельном развитии выглядит особенно настоятельной и подсказывает странам БРИКС идеи коллективной опоры на собственные силы, в том числе в научно-технической области, а также энергетической и продовольственной безопасности. В известном мере это расходится с развернувшимся и напористым наступлением Китая на глобальные рынки. Однако и в КНР это понимают, ищут стыковки хозяйств БРИКС на не самых высоких этажах современных технологий, позволяющих привлекать к сотрудничеству средние и малые предприятия из стран участниц, а также их ассоциации.

Добавим, что многие современные практики развитых стран (insoursing, reshoring) фактически означают «архаическое» замещение импорта. Иначе говоря, вновь актуализируется понятие национальной промышленности[11], разумеется, нового типа – работающей в теснейшем контакте с наукой и потребителем. Обмен опытом замещения импорта (чем особенно знаменит Китай) выглядит вполне своевременным направлением сотрудничества в БРИКС.

---

[9] Andrew F. Cooper and Asif B. Farooq. The Role of China and India in the G20 and BRICS: Commonalities or Competitive Behaviour? // Journal of Current Chinese Affairs. – 2016. – Vol. 45. – No 3. – P. 81.

[10] Караваева А.И., Кустова А.И. Страны БРИКС: пути объединения потенциалов торгово-экономического и научно-технического развития/ БРИКС: сотрудничество в целях развития: материалы IV международной конференции, май 2014. М.: РУДН, 214 с. – С. 48.

[11] Key Indicators for Asia and the Pacific 2013, 2015. Manila: ADB, 2013, 2015. URL: http://www.adb.org/sites/default/files/publication/175162/ki2015.pdf

Сферы сотрудничества. Обращенность к реальному производству товаров, услуг и коммуникаций, облегчение положения секторов, испытывающих трудности из-за конкуренции «сильных мира сего» – одна из важных идей секторального и инвестиционного сотрудничества в БРИКС, деятельности соответствующих ведомств и министерств.

Понятно, что саммиты БРИКС, а также встречи министров и Делового совета организации регулярно привлекают внимание национальных деловых структур и служат дополнительной площадкой для знакомства бизнесменов, предварительной подготовки коммерческих сделок на новых направлениях. Среди объектов сотрудничества – предприятия с участием национальных промышленных лидеров и стратегических игроков: Huawei Technologies, General Motors India, Shanghai Auto, Petrobras, Sinopec, CNPC, State Grid Corporation of China, Companhia Brasileira de Metalurgia e Mineracao, Baosteel Group Corp., Metorex, Shree Renuca Sugar, TATA Group, Mahindra & Mahindra, JSW, Reliance, ONGC Videsh Ltd, Роснефть, Markopolo S.A., Embraer S.A, Северсталь, ПАО «Газпром», De Beers, Anglo Platinum, Anglo American Family, South African Breweries, Anglo Gold и Anglo Coal, South African Breweries, Nkomati Mining и др.

Сотрудничество в БРИКС нацелено в первую очередь на объекты реальной экономики. Для преодоления разрыва между реальным сектором и финансомикой, а также негативных последствий оттока денежных ресурсов из-за укрепления доллара эксперты ЮНКТАД считают, например, очень важным пересмотр роли центральных банков и, в частности, лишение их независимого статуса[12]. Меры ограничения оттока капитала в кризисных ситуациях, сохранение бюджетных расходов – невзирая на рост дефицита – все это из арсенала рекомендаций этой организации, которые находят понимание и среди многих экспертов БРИКС.

«Мы также решили сохранять целостность национальных финансовых систем», – подчеркивается в декларации 2017 г. – «Мы договорились поддерживать тесную связь в целях развития сотрудничества в валютной сфере в соответствии с мандатом центральных банков каждой страны, в том числе посредством валютных своп-операций, расчетов в национальной валюте и прямых инвестиций в национальной валюте, если это целесообразно, а также изучить другие модальности сотрудничества в валютной сфере. Мы призываем Механизм межбанковского сотрудничества БРИКС продолжать играть важную роль в поддержке экономического и торгового сотрудничества стран БРИКС. Мы высоко оцениваем прогресс в подписании меморандумов о взаимопонимании между национальными банками развития стран БРИКС по вопросам межбанковской линии кредитования в национальной валюте и межбанковского сотрудничества по обмену кредитными рейтингами»[13].

Политическое решение о создании Нового банка развития БРИКС было принято на V саммите в Дурбане в марте 2013 г. Среди причин создания организации – критика МВФ и Мирового банка за то, что члены БРИКС (и прежде всего Китай) не имеют адекватного числа голосов. Соглашение о Новом банке развития было подписано в июле 2014 г. в бразильском городе Форталеза (ратифицировано Россией в марте 2015 г.). Первым президентом банка был избран Кундапур Ваман Каматх, в феврале 2015 г. банк подписал соглашение с правительством Китая о размещении штаб-квартиры в Шанхае.

---

[12] Отметим, что в Китае Народный банк Китая, выполняющий функции Центробанка, подчинен правительству.

[13] http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/09/2017-09-05_BRICS_Declaration.pdf

Банк начал работу. К августу 2017 г. совет директоров Нового банка развития одобрил семь проектов в Китае, России и Индии общей стоимостью 1.5 млрд долл.[14] Второй кредитный транш расширяет финансовое сотрудничество пятерки на сферы информационных технологий, борьбу со стихийными бедствиями и энергосбережение. Транш включает провинцию Хунань (водное хозяйство, питьевая вода) и похожий проект в штате Мадхья-Прадеш. Еще объявлено о финансировании 30 млрд.долл. на 15 проектов, утвердить которые планируется до конца 2017 г. и еще 50 проектах, которые будут запущены до 2021 г.[15] Заметим, что инвестиционные проекты с участием Китая в растущей мере диверсифицируются, экспорт капитала из этой страны меньше тяготеет к минерально-сырьевым ресурсам принимающих стран.

Хотя голос БРИКС, многократно усиливаемый финансовым весом Китая, явственно слышен на всех крупнейших форумах и переговорных площадках (ООН, «Двадцатка», ВТО), перспективным выглядят и конкретные меры, облегчающие жизнь относительно слабым национальным производителям в их поиске партнеров среди стран БРИКС. Так, по итогам встречи министров экономики и торговли стран БРИКС 2 августа 2017 г. была достигнута договоренность о создании электронных портов (хабов) с ускоренной процедурой таможенной регистрации и электронным документооборотом. Предполагается, что данные меры облегчат участие в деятельности БРИКС средних и малых предприятий.

Впервые летом 2017 г. в повестку дня стран БРИКС вошли вопросы технико-экономического сотрудничества и был принят по инициативе Китая «Рамочный документ о технико-экономическом сотрудничестве между странами БРИКС», регламентирующий сотрудничество и обмен опытом в сфере технологических инноваций в области экономики. Данные инициативы призваны способствовать инклюзивному экономическому росту и устойчивому развитию стран БРИКС.

Продолжаются встречи министров промышленности государств группировки, работающих в тесном контакте с экспертами ЮНИДО. 29 июля в Ханчжоу был подписан план действий, закрепивший семь направлений дальнейшего сотрудничества стран БРИКС с этой международной организацией.

Помимо взаимодействия по вопросам стандартизации и развития сотрудничества в рамках Консолидированной промышленной технологической платформы БРИКС – ЮНИДО, в документе также закреплены такие цели и направления развития, как углубление промышленной кооперации между странами (создание «сети обмена промышленными технологиями»); совершенствование процессов координации и сопоставления принимаемой промышленной политики и стратегий развития; продвижение сотрудничества в области развития промышленной инфраструктуры; расширение сотрудничества в области инноваций и технологий, а также углубление сотрудничества в сфере содействия представителям малого и среднего бизнеса, что должно придать дополнительный импульс усилению взаимодействия стран БРИКС в эпоху Индустрии 4.0.[16]

Не забыта в сотрудничестве и такая важная сфера сотрудничества, как сельское хозяйство. В Декларации 2017 г. приветствуется создание в Индии Координационного центра платформы сельскохозяйственных исследований БРИКС – виртуальной сети, которая будет способствовать решению приоритетных задач в области продовольственной безопасности и питания, адаптации сельского хозяйства к изменению климата, инновационного продвижения в области сельскохозяйственных технологий, торговли сельскохозяйственной продукцией и

[14] https://www.gazeta.ru/business/2017/09/03/10872032.shtml
[15] https://www.ft.com/content/cc7c7ee6-918b-11e7-a9e6-11d2f0ebb7f0
[16] http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/09/2017-09-05_BRICS_Declaration.pdf

инвестиции в сельское хозяйство, а также применения ИКТ в сельском хозяйстве в целях содействия стабильному глобальному росту сельского хозяйства и достижения Целей в области устойчивого развития[17].

Хороший старт получило сотрудничество стран БРИКС в области высшего образования. Создан сетевой университет стран пятерки, британской компанией QS ежегодно проводится рейтингование национальных учебных центров. Среди лучших вузов БРИКС в 2017 г. оказались 94 китайских университета, 68 российских вузов, 61 бразильский вуз, 65 индийских учебных заведений, а также 12 вузов ЮАР. При этом в топ-50 вошли десять российских вузов – это лучший результат, достигнутый нашей страной за время существования рейтинга[18]. Отрадно и укрепление в рейтинге позиций провинциальных университетов России, в том числе из восточной части страны.

Финансовый гигантизм Китая, не секрет, дает другим членам БРИКС возможность почувствовать себя равными не только в относительно сбалансированных переговорах с развитыми странами, но и довольно скромно – рядом с могущественным Китаем, вдобавок принимающим одну крупную международную инициативу за другой. В этих условиях, как замечают некоторые аналитики, Китаю предстоит зарекомендовать себя в БРИКС качестве своего рода моста между развитым и развивающимся миром, особенно тщательно учитывая отдельные разногласия внутри группировки и нюансы положения отдельных ее членов[19].

На перепутье. Повторим, что зарождение БРИКС было так или иначе стимулировано разрушением баланса эпохи «холодной войны» и конфликтом развитого ядра (Центра) мир-системы и России. Конфликт возник на европейской почве, но имел и глобальный подтекст: к концу XX в. выявилась неспособность ядра интегрировать Периферию в монополярный мир. Причиной ослабления интеграционных возможностей развитых стран во многом стала трансформация западного капитализма в последние десятилетия XX века. На смену промышленному развитию пришла финансовая революция 1970-х годов, транснационализация и неолиберальный дискурс, усилившие неравенство в отношениях между Центром и Периферией. «За очень короткое время были полностью разрушены институциональные сдержки и противовесы, которые сделали возможной ту удивительную финансовую стабильность, что царила на протяжении трех десятилетий после окончания Второй мировой войны и, в свою очередь, способствовала стабильному росту международной торговли и беспрецедентному инвестиционному буму», – отмечали эксперты ЮНКТАД в докладе 2015 г.[20]

К сожалению, нынешняя глобальная расстановка сил даже с учетом выросшей мощи БРИКС и готовности его лидера Китая активно и конкретно продвигать идеи развития пока еще мало напоминает стабильные послевоенные десятилетия. Слишком ослаблены кризисами, идеологией «новой нормы» старые индустриальные центры. Китай же в одиночку не в состоянии перезапустить двигатели мирового хозяйства. Некоторый оптимизм внушает лишь относительно динамичная ситуация в Азии, где импульсы экономического роста больше носят эндогенный характер, а также отдельные достижения хозяйственных стратегий стран Африки и Латинской Америки. Быть может, своеобразная патовая конструкция в «двадцатке» на фоне

[17] http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/09/2017-09-05_BRICS_Declaration.pdf
[18] https://ria.ru/sn_edu/20171123/1509450760.html (дата обращения 27.11.2017).
[19] https://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jcca/article/view/997/1004
[20] http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2015overview_ru.pdf

отсутствия экономического лидерства как таково станет инструментом долгожданной стабильности? Во всяком случае ни одна из стран БРИКС не перейдет в интеграционный формат Запада, а значит равновесие между двумя группами интересов будет продолжительным и, можно надеяться, плодотворным.

В любом случае странам, вовлеченным в различные форматы совместного развития с КНР, стоит понять, что альтернативных путей активизации международного делового сотрудничества не так уж много, а раннее обнаружение достоинств связей с Китаем, их своевременная критика и совершенствование – перспективы уже в силу набравшего немалые обороты научно-технического комплекса Поднебесной, способного преподнести своим партнерам технологии самого высокого уровня, а также по причине умения китайских финансистов изыскивать «длинные» деньги, позволяющие осуществлять долговременные проекты развития, в том числе дорогостоящей инфраструктуры.

Включенность России в значительную часть китайских международных проектов, включая, разумеется, те, что осуществляются под эгидой БРИКС, представляется в целом весьма благоприятным фактором для народнохозяйственных и политических интересов нашей страны. Налицо многочисленные области взаимного интереса и стимулирования – и далеко не только в традиционной топливно-сырьевой области. Списки перспективных инвестиционных объектов с двусторонним участием обнимают высокотехнологичные сделки в транспортной сфере и логистике, крупные перерабатывающие производства, комплексные схемы взаимодополняющего характера.

Массовой приток китайского капитала в Россию только начинается. Его адаптация, вписываемая теперь еще и в инфраструктурные проекты Шелкового пояса и пути, – многообещающее направление, принимающее в расчет интеграционные процессы в Евразийском союзе, специфику его географии. БРИКС, кстати, в значительной мере ориентирован на стимулирование региональной интеграции развивающихся стран в различных регионах мира. Участие стран БРИКС в региональных проектах развивающихся стран в Азии, Африке и Латинской Америке добавляет им политический и экономический вес, диверсифицирует структуру кооперации, расширяет круг участников.

Самостоятельное развитие на субрегиональном уровне нужно государствам БРИКС для поддержки реального полицентризма, а значит и своей роли в качестве ответственных региональных держав. Экономический рост в малых странах-участницах имеет исключительное значение: нередко они просто не имеют альтернатив соседним рынкам сбыта своей продукции. Именно в отношениях с ними оправдан принцип взаимодополнения, помощи и коллективного регионализма – вокруг каждой из основных стран БРИКС. В результате выстраивается позитивный консенсус по поводу экономического сотрудничества в БРИКС, его идеология и критерии выбора конкретных проектов формируются вокруг укрепления национальной (внутрирегиональной) самостоятельности, сокращения разрывов (в том числе между национальными «порталами» глобализации и внутренней периферией).

Несмотря на начало второго десятилетия работы БРИКС эта организация еще не определила себя институционально и обходится относительно небольшим вспомогательным аппаратом. Мнения на счет необходимости бюрократизировать БРИКС существуют разные, относительно свободный формат (включая форматы БРИКС+ и БРИКС++) имеет свои преимущества. Эти форматы предусматривают и особую роль стран-участниц БРИКС в региональном сотрудничестве – там, где они выступают лидерами: ЕАЭС (Евразийский экономический союз, лидер – РФ), СААРК (Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии, лидер – Индия), зона

свободной торговли «Китай – АСЕАН», МЕРКОСУР (экономическое и таможенное объединение стран Латинской Америки и Карибского бассейна, лидер – Бразилия) и Южноафриканский таможенный союз.

Важно, что прошедшие годы принесли в работу группировки дух взаимопонимания и сотрудничества, имеющиеся проблемы откровенно обсуждаются и решаются тем или иным образом. Как относительно зрелое политическое партнерство[21] БРИКС проявил себя летом 2017 г., когда возникла напряженность между Индией и Китаем на восточном участке границы между двумя государствами. По мере приближения саммита БРИКС в Сямэне в начале сентября (и именно по этой причине – как считают многие индийские и китайские аналитики, следившие за переговорщиками Китая и Индии) обе стороны проявили сдержанность, напряженность на границе была существенно ослаблена, и саммит прошел без ненужных осложнений.

Утвердив себя в качестве мощного и активного лидера БРИКС, Китай превратил это объединение во влиятельного игрока международных экономических отношений, способного на равных вести диалог о целях и средствах политики социально-экономического действия, перестройки мировой экономики в интересах развивающихся стран, создании стабильных условий для достижения выгодного всем участникам устойчивого развития. Проецируя свой немалый вес на современные институты развития, Китай близок к достижению задач, поставленных перед экономической дипломатией страны. Одновременно Пекин деятельно пестует разнообразные формы сотрудничества внутри объединения, превращая его в перспективное партнерство с гармоничными интересами участников.

[21] В документах, принятых на саммитах и других встречах в рамках БРИКС, а также в комментариях уполномоченных лиц употребляются названия «организация», «(межгосударственное) объединение», «группа», «платформа», «формат» и т.п. Вошло в документы и словосочетание «экономическое партнерство». Представляется, что правомерно квалифицировать БРИКС как формирующееся политическое партнерство. Подробнее см. Виноградов А.О., Салицкий А.И. БРИКС – на пути к партнерству. http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/briks_na_puti_k_partnerstvu_2017-10-31.htm (дата обращения 27.11.2017).

В.А. Красильщиков

БРАЗИЛИЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ И СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС

На протяжении почти десяти лет, с 2003 по 2012 год, Бразилия представлялась одной из наиболее успешно развивающихся стран. Демонстрируя высокие темпы экономического роста, страна добилась больших успехов в искоренении бедности и нищеты, в развитии массового образования и в снижении социального неравенства, хотя последнее по-прежнему остается очень высоким. В отличие от других стран БРИКС, Бразилия поставила в центр своего развития принцип «решение социальных проблем – условие экономической и технологической модернизации» вопреки старой парадигме «сначала экономический рост, а потом решение социальных проблем». И в течение долгого времени казалось, что этот принцип успешно работает. Недаром Всемирный банк даже подписал с правительством Бразилии меморандум об использовании бразильского опыта в ликвидации бедности для других стран. Но с 2013 года дела в Бразилии начали идти все хуже и хуже. Рост экономики сменился затяжным спадом, заметно упала конкурентоспособность страны на мировом рынке, усилилась хорошо знакомая бразильцам по недавнему прошлому инфляция. Бразилию сотрясла серия коррупционных скандалов, которые привели к глубокому политическому кризису. В результате импичмента была отстранена от должности президент Дилма Руссефф. Тучи антикоррупционного расследования сгустились над нынешним президентом Мишелем Темером. Сегодняшнее положение в стране в целом ставит под сомнение не только перспективы самой Бразилии, но и будущее БРИКС как сообщества восходящих стран, способных, как считают многие в России, якобы стать своего рода альтернативой Западу.

Почему же успешное, на первый взгляд, развитие крупнейшей страны Латинской Америки с населением 208 миллионов человек и восьмой (шестой – по паритету покупательной способности) экономикой в мире (между Францией и Италией) обернулось удручающим кризисом? Ответ на этот вопрос нужно искать в особенностях самого этого успешного развития и, не в последнюю очередь, в отношениях Бразилии с БРИКС, а точнее – с Китаем.

Начало реформ: План Реал и финансовая стабилизация. Истоки как недавних успехов, так и сегодняшних трудностей Бразилии восходят к 1994-1995 годам, когда в стране начались серьезные перемены. В 1992 г. «за мздоимство и сребролюбие», т.е. коррупцию был отрешен от должности президент страны Фернанду Коллор ди Мелу[1], пытавшийся бороться с инфляцией методом «шоковой терапии» и взвинтивший ее почти до 2000 % в годовом исчислении. Назначенный после отставки Коллора президентом Итомаром Франку на пост сначала министра иностранных дел, а потом и министра финансов Фернанду Энрике Кардозу подошел к проблеме инфляции не как экономист-технократ, а как ученый-социолог. Он исходил из того, что инфляция – не обезличенный процесс, и у нее есть свои бенефициары, заинтересованные в ее продолжении. Это, в первую очередь, политики всех уровней и идейно-политических взглядов, раздающие обещания, не обеспеченные ресурсами и предполагающие, соответственно, денежную эмиссию. Во-вторых, это финансисты, которые наживались за счет колебаний курса национальной валюты и других спекулятивных операций в условиях перманентной инфляции. В-третьих, это предприниматели, которые в своих контрактах заранее

[1] Строго говоря, начавшаяся процедура импичмента Коллора по обвинению в коррупции не успела формально завершиться, когда он сам подал в отставку с поста президента.

завышали цены в ожидании инфляции, тем самым подогревая ее. К ним примыкали организованные в профсоюзы рабочие, которые требовали индексации заработной платы, чем охотно пользовались их работодатели, чтобы заранее оправдать повышение отпускных цен. И только самые бедные и самые обездоленные слои населения больше всех страдали от инфляции, не получая от нее никаких выгод.[2]

Значит, стремясь обуздать инфляцию, нужно было создать механизмы, которые бы сделали инфляцию невыгодной, по крайней мере для большинства бразильцев. Разработанный и осуществленный под руководством Кардозу План Реал как раз и позволил создать такие механизмы.

Согласно этому плану, в обращение наряду со старой обесценивавшейся денежной единицей, крузейро, была введена новая, реал, приравненная к американскому доллару и вскоре вытеснившая крузейро из обращения. Кроме того, План Реал включал в себя меры по укреплению бюджетной дисциплины и сокращению наличного обращения. У него, в отличие от многих других программ по сдерживанию инфляции, было и важное социальное измерение. Так, раньше банковские счета, которые индексировались в условиях инфляции, открывались только тем, чьи месячные доходы были не менее шести минимальных заработных плат. Естественно, огромные массы тружеников, получив зарплату, тут же бросались ее отоваривать в условиях высокой инфляции. Это создавало дополнительное инфляционное давление на рынке. План Реал покончил с такой дискриминационной мерой по отношению к большинству бразильцев, дав им возможность пользоваться современной банковской системой. Одновременно были сбиты инфляционные ожидания, подогревавшие саму инфляцию.

Благодаря осуществлению Плана Реал инфляция уменьшилась сначала с десятков процентов до нескольких процентов в месяц, а потом и вовсе вошла в рамки нескольких процентов в годовом исчислении. Это улучшило положение беднейших слоев населения, которые больше всех страдали от постоянного роста цен. Успех в обуздании инфляции открыл Фернанду Энрике Кардозу, бывшему президенту Международной социологической ассоциации, путь к креслу президента страны. В октябре 1994 г. он в первом же туре победил своего былого союзника по борьбе против диктатуры – левого кандидата Луиса Инасиу Лулу да Силву.

В сочетании с продуманной программой приватизации мощного госсектора подавление инфляции благотворно сказалось на инвестициях и динамике экономического роста (таблица 1), который стал более стабильным, хотя и не столь высоким, как в годы экономического «чуда» (1967-1975) при военном режиме.

Таблица 1. Темпы роста экономики в Бразилии, 1990-2017 гг.
(в процентах к предыдущему году).

1990	**1992**	**1994**	**Средн. за 1990-1994**	**1995**	**Средн. за 1996-2000**	**Средн. за 2001-2005**	**Средн. за 2006-2010**
-4,4	-0,5	5,9	1,3	4,2	2,1	2,9	4,5
2011	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**Средн. за 2011-**	**2016** а)	**2017** б)

[2] Cardoso F.H. (com Brain Winter). O Improvável Presidente do Brasil – recorações. 2ª ed. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2013. – P. 225-228.

					2015		
3,9	1,9	3,0	0,1	-3,8	0,1	- 3,6	- 1,4

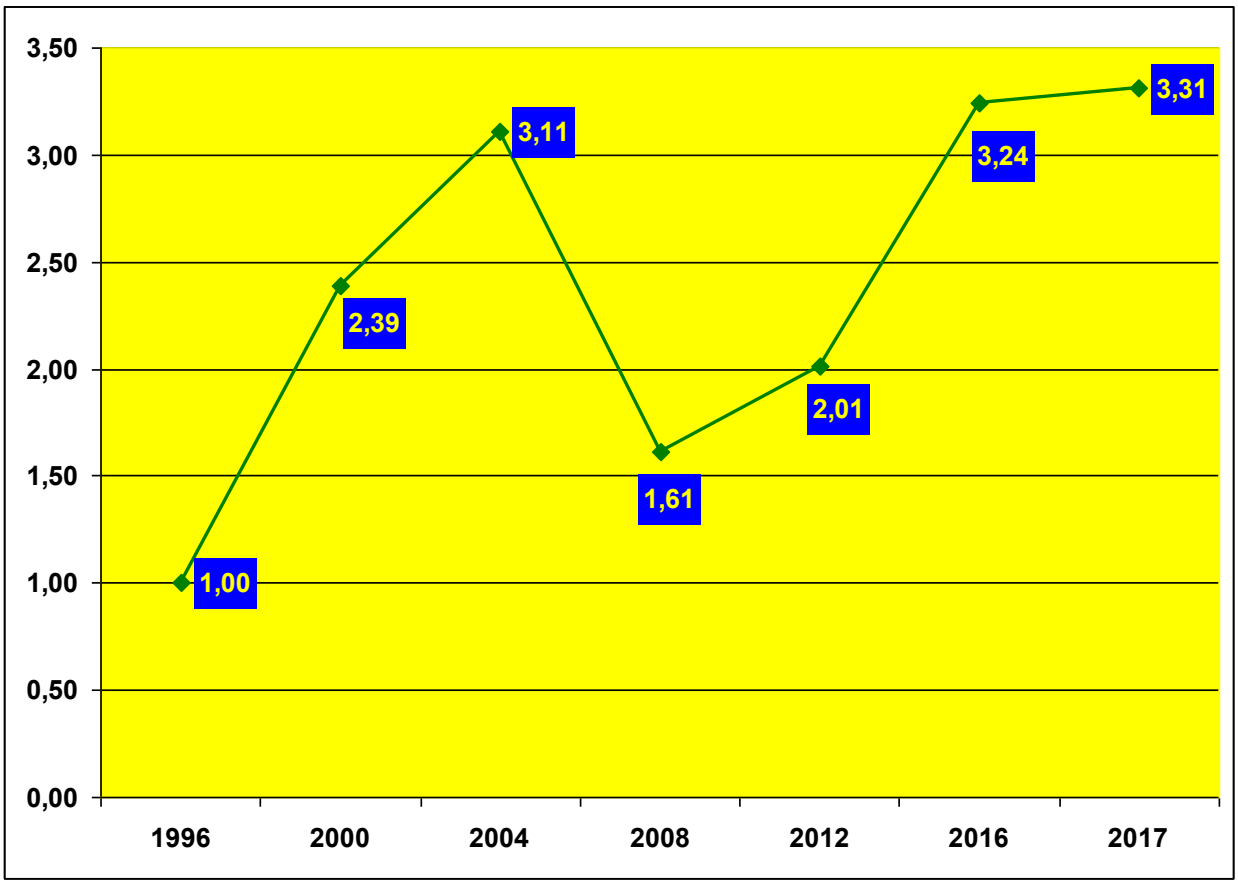
а) – IV квартал 2016 г. к IV кварталу 2015 г.
б) – II квартал 2017 г. ко II кварталу 2016 г.
Источники и расчеты автора по: CEPAL/ECLAC. Anuario estadístico… 2016, la versión electrónica (http://interwp.cepal.org/anuario_estadistico/Anuario_2016/datos/2.1.1.1.xls , 02.X.2017); IBGE. Contas Nacionais Trimestrais, versão electrónica (https://ww2.ibge.gov.br/home/estatistica/indicadores/pib/defaultcnt.shtm ,11.X.2017).

Укреплению финансовой стабильности способствовал Закон о фискальной ответственности, который Кардозу смог провести через Конгресс лишь во время своего второго президентского срока в 2000 г., преодолевая сопротивление различных групп бизнеса и региональных элит, привыкших набирать долги для расходов (особенно перед выборами!) и потом передавать эти долги своим преемникам. Согласно этому закону, все бюджетные расходы должны контролироваться Счетным трибуналом (аналогом Счетной палаты) и его соответствующими подразделениями на уровне штатов, городов и муниципий. При этом федеральное правительство не отвечает за долги штатов и предприятий, находящихся в госсобственности, а власти штатов – за долги городов и муниципалитетов и т.д. Само же правительство старалось придерживаться принципа первичного профицита бюджета, хотя на первых порах и не достигало этой цели. Либерализация внешней торговли в сочетании со стабильным курсом реала к доллару способствовала росту импорта, что вело к отрицательному сальдо внешней торговли. Внешнеторговый дефицит покрывался за счет притока «горячих» капиталов, в том числе – краткосрочных займов, а правительство и Центральный банк Бразилии, сдерживая инфляцию, поддерживали высокую учетную ставку процента. Так, за 20 с небольшим лет, с 1996 по 2017 год, ее среднегодовое значение ни разу не опускалось ниже 7,12 % (период с середины января до начала июня 2013 г.), а в периоды обострения атак финансовых спекулянтов и угрозы ускорения инфляции в 1998-99 гг. и вовсе превышало 40 %. В 2015-2016 гг. годовая ставка процента по краткосрочным кредитам составила около 14 % (13,75 – 14,25 %) и только в начале 2017 снизилась до 13 %, а с июля 2017 г. была установлена на уровне 9,25 %, что значительно перекрывает нынешний уровень инфляции.[3]

Неудивительно, что при завышенной ставке банковского процента и паритете реала и доллара бразильская валюта стала предметом финансовых спекуляций. В январе 1999 г. правительство страны было вынуждено согласиться на свободно плавающий курс реала, что означало отказ от одного из основных принципов первоначального плана. Бразильская валюта только с середины 1998-го до середины 1999 года потеряла около половины своей стоимости. С тех пор ее курс колебался в широком диапазоне от 4 реалов за доллар в 2003 г. до 1,56 реала – в 2011 г. с последующей девальвацией до 3,3 реала в середине 2017 года. (Эти колебания можно представить в виде диаграммы 1.) Тем не менее, инфляция при этом оставалась под контролем и только один раз, в 2003 г., вырвалась за 10-процентную отметку, достигнув 14,7 %, а в 2015 г. вплотную подошла к этому рубежу, составив 9 %.

[3] Данные Центрального Банка Бразилии (Banco Central do Brasil - http://www.bcb.gov.br/Pec/Copom/Ingl/taxaSelic-i.asp#notas – 05.IX,2017)

Диаграмма 1. Обменный курс реала к доллару США, 1996-2017 гг.



Источник: International Monetary Fund, Exchange Rate Archives – https://www.imf.org/external/np /fin/data/rms_mth.aspx?SelectDate= - open 05.IX.2017

Однако, по мнению бразильских экономистов, курс реала даже после девальвации был до недавнего времени завышен, по крайней мере, на 25-30 %.[4] При сохраняющейся высокой ставке банковского процента это открывало двери импорту и делало невыгодными инвестиции в индустрию и сектор современных нефинансовых услуг. Действительно, при жесткой финансово-экономической политике, которая обеспечивает приемлемый уровень инфляции и стабильность кредитной сферы в кратко- и среднесрочной перспективе, Бразилия испытывает процесс деиндустриализации – сокращения доли обрабатывающей индустрии в занятости, ВВП и экспорте страны. Это не может не сказываться на положении страны в мировой экономике и побуждает также по-новому взглянуть на значение других стран БРИКС для развития Бразилии.

Деиндустриализация и связи с БРИКС. После того как доля обрабатывающей промышленности в бразильском ВВП достигла своего максимума в 1985-86 гг. (и это – в условиях разгоняющейся инфляции!) – 32,5 %, она неуклонно

[4] ABD (Agência Brasileira de Desenvolvimento Industrial). Plano Brasil Maior: Inovar para Competir. Competir para Crescer. Balanço Executivo 2011-2014. Brasilia: ABD, 2014, p. 63; Bresser-Pereira L.C. The value of the exchange rate and the Dutch disease. Revista de Economia Política/Brazilian Journal of Political Economy, 2013. – Vol. 33. – № 3. – P. 372-374, 378-380, 384-386.

снижалась, опустившись к 2015 г. до 9,76 % при подсчете в текущих ценах и до 10,81 % – в постоянных долларовых ценах 2010 года. [5]

Соответственно сократилась и доля занятых в обрабатывающей промышленности страны: максимум этого показателя, согласно данным Международной Организации Труда, был достигнут в конце 1970-х гг. – чуть более 17 процентов. По данным же Бразильского Института географии и статистики, в середине 2017 г. доля занятых в этом важном секторе экономики составила 11,6 % от общего числа занятых в экономике. Абсолютное же число занятых в бразильской обрабатывающей индустрии достигло максимума в благополучном для страны 2007 году – 13,1 млн. человек.[6]

Уменьшилась также и доля готовых промышленных изделий в товарном экспорте (т.е. без учета экспорта услуг) Бразилии – с максимальных значений 58,9 % (в неблагополучном 1993 году!) и 58,4 % – в 2000-м до 39,5 % в 2009-м с дальнейшим сокращением до 34,1 % в 2011-м (34,8 %– в 2014 г.). Некоторое увеличение этой доли до 38,1 % в 2015 г. можно объяснить падением цен на аграрно-сырьевые товары. В последние годы сократился и абсолютный объем экспорта готовых промышленных товаров – с 88,3 млрд.долл. в 2008 г. до 77,5 – в 2014-м и 71,9 млрд. – в 2015-м (с временным увеличением до 86,6 – в 2011 г.).[7] Основными статьями экспорта Бразилии стали соевые бобы и железная руда. В 2010-2015 гг. они в сумме составляли в среднем за год 21,2 % всего бразильского экспорта (т.е. включая и товары, и услуги), тогда как в 2000-2001 гг. на первом месте в бразильском экспорте стояли пассажирские самолеты – 6,3 и 5,8 % соответственно.[8]

В целом процесс деиндустриализации Бразилии иллюстрируется диаграммами 2 и 3.

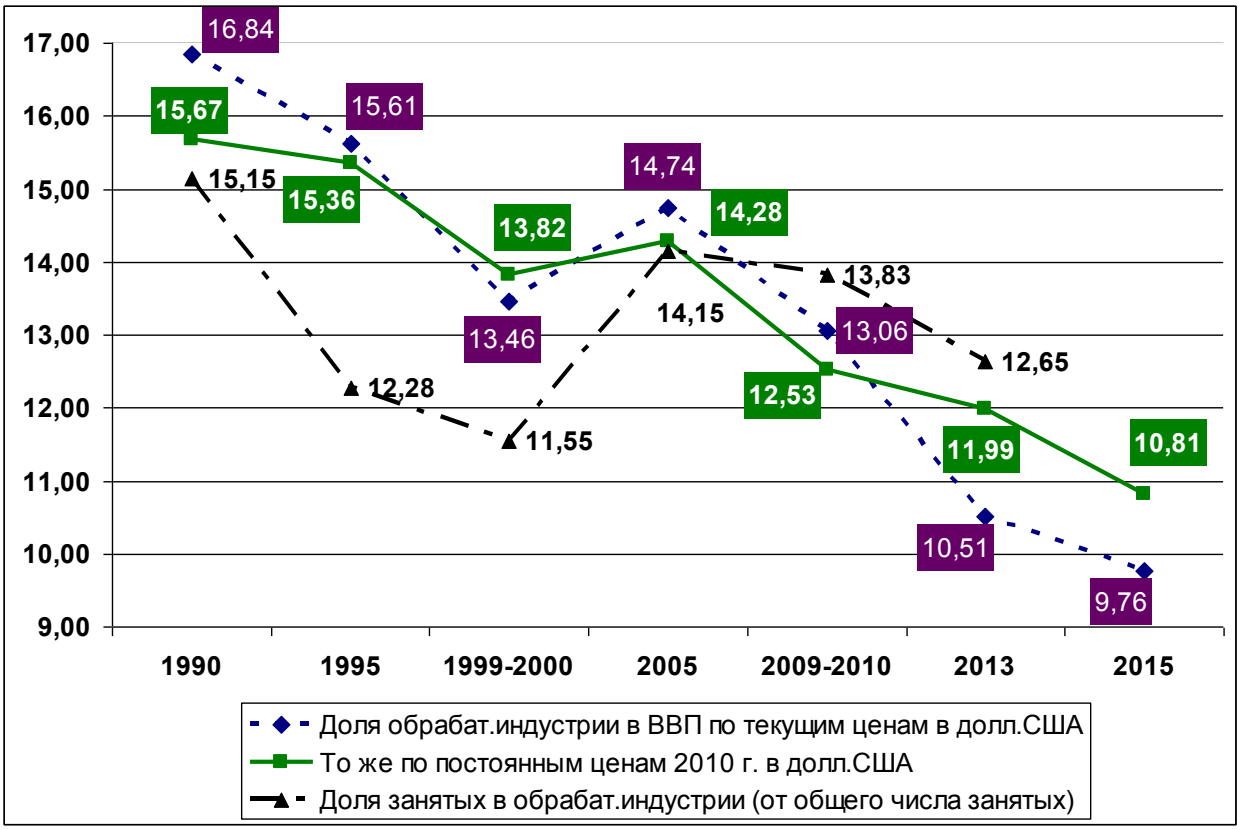
Диаграмма 2. Уменьшение доли обрабатывающей промышленности Бразилии в ВВП, занятости и внешней торговле страны, 1990-2015 гг.,

[5] Источники: Databases of UNCTAD (http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx - 12.IX.2017); CEPAL/ECLAC. Anuario.../Statistical Yearbook... 2016. Santiago de Chile, NU, 2017 – la versión electrónica (http://interwp.cepal.org/anuario_estadistico/Anuario_2016/datos/... 2.1.1.3.xls, 2.1.1.5.xls, 2.1.1.28.xls, 2.1.1.38.xls – 12.IX.2017).

[6] Databases ILO (http://www.ilo.org/ilostat/faces/ilostat-home/download?_adf.ctrl-state=ha2o27o1f_61&_afrLoop=110587374328646#!); IBGE (Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística). Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios Contínua. Segundo trimestre de 2017. Rio de Janeiro: IBGE, 2017. – P. 21.

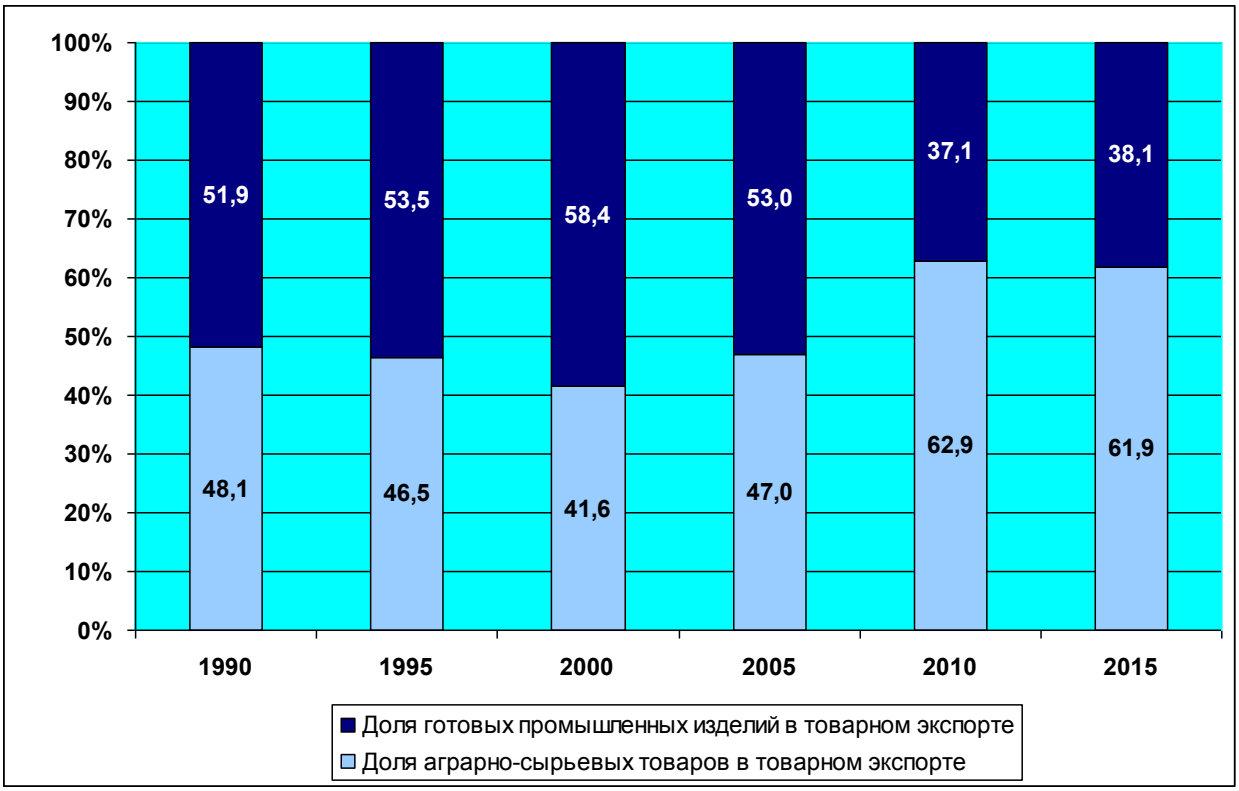
[7] CEPAL/ECLAC. Anuario.../Statistical Yearbook... 2016. Santiago de Chile, NU, 2017 – la versión electrónica (http://interwp.cepal.org/anuario_estadistico/Anuario_2016/datos/2.2.2.2.xls, 2.2.2.4. xls - 06.IX.2017

[8] Источник и расчеты автора по: Ibid., … 2.2.2.20xls – 13.IX.2017.



Источники: данные Бразильского Института географии и статистики (см. примечания 5 и 6)

Диаграмма 3. Изменение структуры товарного экспорта Бразилии, 1990-2015 гг., %%.



Источники: данные Экономической Комиссии ООН по Латинской Америке и Карибскому бассейну (CEPAL/ECLAC) (см. примечание 7).

На диаграмме 2 обращает на себя внимание то обстоятельство, что доля обрабатывающей индустрии в ВВП, исчисленная как по текущим, так и по постоянным ценам, сократилась в большей степени, чем доля занятых в обрабатывающей промышленности. Это свидетельствует о неблагополучии в динамике производительности бразильской индустрии.

В отличие от высокоразвитых стран, где деиндустриализация является результатом роста производительности в самой индустрии и структурных сдвигов в сторону постиндустриальной экономики, этот процесс в развивающихся странах, включая Бразилию, начался раньше, чем созрели его собственные предпосылки. Он начался под влиянием, в первую очередь, внешних факторов, будь то иностранная конкуренция, торговля с более успешными развивающимися странами или неадекватный курс национальной валюты, препятствующий промышленному экспорту. Недаром такую деиндустриализацию называют незрелой или преждевременной, а также негативной – в противоположность деиндустриализации, которая протекает вследствие прогрессивных, инновационных изменений.[9]

В 2008-2009 гг., в условиях мирового финансово-экономического кризиса, бразильская экономика фактически переориентировалась с хорошо знакомых рынков США и Западной Европы на Китай. Именно Китай (а не вообще страны БРИКС) стал главным торговым партнером Бразилии. Конечно, предпосылки для такой переориентации складывались в течение предыдущих лет, когда быстро возрастали объемы бразильско-китайской торговли. Но именно в обстановке мирового кризиса Китай выдвинулся на первое место среди торговых партнёров Бразилии и уверенно занимает его до сих пор. При этом другие страны БРИКС не играют существенной роли во внешней торговле Бразилии. И хотя товарооборот с ними у Бразилии существенно вырос с начала века, он по своим объемам заметно уступает бразильской торговле и с США, и со странами Меркосур, и с такими ведущими странами ЕС как, например, Франция. Это видно из приводимых ниже данных (см. таблицы 2-5).

Таблица 2. Объем торговли Бразилии товарами со странами БРИКС, 2000-2017, млн долл.

Направления торговли	**2000**	**2005**	**2010**	**2015**	**2016**	**2017** a)

[9] См.: Salama P. Des pays toujours émergents? P., La Documentation Française, 2014. – P. 98-100; Salama P. Les économies émergentes latino-americaines: Entre cigales et fourmis. P.: Armand Colin, 2012. – P. 66-68; Salama P. China-Brasil: Industrialización y “desindustrialización temprana”. *Cuadernos de Economía*, 2012. – № 31. – P. 224-225, 242-246; Feijó C.A; Carvalho P.G; Almeida J.S.G. Ocorreu Uma Desindustrialização no Brasil? São Paulo: IEDI (Instituto de Estudos para o Desenvolvimento Industrial), Novembre de 2005. – P. 1-3, 5, 13, 16; Dávila-Fernández M.J. Desindutrialização e o investimento na infraestutura como instrumento conciliador de uma *política indusrial base* no Brasil. *Revista de Economia Política.* – 2015. – Vol.35. – № 3 (140). – P. 577, 581, 585, 595-597; Oreiro J.L., Feijó C.A. Desindustrialização: conceituação, causas, efeitos e o caso brasileiro. *Revista de Economia Política,* 2010. – vol. 30. – № 2 (118), – P. 223; Marconi N., Rocha M. Taxa de câmbio, comércio exterior e desindustrialização precoce – o caso brasileiro. *Economia e Sociedade.* Número Especial. Campinas. – 2012. – Vol. 21. – P. 853-888; Bresser-Pereira L.C. A taxa de câmbio no centro da teoria do desenvolvimento. *Estudos Avançados,* São Paulo, 2012. – Vol. 29. – № 75. – P. 13.

Индия	Экспорт	217	1 138	3 492	3 617	3 161	3 732
	Импорт	271	1 203	4 242	4 290	2 483	2 345
Китай	Экспорт	1 085	6 834	30 786	35 608	35 134	41 350
	Импорт	1 022	5 353	25 593	30 719	23 364	22 605
Россия	Экспорт	423	2 917	4 152	2 464	2 300	2 363
	Импорт	571	722	1 910	2 221	2 021	2 244
ЮАР	Экспорт	302	1 371	1 310	1 354	1 397	1 263
	Импорт	228	342	753	645	336	385
Общий экспорт Бразилии		55 119	118 529	201 915	191 134	185 235	183 467
Общий импорт Бразилии		55 851	73 600	181 768	171 449	137 552	125 004

а) – предварительные данные за 10 месяцев (январь-октябрь).

Источник: Ministerio da Indústria, Comércio Exterior e Serviços. Estatística do Comércio Exterior. Balança comercial brasileira: Países e Blocos - http://www.mdic.gov.br/index.php/comercio-exterior/estatisticas-de-comercio-exterior/balanca-comercial-brasileira-mensal-2 - 08/XI.2017

Таблица 3. Доля стран БРИКС во внешней торговле Бразилии товарами, 2000-2017, %%.

Направления торговли		**2000**	**2005**	**2010**	**2015**	**2016**	**2017** а)
Индия	Экспорт	0,4	1,0	1,7	1,9	1,7	2,0
	Импорт	0,5	1,6	2,3	2,5	1,8	1,9
Китай	Экспорт	2,0	5,8	15,3	18,6	19,0	22,5
	Импорт	2,2	7,3	14,1	17,9	17,0	18,1
Россия	Экспорт	0,8	2,5	2,1	1,3	1,2	1,3
	Импорт	1,0	1,0	1,1	1,3	1,5	1,8
ЮАР	Экспорт	0,5	1,2	0,6	0,7	0,8	0,7
	Импорт	0,4	0,5	0,4	0,4	0,2	0,3
Страны БРИКС, всего	Экспорт	3,7	10,3	19,7	16,8	22,7	26,6
	Импорт	4,1	10,4	17,9	16,7	20,5	22,1

а) – предварительные данные за 10 месяцев (январь-октябрь).
Источник: там же

Таблица 4. Объем торговли Бразилии товарами с некоторыми странами Запада и странами Меркосур, 2000-2017, млн долл.

Направления торговли		**2000**	**2005**	**2010**	**2015**	**2016**	**2017** а)
США	Экспорт	13 190	22 540	19 307	24 080	23 156	22 230
	Импорт	12 899	12 667	27 044	26 471	23 893	20 724
Великобритания	Экспорт	1 499	2 597	4 628	2 907	2 841	2 256
	Импорт	1 245	1 376	3 155	2 800	2 298	1 940
Франция	Экспорт	1 731	2 507	3 576	2 245	2 308	1 877
	Импорт	1 880	2 700	4 801	4 457	3 679	3 132
ФРГ	Экспорт	2 527	5 032	8 138	5 179	4 861	4 063
	Импорт	4 428	6 144	12 554	10 380	9 131	7 679
Страны ЕС, всего	Экспорт	15 370	27 128	43 324	33 947	33 357	29 192
	Импорт	14 537	18 239	39 151	36 646	31 062	26 615
Страны Меркосур б)	Экспорт	7 740	11 746	22 602	22 469	21 086	20 243
	Импорт	7 796	7 054	16 620	15 572	13 349	11 226

а) – предварительные данные за 10 месяцев (январь-октябрь).
б) – до 2010 г. включительно – торговля с Аргентиной, Парагваем и Уругваем, 2015-2017 гг. – также и с Боливией и Венесуэлой
Источник: там же.

Таблица 5. Доля некоторых стран Запада и стран Меркосур во внешней торговле Бразилии товарами, 2000-2017, %%.

Направления торговли		**2000**	**2005**	**2010**	**2015**	**2016**	**2017** а)
США	Экспорт	23,9	19,0	9,6	12,6	12,5	12,1

	Импорт	23,1	17,2	14,9	15,4	17,3	16,6
Великобритания	Экспорт	2,7	2,2	2,3	1,5	1,5	1,2
	Импорт	2,2	1,9	1,7	1,6	1,7	1,5
Франция	Экспорт	3,1	2,1	1,8	1,2	1,3	1,0
	Импорт	3,4	3,7	2,6	2,6	2,7	2,5
ФРГ	Экспорт	4,6	4,3	4,0	2,7	2,6	2,2
	Импорт	7,9	8,4	6,9	6,1	6,6	6,1
Страны ЕС, всего	Экспорт	27,9	22,9	21,5	13,3	18,0	15,9
	Импорт	26,0	24,8	21,5	16,2	22,6	21,3
Страны Меркосур б)	Экспорт	14,0	9,9	11,2	8,9	11,4	11,0
	Импорт	14,0	9,6	9,1	6,9	9,7	9,0

а) – предварительные данные за 10 месяцев (январь-октябрь)
б) – до 2010 г. включительно – торговля с Аргентиной, Парагваем и Уругваем, 2015-2017 гг. – также и с Боливией и Венесуэлой
Источник: там же.

Итак, из приведенных данных следует, что для Бразилии связи с БРИКС – это связи с Китаем. Они, безусловно, помогли Бразилии, как и другим странам Латинской Америки, пройти кризис 2008-2009 гг. с минимальными потерями. Но эти связи и рост китайской индустрии в целом способствовали ослаблению конкурентоспособности бразильской индустрии и на внешних рынках, будь то США, ЕС или другие страны Латинской Америки, и на внутреннем бразильском рынке. По существу торгово-экономические отношения двух стран напоминают отношения между промышленно развитым центром, коим выступает Китай, и аграрно-сырьевой периферией мировой экономики, на положении которой оказалась Бразилия. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением российского латиноамериканиста Л.Л. Клочковского, который писал: «расширение хозяйственного взаимодействия с Китаем не только не обеспечивает благоприятных предпосылок для развития модернизационных процессов в Латинской Америке, но наоборот сужает их базу, усугубляет и без того серьезные трудности инновационного развития региона. … Преобладающая в последнее время ориентация на преимущественное развитие хозяйственных отношений с азиатскими странами и прежде всего с Китаем вряд ли способна обеспечить решение модернизационных задач, стоящих перед латиноамериканскими странами».[10]

Но можно ли объяснять деиндустриализацию, переживаемую Бразилией, только давлением конкуренции со стороны Китая и развитием финансового сектора за счет промышленного производства? Не принимаем ли мы в таком случае причину за следствие, а следствие за причину? Не имеет ли деиндустриализация более глубокие корни, чем те, на которые указывают многие экономисты, недовольные нынешней ситуацией в бразильской экономике?

В действительности нынешняя бразильская деиндустриализация связана, как ни странно на первый взгляд, с ускоренным ростом обрабатывающей индустрии при

[10] Клочковский Л.Л. Современные тенденции мирохозяйственного развития и Латинская Америка. М.: Гриф и К, 2014, 209 с. – С. 133, 135.

военном режиме в конце 1960-х и в 1970-е годы. Именно тогда при резком увеличении инвестиций в промышленность и инфраструктуру, во многом за счет займов и иностранных капиталов, началось падение прибыльности в промышленности и ее эффективности в целом, которое продолжалось до середины 1990-х годов. Инвестировать в этот сектор экономики становилось все менее выгодным, зато на фоне его уменьшающейся доходности становился все более привлекательным финансовый сектор.[11] Некоторый рост эффективности капитала вместе с ростом производительности труда в промышленности во второй половине 1990-х гг. – своего рода промежуточная модернизация промышленности как эффект от осуществления Плана Реал – не мог, однако, существенно переломить тенденцию, наметившуюся ранее.

Выход из сложившегося положения совершенно справедливо представляется на путях технологической модернизации экономики, повышения производительности и выхода на внешние рынки с товарами, которые содержат высокую долю добавленной стоимости. Однако для реализации такой стратегии существуют серьезные социальные и институциональные препятствия, преодолеть которые в ближайшее время вряд ли возможно.

Социальная модернизация в Бразилии: достижения и новые проблемы. Несмотря на обострение экономических проблем в последние годы, главным для Бразилии сегодня, как и в прошлом, являются всё же не экономические, а социальные проблемы. С ними связана и проблема формирования социального субъекта дальнейшей модернизации. Причем даже быстрое и относительно успешное экономическое развитие не столько разрешало эти социальные проблемы, сколько придавало им новые формы. В то же время, если для части общества это развитие и решало их, то для другой – усугубляло. Так было и в период импортозамещающей индустриализации (1930-1964 гг.), и при военно-бюрократическом авторитаризме (1964-1985 гг.).

Более того, именно быстрое развитие индустрии и урбанизация как бы наслаивало новые проблемы на старые. Рост индустрии и городов в сочетании с быстро увеличивавшимся сельским населением ускоряли разложение архаичных отношений в деревне, и огромные массы бывших крестьян и батраков, не находивших себе применения, в поисках «счастья» мигрировали в города, где могли рассчитывать только на плохо оплачиваемую, неквалифицированную работу. Там же они создавали огромные поселения бедноты, фавелы. Так, например, в 1960 г. обитатели фавел составляли всего 0,6 % населения Сан-Паулу, этой финансово-экономической столицы Бразилии. Зато в период индустриального бума с 1972 по 1982 год число жителей фавел Сан-Паулу выросло в 14 раз, достигнув 1 миллиона, или 12 % населения города.[12] Эти новые обитатели городов вместе с теми, кто оставался в деревне, работая по найму, часто сезонно, образовывали специфический класс *субпролетариата* (*subproletariado*).[13] По разным оценкам, его численность в Бразилии достигала от одной трети до половины населения страны, а сам он часто был опутан отношениями личной зависимости. Только вместо помещика, *фазендейру*, который был и судьей, и администратором, и «отцом-благодетелем» в одном лице, жителям фавел покровительствовал свой «старший», нередко – криминальный авторитет, требовавший за свои «услуги» плату в той или

[11] Gaulard M. Les causes de la désindustrialisation brésilienne. *Revue Tiers Monde.* – 2011. – № 205. – P. 177-185.
[12] *Rouquié A.* Amérique Latine. Introduction à l'Extême-Occident. P.: Seuil, 1987. – P.376-381.
[13] Singer P. Dominação e Desigualdade: Estrutura de classes e repartição da renda no Brasil. Rio de Janeiro, Paz e Terra, 1981. – P. 22-24, 85-94, 105-120, 131-133.

иной форме. Складывались новые, на сей раз уже «городские», патрон-клиентелистские отношения, весьма далекие от «нормальных» отношений буржуазного общества. Очевидно, что само существование фавел и субпролетариата было колоссальным препятствием для «нормального» капиталистического развития и воспроизводило массовую бедность, не говоря уже о том, что оно ограничивало расширение внутреннего рынка, сужая возможности накопления капитала.

К рубежу 1980-1990-х годов треть населения страны жила за чертой бедности, а еще одна треть по своим доходам лишь немного возвышалась над этой чертой. Фактически две трети населения страны, которая по уровню развития некоторых отраслей экономики и сфер жизни приближалась к Первому миру, жили в Третьем мире.[14] Ситуация начала медленно меняться в середине 1990-х годов, когда при неолиберальной финансово-экономической политике правительства Кардозу было принято к исполнению около полусотни социальных программ, направленных на снижение бедности и социального неравенства. Среди них стоит упомянуть программы «Школьный кошелек» (Bolsa Escola), которая при Луле трансформировалась в программу «Семейный кошелек» (Bolsa Familia), и «Свет для всех» (Luz para Todos). Первая из них сначала предусматривала выплату пособий бедным семьям, чтобы их дети могли посещать школу, а потом была существенно расширена с целью снижения бедности, но по-прежнему условием получения пособия по бедности было посещение детьми школы. Вторая означала электрификацию отдаленных глухих уголков Севера и Северо-Востока страны. Одновременно существенно увеличились расходы на образование и здравоохранение.[15] Динамика этих расходов за 1995-2010 гг., т.е. за время правления Кардозу и Лулы да Силвы, иллюстрируется таблицей 6.

Таблица 6. Государственные расходы в Бразилии на образование, здравоохранение и социальные нужды в целом, 1995-2012 гг., в постоянных долларах США 2005 г. и в процентах ВВП, в среднем за соответствующие годы

	1993 - 1994	1995 - 1996	1997 - 1998	1999 - 2000	2001 - 2002	2003 - 2004	2005 - 2006	2007 - 2008	2009 - 2010	2011 - 2012
Все социальные расходы на душу населения, долл. 2005 г.	750	865	901	930	963	1028	1120	1291	1444	1512
- в т.ч. в процентах ВВП	18,2	20,0	20,5	21,4	21,6	22,4	23,1	24,6	26,6	-
Расходы на образование на душу населения, долл. 2005 г.	176	202	209	225	204	221	224	273	311	-

[14] Jaguaribe H., Guilherme dos Santos W., Paiva Abreu M. de, Fritsch W., Bastos de Ávila F. Brasil, 2000. Para um novo Pacto Social. 3-a ed. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1986 (1-a ed. – 1985). – PP. 17-21, 41-44; Jaguaribe H. Crise na República: 100 anos depois. Primeiro ou Quarto Mundo? Rio de Janeiro: Thex, 1993. – P. 11-13.

[15] Одним из бесспорных социальных достижений президентства Кардозу можно считать «замораживание» эпидемии СПИДа и резкое, в 3 раза, уменьшение смертности от ВИЧ, достигнутое тогдашним министром здравоохранения Ж. Серрой (Cardoso F.H. (com Brain Winter). O Improvável Presidente do Brasil.., pp. 269-270).

Расходы на образование в процентах ВВП	4,3	4,7	4,8	5,2	4,6	4,8	4,7	5,3	5,8	-
Расходы на здравоохранение на душу населения, долл. 2005 г	125	174	167	169	175	194	212	244	276	-
Расходы на здравоохранение в процентах ВВП	3,0	4,0	3,8	3,9	4,0	4,3	4,4	4,7	5.1	-

Источник: CEPAL. Panorama Social de América Latina 2013, anexo estadístico, la versión electrónica en Excel, cuadros 32-33, 35-36, 39-40 (http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/35904/6/ Cuadros_estadisticos_2013_es.xlsx - 18.IX.2017).

В целом к концу благополучного периода, т.е. к 2012-2013 гг., более 70 процентов всех государственных расходов – 73,5 % в 2005-2010 гг. – направлялись на социальные нужды. По доле социальных расходов в консолидированном бюджете Бразилия начала соответствовать странам Западной Европы с их социальным государством. Во всей Латинской Америке только Уругвай менее чем на один процентный пункт превосходил Бразилию по этому показателю. Благодаря программе «Голод – ноль» (Fome Zero) в стране было покончено с голодом среди бедного населения. В целом же доля бедных – в большой степени благодаря постоянному повышению минимальной заработной платы – сократилась в Бразилии за 1995-2014 гг. на 20 процентных пунктов. Особенно заметным это сокращение было за годы правления Лулы да Силвы и Дилмы Руссефф с их Партией Трудящихся; за это время более 30 миллионов бразильцев вырвались из бедности и нищеты. Сама же минимальная заработная плата увеличилась в реальном выражении (т.е. с учетом инфляции) с 1995 по 2016 год в 1,7 раза.

Кроме того, в Бразилии за счет создания новых рабочих мест увеличилась формальная занятость (т.е. с трудовыми книжками и банковскими карточками). Благодаря этому безработица в стране уменьшилась с 10,0 % в 2001 г. до 6,7 % в 2012-м. Правда, в самые последние годы на фоне стагнации и кризиса она вновь увеличилась, составив в начале 2017 г. 13,7 %.[16]

Здесь следует отметить, что по критериям СЕПАЛ (Экономической Комиссии ООН по Латинской Америке и Карибскому бассейну) семья считается бедной, если тратит на покупку продуктов питания 50 и более процентов своих текущих расходов. Этот критерий служит ориентиром для определения линии бедности для домохозяйств и отдельных индивидов в каждой из стран континента. Соответственно уровень нищеты равен примерно половине уровня бедности.

Одновременно в Бразилии, как и в большинстве стран Латинской Америки, за последние двадцать лет уменьшилось неравенство в доходах, измеряемое коэффициентом Джини, хотя это неравенство по сей день остается очень высоким, и Бразилия по-прежнему превосходит большинство стран Латинской Америки по степени неравенства. Динамика указанных изменений представлена в таблице 7.

[16] Данные Бразильского Института географии и статистики (IBGE. Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios (PNAD) Contínua. Divulgação trimestral. Abril a Junho de 2017. Divulgada em 17 de agosto de 2017. Tabela 27. Taxa de desocupação das pessoas de 14 anos ou mais de idade (https://ww2.ibge.gov.br/home/estatistica/indicadores/trabalhoerendimento/pnad_continua/default.shtm – 23.IX.2017).

Таблица 7. Изменение показателей минимальной заработной платы, бедности и социального неравенства в Бразилии, 1996-2016 гг.

	1996	**1999**	**2002**	**2005**	**2008**	**2011**	**2014**	**2017**
Минимальная заработная плата, реал/месяц	112	136	200	300	415	540	724	937
Доля бедных в населении страны, %%	35,8	37,5	37,8	36,4	25,8	20,9	16,5	
Количество бедных, млн. человек	57,9	63,2	68,0	68,3	49,5	41,9	34,0	
Коэффициент Джини по всему населению	0,637	0,640	0,634	0,613	0,594	0,559	0,548	

Источник и расчеты автора по: Salário Mínimo – http://www.salariominimo.net.br/ - 23,IX.2017; CEPAL. Anuario estadístico ...2001. Santiago de Chile: NU (Naciones Unidas), 2002, p. 173; Anuario estadístico... 2006. Santiago de Chile: NU, 2007, p. 23; Anuario estadístico... 2010. Santiago de Chile: NU, 2010, p. 23; Anuario estadístico... 2015. Santiago de Chile: NU, 2015, p. 19; CEPAL. Panorama Social de América Latina 2015. Santiago de Chile: NU, 2016, anexo estadístico, la versión electrónica en Excel, cuadros 4 (Magnitud de la pobreza y la indigencia) y 14 (Indicadores de concentración del ingreso, total nacional) – http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/39965/7/S1600175Ganexo_es.xlsx - 14.X.2017; IBGE. Síntese de Indicadores Sociais: Uma Análise das Condições de Vida da População Brasileira 2015. Rio de Janeiro: IBGE, 2015, p.87 (gráfico 5.5).

Правомерно, однако, поставить вопрос: а как повышение минимальной заработной платы соотносилось с динамикой ее средней величины, а последняя – с линией бедности? На самом деле, даже в период роста бразильской экономики и заметного улучшения положения широких масс населения (2004-2012 гг. с «перерывом» на кризис 2008-2009 гг.) основная масса новых рабочих мест создавалась в сфере услуг, где от работников не требовалась высокая квалификация, а заработная плата была не намного выше установленного минимума. Так, в 2005 г. средняя заработная плата в формальном и неформальном секторах экономики превышала минимальную в 4,89 раза, в 2010 г. – в 3,22 раза, в 2012 г. – в 2,91 раза, а в 2015-м – в 2,29 раза; в середине 2017 г. это соотношение составило 2,24 раза.[17] При этом в 2012-2013 гг., т.е. накануне нынешнего затянувшегося кризиса, среднедушевые доходы у большинства бразильцев – 77,6 % – среднедушевой доход находился в пределах 2 минимальных заработных плат, в том числе у 53,7 % он не превышал одного зарплатного минимума (678 реалов в месяц с 1 января 2013 г.). В штатах Северо-Востока, самого бедного региона Бразилии, который, правда, немного подтянулся к среднему уровню по стране, эти показатели были еще хуже. В 2013 г., когда экономическая ситуация только начала ухудшаться, среднедушевые доходы в пределах двух минимальных зарплат были у

[17] Для всех занятых в возрасте 16 и более лет. Рассчитано по: IBGE. Síntese de Indicadores Sociais: Uma Análise das Condições de Vida da População Brasileira 2016. Rio de Janeiro: IBGE, 2016. – P. 76 (gráfico 5.6); PNAD, ... Divulgação trimestral. Abril a Junho de 2017, tabela 29 (см. предыдущее примечание).

87,1 % населения, в том числе в пределах одной минимальной заработной платы – у 73,1 % населения.[18]

Такие показатели свидетельствовали о том, что бразильская экономика в целом оставалась экономикой дешевого человека-работника – несмотря на все положительные изменения в плане снижения бедности. Причем сохранение экономики дешевого человека явно диссонирует с возросшим уровнем образования бразильцев. И хотя к 2015 году 8 % населения в возрасте 15 и более лет (11,1 % – в 2005 г.) оставались неграмотными (для сравнения: среди тех, кому было больше 65 лет, было 25,7 % неграмотных), доля тех, кто обучался 10 и более лет среди городского населения в возрасте от 25 до 59 лет выросла с 33,1 % в 1999 г. до 55,5 % в 2013-м, среди сельского – с 7,2 % до 20,4 % соответственно. У молодежи в возрасте от 15 до 24 лет эти показатели, естественно, еще выше: среди горожан доля лиц, обучавшихся 10 и более лет, увеличилась за те же годы с 30,4 % до 53,1 %, среди сельского населения – с 10,0 % до 32,8 % соответственно. Среднее же число лет, которое бразильцы старше 25 лет провели в учебных заведениях, возросло с 6,5 в 2005 г. до 7,9 года в 2015 г., хотя по этому показателю Бразилия отставала, например, от Чили почти на четверть века.[19] В целом, однако, по оценкам экспертов Всемирного банка, за 20 лет, с 1990 по 2010 год, повышение образовательного уровня совокупной рабочей силы в стране было одним из самых быстрых в мире; этот уровень повышался даже быстрее, чем в Китае.[20]

Однако в стране по-прежнему очень остро стоит проблема *качества образования*, особенно школьного в бедных районах Северо-Востока. Кроме того, в Бразилии обозначилось также явление, хорошо знакомое в России еще с советских времен. Это потеря «ренты от образования», т.е. относительное уменьшение заработной платы тех, кто повысил свой образовательный уровень, по сравнению с возросшей минимальной заработной платой. В Бразилии, где престиж знания и образования всегда был очень высок во всех слоях общества, молодые люди, получившие образование, стали утрачивать свое, казалось бы, привилегированное положение относительно низкооплачиваемых и малообразованных работников. Это вызвало своеобразный рост социальной напряженности, обозначившей пределы политики ПТ и всей парадигмы «решение социальных проблем – ключ к экономической и технологической модернизации». Оказалось, что решение социальных проблем не сводится только к борьбе с бедностью, а имеет более глубокое и широкое содержание.

Социальная напряженность проявилась в середине 2013 года, когда власти крупных городов решили повысить плату за проезд в автобусах и метро, которая и так была немаленькая,[21] на 10-15 процентов. Это было сделано, чтобы компенсировать непредвиденно возросшие расходы на подготовку к чемпионату мира по футболу 2014 года и Олимпийские игры 2016 года. Такое повышение тарифов, казалось бы, незначительное, вызвало массовое недовольство. Десятки тысяч людей, многие из которых голосовали на выборах 2010 года за Дилму Руссефф и ПТ, вышли на улицы, протестуя против политики властей.

---

[18] IBGE. Síntese de Indicadores Sociais..., 2014. Rio de Janeiro: IBGE, 2014. – P. 158, 138 (tabelas 5.2, 4.5)

[19] CEPAL. Panorama Social de América Latina 2014. Anexo estadístico (versión electrónica). Cuadros 26, 27 (http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/37626/anexo_estadistico2014_es.zip?_sequence=5) (открыто 16.05.2016); IBGE. Síntese de Indicadores Sociais..., 2016. Rio de Janeiro: IBGE, 2016, pp. 63

[20] Bruns B., Evans D., Luque J. Achieving World-Class Education in Brazil: The Next Agenda. Wash., D.C.: The World Bank, 2012. – P.3.

[21] Еще в 2009-2010 гг. разовый билет на метро в Сан-Паулу стоил 3 реала, что примерно соответствовало цене такого билета в Париже или Мадриде при заметно более низких зарплатах, чем во Франции или Испании, даже в относительно богатом Сан-Паулу.

Примечательно, что демонстранты протестовали не только против повышения тарифов, но и против коррупции, неэффективной, по их мнению, социальной (!) политики правительств, федерального и штатов, против нерационального использования бюджетных средств. Фактически протестующие показали возросшую зрелость гражданского общества в стране. Достаточно вспомнить некоторые наиболее важные лозунги демонстрантов: «Стадионы как в первом мире, а больницы как в третьем мире?», «Долой футбол – давай школу», «Хороший профессор стоит дороже футболиста». Всё это казалось настолько необычным, что Ф.Э. Кардозу, скорее как ученый-социолог, а как бывший президент страны, сказал в интервью газете «Фолья де Сан-Паулу»: «Ни один теоретик прошлого не мог бы понять, что сегодня происходит на улицах».[22] По мнению ветерана бразильской социологии, за этими протестами стояло нечто большее, чем сугубо материальные мотивы, хотя и они имели значение, а именно – проблема качества жизни.

В своей социальной политике ПТ сделала упор на помощь самым бедным и обездоленным слоям, что в условиях Бразилии было, конечно, оправдано. Благодаря этой политике десятки миллионов человек стали новыми потребителями товаров и услуг. Однако они в своем подавляющем большинстве так и не стали современными работниками. По оценке бразильских социологов, около трети экономически активного населения страны – более 30 миллионов человек к концу правления Лулы и к началу президентства Дилмы Руссефф (2010-2011 гг.) – оставались неготовыми к сложному индустриальному труду и другим современным видам деятельности.[23] Но в то же время они не хотели терять возросшую покупательную способность своих увеличившихся доходов, поэтому поддерживали также и проводившуюся ПТ политику макроэкономической стабильности, под которой подразумевалась, в первую очередь, финансовая стабильность. Последняя обеспечивается бездефицитным или с минимальным дефицитом бюджетом и высокой учетной ставкой процента, которая, разумеется, не способствует росту промышленных инвестиций. Но финансовая стабильность в сочетании с дорогим реалом до недавнего времени помогала повышать уровень потребления, в том числе за счет импорта дешевых товаров из других стран Латинской Америки и из Китая. В этом отношении текущие интересы огромной массы трудящихся и субпролетариата, на которых все больше ориентировалась ПТ, совпадали с интересами тех, кто, казалось бы, является их социальным антагонистом, – с интересами экспортеров сырья и сельскохозяйственной продукции, а также финансистов, получающих доходы на внутреннем и мировом финансовом рынке. Таким образом, социально-экономическая политика ПТ в течение долгого времени отвечала интересам консервативной части верхов и одновременно опиралась на широкую поддержку низов. По существу консерватизм верхов, связанных с агробизнесом и финансами, благодаря ПТ смыкался с консерватизмом низов. Сама же ПТ, рожденная в 1980 г. на излете индустриализации под эгидой авторитарного режима как партия организованных трудящихся промышленного Юго-Востока, за время правления Лулы превратилась главным образом в партию бедного и сравнительно отсталого Северо-Востока. Одновременно понизился и образовательный уровень тех, кто голосовал за ПТ с 2006 г. и далее, по сравнению с периодом до 2003 г., когда Лула вступил в должность президента.[24]

---

[22] Cassino Ekek Machado. “Nenhum partido vai ganhar com protestas, afirma FHC”. *Folha de São-Paulo,* 22 de Junho de 2013.

[23] Singer A. Os Sentidos do Lulismo. Reforma Gradual e Pacto Conservador. São Paulo: Companhia das Letras, 2012, p. 43; Souza J. et all. Ralé Brasileira: Quem É e Como Vive. Belo Horizonte, UFMG, 2009. – P. 21-22, 479-480.

[24] Singer A. A Segunda Alma do Partido dos Trabalhadores. Novos Estudos, 2010. – № 88. – P. 91-98.

В то же время политика ПТ явно недооценила формирование пост-материальных потребностей городского среднего класса (скорее, правда, не вместо, а наряду с потребностями материальными) – таких, как потребность в здоровой окружающей среде, особенно в больших городах, в безопасности, в возможности профессионального роста, не говоря уже о качественном образовании и здравоохранении. И когда экономическая ситуация начала ухудшаться, повышение тарифов на городской транспорт сработало как спусковой механизм для протестов, в которых сошлись вместе и новые левые, и старые правые, и верхний средний класс, и те, кто совсем недавно поднялся над чертой бедности. У каждой из этих групп были свои мотивы для недовольства. Верхний средний класс был недоволен и ускорившейся было инфляцией, особенно в сфере услуг, и скверным качеством жизни в городах, новые пролетарии – возросшими тарифами на проезд в метро и автобусах, а также тем, что их труд, как им казалось, недооценивался. К ним примыкал новый прекариат – молодые наемные работники с относительно хорошим образованием (результат социальной политики Кардозу и Лулы), часто с трудовыми книжками и банковскими карточками, но с невысокой заработной платой, нестабильной работой и плохими условиями труда, а главное – с ограниченными возможностями социальной мобильности. И общим знаменателем всех течений, слившихся как бы в единый поток, стало недовольство коррупцией.

Массовые демонстрации протеста середины 2013 года – на фоне начавшей ухудшаться экономической ситуации – обозначили переломный момент в развитии Бразилии, которое началось после потерянного десятилетия 1980-х и инфляции первой половины 1990-х годов. Та модель развития, которая сложилась в ходе осуществления Плана Реал и последующего сочетания либерализма в экономике с социал-демократическим подходом к социальным проблемам, исчерпала себя. Исчерпала, потому что выполнила свою функцию в конкретных бразильских условиях, унаследованных от предыдущих десятилетий. И странный, на первый взгляд, компромисс между частью верхов и большой частью низов (соединение консерватизма верхов и консерватизма низов), выражавшийся долгое время в политических альянсах правых и левых, дал трещину и начал разрушаться.

Еще в 2002 г., Лула да Силва, борясь за пост президента, пригласил в вице-президенты текстильного магната Жозе Аленкара, который выступал сначала от Либеральной партии, а потом от отколовшейся от нее Бразильской Республиканской партии. Аленкар проработал на своем посту в течение обоих президентских сроков Лулы. Дилма Руссефф пригласила в вице-президенты МишеляТемера от правоцентристской ПМДБ (Партии Бразильского Демократического Движения – Partido do Movimento Democrático Brasileiro). Долгое время существовал и своеобразный альянс ПТ и ПМДБ в Конгрессе при разработке и проведении законов.

Такой альянс мог существовать, пока экономика была на подъеме, а социальная напряженность – на спаде. Но в 2012-2013 гг. ситуация начала меняться. По оценкам бразильских экономистов и социологов, чтобы продолжать социальные реформы как при Луле, т.е. как в первом десятилетии нынешнего века, нужно было бы обеспечить рост экономики темпом около 5 % в год.[25] При сложившейся структуре экономики и общества, а также при доминирующем консерватизме на обоих полюсах социально-политического спектра обеспечивать такие темпы роста было далее невозможно. И далеко не последнюю роль в таком положении дел сыграли связи с Китаем.

«Дружба» с Китаем (это к вопросу о «плодотворности» БРИКС!), позволившая сравнительно легко пройти финансово-экономические бури 2008-2009 гг., не только

[25] Singer A. Cutucando Onças com Varas Curtas. O ensaio desenvolvimentista no primeiro mandato de Dilma Rousseff (2011-2014). *Novos Estudos,* Julho 2015. – № 102. – P. 46.

затормозила экономическую и технологическую модернизацию в Бразилии, способствуя репримаризации экономики (т.е. повышению доли аграрно-сырьевого сектора в производстве и экспорте). В социально-политическом плане эта «дружба» обернулась укреплением позиций агробизнеса и экспортеров сырья, тесно связанных с финансовыми рынками. В частности, воспряли духом и оживились, в том числе на политической сцене, канувшие было в лету «полковнички» (coroneis) с Севера и Северо-Востока. И далеко не случайно в 2014 г. наряду с переизбранием Дилмы Руссефф на второй президентский срок Бразилия получила самый консервативный , самый правый по своему составу Национальный Конгресс (и Сенат, и Палату депутатов) после 1985 года, когда военные передали власть гражданским политикам. Это сделало практически неизбежным – в условиях ухудшающейся экономической ситуации и трещины в социально-политическом пакте правоцентристов и левых – конфликт между правым Конгрессом и левым президентом.

Повод для конфликта, точнее, для перехода его в открытую фазу, нашелся. Это история с автомойкой, Lava Jato, которая вызвала обвал колоссальной разрушительной силы.

Скандал Lava Jato и политический переворот. История Lava Jato (автомойка по-португальски) представляет собой тот случай, когда вполне можно сказать: «Погорели на спичках». На обычной, казалось бы, автозаправочной станции «Пошту ди Торре» (Posto de Torre) с закусочной, прачечной, магазином и мойкой, обслуживавшей в день 3000 – 3500 машин и расположенной в трех километрах от Эспланады министерств (Espalanada dos Ministérios), правительственного квартала в столице, был пункт обмена валюты. С вывеской на португальском и английском языках. Существование этого заведения вне банка (!) – ситуация абсолютно обычная для России, но не совсем обычная для Бразилии – привлекло внимание Федеральной полиции, которая решила провести в нем обыск и закрыла его утром 17 марта 2014 года, начав расследование. Тем более что хозяин, Карлуш Хабиб Шатер, потомок иммигранта из Ливана, в прошлом уже попадал в поле зрения полиции и имел осложнения с законом на почве финансовых афер. Выяснилось, что в «Пошту ди Торе» не только заправляли и мыли автомобили или стирали рубашки, но и отмывали огромные деньги.

В то же время в Конгрессе заинтересовались операциями бразильского государственного нефтяного концерна «Петробраз», который в штате Техас купил в два этапа, в 2006 и 2012 годах, небольшую нефтеперерабатывающую компанию «Пасадена». Причем сначала «Петробраз» заплатил бельгийской «Астра-Ойл», владевшей компанией, 359 миллионов долларов за 50 % ее акций в «Пасадене», тогда как годом раньше бельгийцы заплатили за все свои активы в компании всего 42 миллиона. А в 2012 г. «Петробраз» решил выкупить у бельгийцев оставшуюся у них часть за… 820 миллионов. Но стоила ли эта компания таких денег? Были ли деньги действительно потрачены на приобретение нефтеперерабатывающей компании в США или использовались также для других целей?

Расследование показало, что между покупкой «Пасадены» «Петробразом» и сомнительной деятельностью обменного пункта на автозаправке есть связь. Оказалось, что руководители «Петробраза» брали взятки с предпринимателей за предоставление им выгодных контрактов. Счета по этим контрактам были завышены так, чтобы «отблагодарить» руководителей госкомпании. Далее в «дело» вступали посредники, «специалисты» по финансовым аферам, которые передавали деньги «нужным» политикам и высокопоставленным чиновникам, а также функционерам политических партий, в том числе на нужды избирательных кампаний. Причем, как

показало расследование, в «дело» помимо нефтяного гиганта были вовлечены хозяева и управляющие крупных частных компаний, занятых в агробизнесе, пищевой промышленности, телекоммуникациях, строительстве (конечно же!) и даже в таких благородных сферах, как ядерная энергетика. В 2015 году на «чистую воду» стали «выплывать» политики. Одним из первых «всплыл» сенатор от штата Алагоас… Фернанду Коллор, бывший президент страны, отстраненный от должности за «чрезмерное сребролюбие» в 1992 году. Как говорится, битому неймется… Всего же в этой истории оказалось замешано около двухсот человек, в том числе более сотни крупных (в смысле высокопоставленных и влиятельных) политических деятелей, включая председателей обеих палат Национального Конгресса, бывших и действующих министров, префектов крупных городов и губернаторов штатов, действующего и предыдущего президентов, а также бывшего кандидата в президенты от Партии Бразильской Социал-демократии Аесио Невеса.

По мере того, как продвигалось расследование, начались и судебные процессы. В марте 2017 г. был отправлен в тюрьму на 15 лет бывший председатель Палаты депутатов Конгресса Эдуарду Кунья, кстати, активно добивавшийся смещения Дилмы Руссефф с поста президента. В июне 2017 г. был осужден к 12 годам тюрьмы бывший министр финансов при Луле, бывший глава администрации президента (Casa Civil) при Руссефф Антонио Палоччи. Вновь угодил в тюрьму и Жозе Дирсеу, бывший руководитель администрации президента Лулы в ранге министра (с 1 января 2003 г. до 16 июня 2005 г.), однажды уже осужденный за коррупцию.[26] Всего к началу последнего квартала 2017 года были окончательно осуждены на тюремные сроки 26 человек, включая высокопоставленных управляющих «Петробраза» и строительного концерна «Одебрехт», двух бывших казначеев ПТ, двух бывших министров и одного бывшего губернатора штата Рио-де-Жанейро. Очевидно, что на этом список отправленных в тюрьму не закончится.

Так, под расследование попала преемница Палоччи на посту главы Casa Civil сенатор Гляйзи Елена Хоффманн (Gleisi Helena Hoffmann) – вместе со своим мужем Паулу Бернарду, бывшим министром планирования в правительствах Лулы и Руссефф. Сам же Лула начал препятствовать расследованию, когда оно коснулось его ближайших друзей и сподвижников. Сейчас бывший президент осужден на девять с половиной лет тюрьмы по обвинению в коррупции. Ему, в частности, вменяется получение взятки в 3,7 миллиона реалов, покровительство коррупции других и препятствование расследованию. Пока (в ноябре 2017 г.) он оставался на свободе, поскольку вышестоящая судебная инстанция рассматривает апелляцию адвокатов.

Наконец, обвинения прозвучали и в адрес Дилмы Руссефф. Бывший (по причине посадки в тюрьму) президент компании «Одебрехт» Марселу Одебрехт во время следствия утверждал, что Руссефф знала о взятках, которые его компания давала ПТ и ПМДБ на избирательную кампанию, в том числе для переизбрания ее на второй президентский срок в 2014 году. А Жоеслей Батишта, владелец гигантского транснационального пищевого концерна JBS,[27] имеющего активы также и в других отраслях экономики, включая производство биодизеля, и вовсе обвинил Лулу и Руссефф в получении ими взяток на сумму 150 миллионов долларов путем перечисления на зарубежные счета. Правда, выдвинутые против Руссефф обвинения в коррупции в ходе и полицейского, и парламентского расследований не подтвердились.

---

[26] Тогда Дирсеу не брал, а раздавал взятки депутатам от оппозиции, чтобы те голосовали в Конгрессе за законы «в пользу бедных».

[27] Аббревиатура от José Batista Sobrinho, основателя компании и отца ее нынешнего владельца.

Следует отметить, что раскручивание скандала Lava Jato подняло новую протестов против правления ПТ, которое открыто стало ассоциироваться с коррупцией. По улицам крупных городов прошли десятки, а кое-где и сотни тысяч людей, правда, главным образом по выходным, с национальными флагами, требуя отставки президента Дилмы Руссефф и ее министров. Основную часть протестующих составили отнюдь не бедные и обездоленные, а представители, как минимум, среднего класса. Фактически богатые и просто обеспеченные протестовали против государства, которое пыталось помочь бедным. Причем среди лозунгов, с которыми шли демонстранты, были откровенные призывы к вооруженным силам страны вмешаться в политику и «навести порядок», как они сделали это в 1964 году, когда армия совершила государственный переворот.

На самом деле контрнаступление против политики ПТ, в том числе со стороны ее недавних партнеров в лице ПМДБ, началось *до* истории с автомойкой и «Петробразом», хотя скандал Lava Jato, конечно, резко обострил ситуацию.

Осознавая исчерпанность прежней социально-экономической политики, правительство Руссефф попыталось активизировать *политику развития* с упором на обрабатывающую промышленность, инфраструктуру и поощрение инноваций – в продолжение своей программы 2010 года «План Большая Бразилия». Характерно, что, выступая с обращением к трудящимся накануне 1 Мая 2012 г., Руссефф подвергла критике банки и финансистов, отметив сохранение «неразумно высокой» ставки процента, которая сдерживала кредитование и инвестиции в промышленность. На пост министра финансов был назначен Гидо Мантега, сторонник активной промышленной политики и усиления государственного вмешательства в экономику. В свою очередь, Центральный банк Бразилии снизил учетную ставку процента до минимума с 1995 года до 7,12 % к марту 2013 года.[28] Но тем самым фактически началась конфронтация правительства с финансовыми кругами. При этом правительство, учитывая рост производительности в электроэнергетике и общее повышение энергоэффективности экономики, в 2012 г. решило снизить тарифы на электроэнергию для населения и промышленности на 20 %. Такая мера, естественно, встретила поддержку как со стороны беднейших слоев населения, в чьих расходах оплата электроэнергии всегда составляла немалую долю, так и со стороны промышленников, обеспокоенных снижением конкурентоспособности бразильской индустрии.

Однако эти меры не помогли ускорить рост экономики. Зато на фоне начинавшейся стагнации чуть ускорилась инфляция. А подобно тому как в России говорят: «лишь бы не было войны», в Бразилии готовы терпеть многое, «лишь бы не было инфляции». Уже 18 апреля 2013 г., т.е. через год после объявленного, как казалось, наступления сторонников активной политики развития, Центральный банк Бразилии начал повышать ставку процента. И не кто иной, как бывший президент, «товарищ Лула», посоветовал Дилме Руссефф еще в конце 2012 г. заменить Гидо Мантегу на проверенного борца с инфляцией Энрике Мейреллеса, бывшего министром в правительстве Кардозу и бывшего президента Центрального банка. Фактически начиная с 2013 г. правительство Руссефф столкнулось как с объективными ограничениями, так и сознательным противодействием политике развития, которую оно пыталось проводить.

В Бразилии сторонники и противники развития условно называются «продуктивитсами» и «рентистами», хотя, строго говоря, речь идет о разных целях, методах и моделях модернизации. Первые, соответственно, выступают за реиндустриализацию на современной технологической основе, инновации в

[28] Данные Центрального Банка Бразилии (Banco Central do Brasil - http://www.bcb.gov.br/Pec/Copom/Ingl/taxaSelic-i.asp#notas – 05.IX,2017)

промышленности, развитие научно-технологического потенциала и образования; вторые – за модернизацию и инновации в той мере, в какой это необходимо для эффективного функционирования финансово-банковской системы и экспорта сырья и сельскохозяйственной продукции (commodities). И те, и другие представлены на политической сцене разными коалициями, хотя и не изолированы друг от друга. В зависимости от конкретной ситуации состав каждой из коалиций может меняться, возможен, в частности, переход части участников из одной коалиции в другую. Так, собственно, и произошло в 2012-2013 гг., когда «продуктивистская» коалиция раскололась. Временный альянс предпринимателей-промышленников в лице Федерации индустрии штата Сан-Паулу (FIESP – Federação das Indústrias do Estado de São Paulo) и ряда профсоюзов работников обрабатывающей индустрии дал трещину. «Тяжесть» социальных программ, рост забастовочной активности индустриальных рабочих и повышение их заработной платы еще во время первого президентского срока Руссефф – в контексте ухудшившейся мировой конъюнктуры и конкурентного давления со стороны индустрии Китая – способствовали падению прибылей в обрабатывающей промышленности. Все это заставило национальный промышленный капитал «вспомнить» о своих непосредственных интересах и качнуться в сторону финансового сектора, с которым он, впрочем, давно был тесно связан – как и с международным капиталом. Примечательно, что именно в это время резко ускорилось перемещение остатков старой, традиционной индустрии, особенно текстильной и швейной промышленности, в соседний Парагвай, где рабочим можно платить на 30-40 % меньше и не нужно тратиться на столь обширные социальные программы.

Нужно также учесть и глобальный контекст нынешней ситуации в Бразилии. Когда военно-бюрократический авторитарный режим в стране перешел к активной промышленной политике в первой половине и середине 1970-х гг. (при президентах-генералах Гарастазу Медиси и Эрнесто Гейзеле), он выборочно устанавливал высокие пошлины на импорт и субсидировал промышленный экспорт. Сегодня, когда существуют ВТО и Меркосул(р), такая политика практически невозможна.[29] Необходимо было бы изыскивать другие формы промышленной политики, чтобы предприниматели-промышленники были заинтересованы поддерживать правительство. Но для поиска таких форм у правительства Руссефф не было ни времени, ни ресурсов. Возникла ситуация, хорошо знакомая в странах Латинской Америки, когда нужно было решать текущие задачи в ущерб решению долгосрочных, стратегических проблем, тогда как сами эти задачи были порождены именно нерешенностью последних. И в борьбе за предпринимательский класс между правительством ПТ и «рентистами» победу одержали «рентисты», поскольку у них для этого было больше возможностей.

Фактически в Бразилии социальные субъекты, заинтересованные в углублении и расширении модернизации, оказались слабее и в экономическом, и в политическом плане чем те группы, которые хотели бы сохранить и прежнюю модель развития, и свои привилегии – даже ценой явного отставания Бразилии от других стран. А это отставание, скорее всего, будет усиливаться без глубоких институциональных и экономических реформ. Известный французский экономист Томá Пикетти, автор нашумевшей книги «Капитал в XXI веке», побывав со своей молодой командой в Бразилии, обратил внимание на острую необходимость ускорить аграрную реформу (которая замедлилась еще при Луле по сравнению с

[29] Bresser-Pereira. Governo, empresários e rentistas. *Folha de São-Paulo*, 02.XII.2013. – P.A14 – http://www1.folha.uol.com.br/colunas/luizcarlosbresserpereira/2013/12/1379454-governo-empresarios-e-rentistas.shtml открыто 05.X.2017.

периодом президентства Кардозу) и пересмотреть налоговую систему.[30] Действительно, в Бразилии максимальная ставка налога составляет 27,5 % – ниже, чем в США, не говоря уже о Японии или странах ЕС. В то же время налог на наследство составляет от 2 до 4 % стоимости наследуемого имущества и активов, тогда как в других странах он, как известно, достигает 30 и более процентов. Кроме того, в Бразилии не облагаются налогом дивиденды, получаемые физическими лицами. С другой стороны, в Бразилии существует очень высокое косвенное налогообложение бедных через высокие тарифы на электроэнергию и цены на продукты. Таким образом, получается, что бедные частично сами оплачивают те программы социальной помощи, которые вроде бы должны улучшать их положение. При такой налоговой системе те 1,0 – 1,5 % национального дохода, которые перераспределялись благодаря социальным программам, не могли принципиально изменить степень неравенства, снизив его, по крайней мере, до южно-европейского, даже не скандинавского, уровня. Ведь согласно оценкам команды Пикетти, 1 % самых богатых из экономически активного населения Бразилии, или 1,4 миллиона человек, имели душевой доход как минимум 287 тысяч реалов в год, в том числе 0,1 % богатейших, примерно 140 тысяч человек, – как минимум 1,4 миллиона реалов в год. В то же время средний душевой доход всех бразильцев – всего 35 тысяч реалов (около 10 тысяч евро).[31]

Совершенно очевидно, что любая попытка провести налоговую реформу встретит сопротивление со стороны консервативного Конгресса, да такие попытки и не будут предприниматься в обозримом будущем. Более того, добившись смещения Дилмы Руссефф с поста президента в августе 2016 г. под предлогом нарушения ею Закона о фискальной ответственности,[32] представители консервативных сил в Конгрессе начали пересматривать законодательство в интересах финансовых кругов и агробизнеса. В частности, по инициативе президента Темера остановлен рост социальных расходов. Начался также пересмотр законов, касающихся лесного и водного хозяйства, ограничивавших вырубку лесов и защищавших права индейских общин Амазонии. Было разрешено и «демонетизировать» часть заработной платы, дав нанимателям право выплачивать часть заработка в виде «харчей и койки», т.е. включать расходы на питание и проживание рабочих в состав их заработка.[33] Очевидно, что это касается в первую очередь наиболее низкооплачиваемых работников, занятых на временных и сезонных работах.

Одновременно после того, как Темер занял пост президента, были резко, примерно вдвое, урезаны расходы на охрану окружающей среды. Было решено также сократить площади природных заповедников и охраняемых территорий на 600 тысяч гектаров. Национальный лесной парк Жаманшин (Jamanxim) в Амазонии должен потерять 37 % своей территории. Угроза нависла над Национальным парком

---

[30] Balthazar R. ‘Brasil não cresce se não reduzir sua desigualdade’, diz Thomas Piketty – Folha de São Paulo, 28.09.2017 - http://www1.folha.uol.com.br/mercado/2017/09/1922435-brasil-nao-cresce-se-nao-reduzir-sua-desigualdade-diz-thomas-piketty.shtml 02.X.2017.

[31] Carneiro M., Lima F. ‘Desigualdade no Brasil é escolha política’, diz economista. – Folha de São Paulo, 24.09.2017 - http://www1.folha.uol.com.br/mercado/2017/09/1921236-desigualdade-no-brasil-e-escolha-politica-diz-economista.shtml 02.10.2017.

[32] Обвинения Руссефф в коррупции не нашли подтверждения, но ей инкриминировали нарушения упомянутого закона, которые выразились в том, что она, минуя Конгресс, переводила деньги с одной статьи бюджета на другую и использовала часть денег банков развития, включая Национальный Банк экономического и социального развития (BNDES – Banco Nacional do Desenvolvimento Económico e Social), для финансирования социальных программ, причем использовала в долг, в объеме около 1 % ВВП. Естественно, это увеличивало общий внутренний госдолг, что должно было лечь дополнительной нагрузкой на бюджеты следующих лет.

[33] Delcourt L. Brésil – Le coup d’État des ruralistes. *Le regards du CETRI.* Louvaine-la Neuve, 29 juin 2017. - http://www.cetri.be/Bresil-Le-coup-d-Etat-des?lang=fr - 30.VI.2017.

Сан Жоакин (São Joaquim) в южном штате Санта-Катарина, где сохранились остатки уникальной растительности Атлантического побережья.[34] И все это – ради расширения посевных площадей с последующим увеличением аграрно-сырьевого экспорта, в первую очередь – в Китай. Да здравствует БРИКС!

Таким образом, глубокий политический и экономический кризис в Бразилии, сопровождаемый контрнаступлением консервативных и даже откровенно реакционных сил, на самом деле вызревал в рамках политики левых, казавшейся успешной на протяжении более десяти лет. Очевидно, что это контрнаступление правых – в свете дискредитации политических партий и государственных институтов из-за коррупционных скандалов – в конце концов встретит сопротивление. Но будет ли это сопротивление адекватным тем задачам, которые уже сейчас стоят перед страной? Будет ли преодолен консерватизм не только части верхов, но и низов? И хотя сегодня в Бразилии есть социальные силы и потенциал для самостоятельного, относительно независимого развития – в отличие от положения, существовавшего на протяжении большей части двухсотлетней постколониальной истории, возможно, страна опять нуждается во внешнем шоке, подобном тому, который она испытала в 1930 г., когда Великая депрессия в центре мировой экономики обрушила спрос на сахар, хлопок и кофе, а тем самым – и всю бразильскую экономику. Тот шок заставил часть элиты приступить к импортозамещающей индустриализации. Но сегодня выход на другую траекторию развития затруднен не меньше, чем в 1930-40-е годы, ибо нужно решать и более сложные задачи. Не исключено, что Бразилия так и останется вечно восходящей, но так никуда и невзошедшей страной. Вместе с Россией.

[34] Ibidem..

А.Г.Володин

ИНДИЯ – КИТАЙ – РОССИЯ – БРИКС

В международной журналистике и в «околонаучных» кругах Бразилию, Россию, Индию и Китай нередко называют потенциальными лидерами мировой экономики. Экономисты же предпочитают рассматривать эти четыре сверхкрупные страны как потенциальных «локомотивов» мирового развития. Так, известный британский финансовый аналитик Анатоль Калецки (Anatole Kaletsky) полагает: устойчивое восходящее развитие мировой экономики (а не только ее восстановительный рост) напрямую зависит от жизненного тонуса сверхкрупных и крупных стран – Китая и Индии, а также Бразилии, России, Индонезии, Египта, Южной Африки и т.д. Этот тонус, добавим от себя и мы, будет в конечном счете определяться способностью правящих кругов «новых влиятельных государств» (“new influentials”) мирового сообщества эффективно расширять и увеличивать емкость их внутренних рынков, действенно стимулировать повышение платежеспособного спроса массовых слоев населения, настойчиво добиваться превращения среднего класса в главную силу общественного развития. Специалистов же по мировой политике все больше заботит состояние многосторонних отношений между странами-гигантами, от которого немало зависит спокойствие в новоформирующемся мировом пространстве.

Бразилия, Россия, Индия и Китай, развивая сотрудничество между собой, одновременно руководствуются и принципами «разумного эгоизма». Повседневно ощущая неспособность «традиционных» центров мировой экономики (США, Западной Европы и Японии) справиться с нарастающим грузом глобальных проблем (финансовых, безопасности, эколого-климатических и т.п.), страны БРИКС (включая Южную Африку) стремятся создать пространство, относительно свободное от «турбулентности» глобальных хозяйственных процессов.

История не стоит на месте: она, как писал около трех десятилетий назад Вилли Брандт, есть «живой, развивающийся процесс». Привлекательность стран БРИК, видимо, заключается не только в возможности создания одного из наиболее емких в мире «внутренних» рынков. Неудивительно поэтому, что Южно-Африканская Республика несколько лет ожидала формального приглашения в БРИК, которое поступило в конце 2010 г.

На первый взгляд, южноафриканская экономика, составляющая лишь четвертую часть ВВП России и Индии, не представлялась странам БРИК полноценным партнером. Однако, принимая стратегическое решение, Бразилия, Россия, Индия и Китай учитывали долгосрочные последствия данного шага, причем не только экономические. Во-первых, продолжается депрессивное развитие экономик Запада и Японии, тогда как восстановительный (после мирового кризиса) их рост никак не «хочет» трансформироваться в энергичное развитие. В сложившихся условиях «свободная геометрия» международных экономических отношений поможет поиску новых точек и пространств роста, и модернизации народнохозяйственных комплексов в процессе многостороннего сотрудничества, снижению финансовых рисков за счет диверсификации пула мировых резервных валют, в чем немало заинтересована и значительная группа развивающихся стран. Во-вторых, вхождение ЮАР в пространство БРИК словно подытоживает уже сложившиеся внешнеэкономические связи этой страны с Китаем (КНР – крупнейший внешнеторговый партнер Южной Африки), а равно и ее тесные кооперационные связи с Бразилией и Индией, развивающиеся вот уже более полутора десятилетий. В-третьих, Южная Африка, в силу известных исторических обстоятельств, является

наиболее развитой и диверсифицированной экономикой Африканского континента. Это – своего рода плацдарм расширения экономических позиций БРИК на континенте, потенциал развития которого пока по-настоящему не оценен ни мировой наукой, ни международным бизнес – сообществом.

В свою очередь, Южная Африка прекрасно сознает: присоединение к БРИК может стать мощным мультипликатором ее роста и развития, как это уже случилось с Австралией, в полной мере пожавшей плоды плотного экономического сотрудничества с Китаем. К тому же страны БРИК, видимо, не забывают и о том, что через финансовые институты Йоханнесбурга в экономику африканских государств поступает не менее 90% портфельных инвестиций.

В-четвертых, не исключено, что присоединение Южной Африки к БРИК может обозначать начало нового процесса, в который в недалеком будущем окажутся вовлеченными такие «новые региональные лидеры», как Индонезия, Иран, Турция, Египет, Аргентина, Венесуэла и т.д. Лидеры этих стран понимают: сам по себе *восстановительный* рост мировой экономики не трансформируется в восходящее и энергичное ее развитие. Ясно, что потребуются сознательные усилия для достижения данной цели, причем и за пределами пространства «традиционных» лидеров мировой экономики.

А если подобная логика будет обращена в конкретные действия, то, вполне вероятно, мы станем свидетелями формирования нового, четвертого «мирового проекта», пользуясь терминологией Самира Амина. Напомню: три предыдущих «проекта» - «государство всеобщего благосостояния» (развитые капиталистические страны), «капитализм без капиталистов» (мир социализма) и «бандунгский проект» (развивающиеся страны) – определяли динамику развития человечества в послевоенный период, вплоть до конца 80-х годов. Кто знает: может быть «четвертый мировой проект» окажется долгосрочным и выведет мировую экономику и человечество из тупика, в котором они пребывают сейчас?

Разрушение институтов и практик биполярного мира, а затем и быстрый распад американоцентричного «униполя» объективно поставили перед Россией и другими влиятельными участниками международных отношений задачу оперативной реорганизации глобального политического пространства на началах полицентричности, *баланса сил* на принципах «единства в многообразии». Несущими конструкциями формирующегося миропорядка выступают «горизонтально» организованные в группы государства (выстроенные по модели координации, а не субординации, как это было в годы холодной войны), в задачи которых входят: 1) обеспечение перехода от «униполя» к многополярности и 2) придание данному процессу максимальной предсказуемости и постепенности. По логике вещей, БРИКС, РИК и ШОС, наряду с другими международными организациями, теоретически способны выступить необходимыми «скрепами» новой, полицентрической организации мирового пространства.

БРИКС. Альянс Бразилии, России, Индии, Китая, Южная Африки) не является институционализированным экономико-политическим объединением. Однако несколько обстоятельств позволяют рассматривать БРИКС (с перспективой подключения к «группе пяти» динамично развивающейся Индонезии) как пространство, потенциально способное стать альтернативным – по отношению к традиционным центрам мирового хозяйства – полем возобновления энергичного экономического роста и глобального оживления/восстановления мировой экономики. Такую мысль еще в мае 2009 года высказал известный на Западе экономический обозреватель Анатоль Калецки (Anatole Kaletsky). Сутью данного прогноза стало представление о продолжающемся разрастании среднего класса в основных переходных обществах как главной движущей силы модернизации социума в ее

социально-экономическом и культурно-политическом проявлениях. Далее, в настоящее время государства БРИКС с населением в более чем 3 млрд человек являются практически неисчерпаемым источником рабочей силы, включая квалифицированную, что предполагает мощный эффект мультипликации экономического роста, как для самих стран-членов, так и для потенциальных кандидатов, способных влиться в БРИКС в обозримой перспективе.

Потенциальная роль БРИКС в восстановлении энергичного роста мировой экономики предопределяет особую значимость соответствующей государственной политики, а также способность стран-участниц эффективно противостоять периодически повторяющимся финансовым кризисам. В этом плане положение России выглядит не безупречно. Так, по утверждению авторитетного на Западе экономиста Андерса Ослунда (конец 2009 г.), показатели экономического развития России после мирового кризиса 2008 г. упали до такого гнетуще низкого уровня, что закономерен вопрос: имеет ли Россия право голоса в вопросах развития мировой экономики, особенно в сравнении с другими, более дееспособными членами данной когорты (т.е. БРИК). Высказывания А. Ослунда отражают сформировавшуюся среди западных экономистов тенденцию рассматривать Россию как «хронически отстающего» члена БРИКС, которого следовало бы заменить на Индонезию.

Возобновление в России экономического роста на не-сырьевой, промышленной основе возможно, как показывает опыт Бразилии и Индии, на базе определяющего развития национальной науки и национального индустриально-технологического уклада. Эффективные преобразования помогут нашей стране снять сомнения в ее принадлежности БРИКС, возникающие в близких к политической власти интеллектуальных кругах Бразилии и Китая.

Таким образом, активизация БРИКС как одной из несущих конструкций полицентрического мира напрямую зависит от целенаправленных действий России и Индии на пространстве «перекрестного» сотрудничества входящих в это объединение стран. Однако движение России по этому пути тормозится действием не только экономических, но и политических факторов. Как отмечают отечественные эксперты, «в настоящий момент в политической элите России отсутствует единое стратегическое видение роли БРИК (работа вышла из печати до включения в состав объединения Южной Африки – А.В.) в будущем мировом порядке. … Если смотреть на БРИК с экономического угла зрения, … то Россия – первый кандидат на «выпадение» из БРИК»[1].

Приходится признать: нынешнее положение нашей страны в БРИКС во многом есть следствие пренебрежительного отношения части российской элиты к индийским инициативам 90-х годов, в частности, к идеям геополитического «треугольника» России, Индии и Китая. Можно сказать, что у части нынешней индийской политической элиты сформировался устойчивый негативный образ нашей страны: она с очевидным неодобрением восприняла самоликвидацию «советской сверхдержавы» и поведение российской власти после распада СССР до сих пор сомневается в способности России вернуть себе статус одного из значимых акторов мировой политики. Лишь решительные действия России в Сирии по-настоящему заставили индийскую элиту вновь обратить внимание на нашу страну как на *активного* участника мировой политики).

Как же можно изменить ситуацию России в БРИКС? Позволю себе высказать некоторые предварительные соображения.

1. В наше время всеобщего прагматизма уровень доверия между государствами напрямую определяется объемом и научно-техническим качеством

[1] Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С., Коктыш К.Е., Петров К.Е., Гимирис Е.С., Орлова А.С. БРИК – политическая реальность посткризисного мира? Новые возможности для России. М., 2010. – С. 49.

их внешнеэкономической кооперации. Мировая практика свидетельствует: этот объем должен быть никак не ниже 17 – 18 млрд долл., поскольку именно на этом потенциале внешнеэкономических связей конституируются социально-экономические силы, заинтересованные в двустороннем сотрудничестве. В настоящее время обмен товарами, услугами и знаниями России с Индией и Бразилией не превышает 10 млрд долл. (По данным Таможенного комитета России, товарооборот с Индией составляет всего лишь 8,5 млрд долл., тогда как эксперты в Дели оценивают объем двусторонних экономических связей в 6 млрд долл.). Можно предположить, что полнокровному развитию внешнеэкономических связей и постоянному «облагораживанию» структуры народного хозяйства России все еще мешает деградация, ставшая следствием «либеральных реформ».

2. Требует надлежащей ясности и определение места БРИКС в системе внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов России. Иными словами, российской дипломатии необходимо концептуально ответить на следующий вопрос: как укрепление наших стратегических отношений со странами-гигантами, т.е. Китаем, Индией, Бразилией, соотносится с восстановлением жизненно важного партнерства с «новыми региональными лидерами» - Турцией, Ираном, Индонезией, с усилением латиноамериканского вектора российской внешней политики и т.д.? Тем более что все указанные страны объективно сохраняют свое важное значение как потенциально емкий, в случае реального начала реальных реформ в России, рынок для отечественной промышленности, как внешний ресурс нашей внутренней модернизации.

3. Несформированность в России – что признают сами власти, - стратегии развития страны и, как следствие, отсутствие долгосрочной концепции внешнеэкономических связей предопределяют необходимость «точечных» действий в двусторонних (и многосторонних) отношениях со странами БРИКС, прежде всего в тех областях, где у нашей страны пока сохраняются конкурентные возможности: в атомной энергетике, сотрудничестве в освоении космического пространства, энергетическом машиностроении, создании перспективных видов вооружений. Далее, можно было бы предложить нашим партнерам по БРИКС «пилотные» проекты в таких отраслях промышленности и знания, как гражданское авиастроение, сельскохозяйственная наука и агропроизводство, современная «традиционная» фармацевтика (лекарства на натуральной, растительной основе). Индию, Бразилию и Китай давно интересуют наши достижения в создании новых материалов – особенно сейчас, когда экономические преобразования в этих странах позволяют использовать их в модернизируемых сегментах экономики, включая развитие инфраструктуры, наземные и воздушные транспортные системы. Помимо этого, Индия, Бразилия и Китай вряд ли откажутся от участия в коммерциализации некоторых технологических разработок, созданных в отечественных естественных, точных и технических науках. Наконец, значительную практическую перспективу сулит восстановление контактов между обществоведами стран БРИКС (по направлениям взаимной заинтересованности), тем более что социальные науки Бразилии и Индии принадлежат к числу наиболее развитых в мире.

4. Руководству страны в ближайшем будущем предстоит конкретными действиями ответить на два главных вопроса, от чего зависит судьба России как самостоятельной величины мировой политики: 1) способна ли отечественная экономика обеспечивать наших партнеров по БРИКС (а также другие страны) промышленными изделиями, создаваемыми на основе перспективных научно-технических разработок и способными превратить объединение в относительно автономное от «традиционных» центров мирового хозяйства (США – Западная Европа – Япония) пространство, привлекательное для «развивающихся

рынков»/переходных обществ, т.е. основной части человечества; и 2) эффективна ли нынешняя политика российского государства в отношении отечественного промышленного комплекса в условиях, когда действенность внешней политики нашей страны напрямую определяется научно-техническим потенциалом общества и способностью экономики оперативно абсорбировать новейшие интеллектуальные достижения?

РИК. Потенциал трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая в сфере международной безопасности теоретически определяется объективным совпадением национальных интересов трех стран в: противодействии международному и внутреннему терроризму, этническому и религиозному сепаратизму, радикальному политическому исламу. Особую озабоченность наших государств вызывают потенциально дестабилизирующие общество социально-политические процессы в Афганистане и Пакистане, отягощенные деструктивным влиянием внерегиональных сил. Более того, необходимость «пост-американского» урегулирования будет сближать позиции России, Индии и Китая, несмотря на сохраняющиеся между этими странами различия подходов к нормализации положения в Афганистане. Наконец, сохраняется важный мотив взаимного сближения трех стран – неприемлемость однополярного мира («униполя»), ставшая очевидной в свете недавних событий. Ведь еще в свое время Китай и Индия проявили активный интерес к взаимодействию с Россией в трехстороннем формате после начала бомбардировок Югославии в 1999 г. Явная же активизация отношений в «треугольнике» обозначилась после вторжения американо-британского «экспедиционного корпуса» в Ирак (2003 г.) и попыток экспорта «цветных революций» в Центральную Азию (2005 г.)

Однако завершенный и одобренной в «верхах» концепции построения «треугольника» так и не было создано. Стратегическое сотрудничество трех сверхкрупных государств сдерживает сохраняющееся влияние нескольких факторов. Во-первых, удержание исторической памятью элит и масс как в Индии, так и в Китае сложно-противоречивого характера взаимоотношений двух стран, берущего начало в пограничном конфликте 1962 года. Во-вторых, сохраняющаяся слабость России как балансирующего фактора в отношениях «Слона» и «Дракона». В-третьих, нежелание всех трех государств противопоставлять РИК Соединенным Штатам, Японии и Западной Европе, которые остаются «незаменимыми» стратегическими партнерами как в сфере внешнеэкономических связей, так и в модернизации народнохозяйственных комплексов России, Индии и Китая. Наконец, сдержанное отношение российских властей к идее «стратегического треугольника» продиктовано обстоятельствами объективного происхождения: состояние и структура отечественной экономики в настоящее время таковы, что в любом тесном союзе с Индией и Китаем нашей стране заведомо уготована участь «младшего партнера».

Вместе с тем уплотнение ткани трехстороннего сотрудничества может иметь следствием появление нового геополитического качества – желания объединить усилия для построения надежного «здания» стратегической безопасности в Евразии. На этом направлении деятельность трех государств может быть простимулирована институтами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

ШОС. Хорошо известно: присоединение России к международной антитеррористической коалиции и начало военной операции США в Афганистане обернулись концом российской монополии на военное присутствие в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР). Центральная Азия, таким образом, вынужденно оказалась на стыке интересов России, Китая и Соединенных Штатов (а в последнее время и Японии). До начала международной антитеррористической операции Центральная Азия, географически близкая к России и связанная с нашей страной давними и

многообразными связями, не была интегрирована Москвой в общую систему военно-политической безопасности под эгидой России. После 11 сентября 2001 г. пояс американского военного присутствия – под предлогом борьбы с международным терроризмом – распространился и на Центральную Азию. Перед Россией (а также Китаем и центральноазиатскими государствами) активно встала задача решать проблемы центральной Евразии самостоятельно, без помощи внерегиональных акторов. Необходима была институционализированная система союзов и диалоговых механизмов, способная и отрегулировать оставшиеся в наследство от Советского Союза пограничные проблемы в регионе, и с помощью двусторонних отношений и многосторонней кооперации стабилизировать внутриполитическую ситуацию в государствах ЦАР, и наконец, в перспективе, вытеснить из Центральной Азии внерегиональные силы, угрожающие региону неадекватной концепцией «демократизации». Предотвратить развитие этих потенциально опасных – причем не только для ЦАР, но и для сопредельных регионов, – сценариев объективно способна Шанхайская организация сотрудничества.

Элиты центральноазиатских государств за последнее десятилетие убедились в том, что в расшатывании политических систем стран ЦАР участвует та самая сила, на помощь которой (в т.ч. на ограничение влияния России и Китая в регионе) они всерьез рассчитывали, - администрация США. Этим главным обстоятельством, т.е. инстинктом политического самосохранения, и объясняется готовность элит государств Центральной Азии активно сотрудничать с Россией и Китаем в рамках ШОС. Известно: как Москва, так и Пекин в своей региональной политике в отношении ЦАР делают акцент на внутриполитической стабильности и отрицательно относятся и к «цветным революциям», и к всевозможным «демократическим» экспериментам.

Целесообразно отметить: стратегия «управляемого хаоса» для Евразии (включая Иран, Китай, Россию, а возможно, и Индию) сообщила стимулирующий импульс консолидационным тенденциям в регионе, одним из важных побочных результатов которых стало расширение ШОС за счет Индии и Пакистана. Этот импульс на пространстве ШОС будет сообщен в виде развития многосторонних экономических проектов, уплотнения хозяйственных связей между странами-участницами с перспективой образования некоей зоны свободной торговли, наподобие проектируемой для стран Юго-Восточной Азии.

* * *

Становление институтов и практик многополярности (или, если использовать термин истории международных отношений, *баланса сил*) требует от России четкого позиционирования нашей страны в формирующейся полицентрической глобальной конфигурации. Встраивание России в складывающуюся многополярную иерархию требует выполнения минимум двух условий.

Во-первых, должна последовательно продолжена линия превращения нашей страны в самостоятельный, не зависимый в принятии стратегических решений от других стран и группировок центр мировой политики, способный принципиально отстаивать свои интересы всеми доступными средствами. Такую линию в международных отношениях в последнее время настойчиво проводит Китай, что заставляет Запад все чаще считаться с позицией Поднебесной. Разумеется, КНР подкрепляет свою политическую волю внушительным экономическим потенциалом.

Во-вторых, для России самостоятельность в мировом экономическом и политическом пространстве невозможна без восстановления руководящей роли государства во внутреннем развитии страны. Государству должна быть возвращена

не только функция стратегического видения (т.е. определения приоритетов в развитии общества), но и роль арбитра в отношениях между различными группами общества и бизнеса (включая, разумеется, нефтегазовый сектор и другие сырьевые сегменты народного хозяйства страны).

Эта политическая траектория важна и для позиционирования России в рассматриваемом нами альянсе. Какова может быть роль Индии в формате БРИКС? Россия исходит из того, что внешнеполитическая концепция Индии – и в этом изначально, т.е. с момента завоевания суверенитета, была ее сильная сторона, - неизменно выстраивалась с учетом общемировых тенденций и всегда была ориентирована на реализацию не только текущих, но и перспективных задач и целей национального государства. Правящие круги Индии в духе традиций первого премьер-министра страны Джавахарлала Неру рассматривают цикличность мирополитических процессов как одну из главных движущих сил общей динамики международных отношений. Если век девятнадцатый по преимуществу принадлежал Британии, а затем доминировали США, то нынешний век, судя по всему, станет эрой доминирования Азии, что само по себе потребует «подстройки» внешнеполитической стратегии страны под меняющиеся алгоритмы мирового развития, а также- уплотнения экономических, политических и культурных взаимодействий на всем азиатском пространстве.

Правящие круги Индии раньше других национальных элит уловили ветер перемен в мировой экономике и международной политике и постарались извлечь максимальные для своей страны выгоды из смещения на восток, в зону АТР, оси мирового развития. При этом в Дели хорошо понимают: центральной особенностью формирующихся структур «азиатского столетия» станет поступательное возрастание экономического влияния, военной мощи и геополитических возможностей Китая. Индийская правящая элита сознает, что формирующийся геополитический сценарий в Азии будет в той или иной степени развиваться вокруг Поднебесной, ее интересов, внутри – и внешнеполитической стратегии и долгосрочной «повестки» отношений Пекина с ведущими силами региона, включая государства, расположенные за пределами Азии.

Сегодня внешнеполитическое поведение Индии определяется, в конечном счете, отношениями «крупнейшей демократии мира» с Китаем, Соединенными Штатами Америки, наиболее влиятельными государствами Азии и, разумеется, и с Россией.

Как же индийская политическая элита воспринимает движущие силы и мотивы политики Китая? Руководители КНР, согласно представлениям индийских политологов, активно работают над созданием реальной многополярности, тогда как главной целью Пекина остается утверждение унилатерализма (моноцентричности) в Азии, естественно, при своей особой роли. В этой конфигурации геополитических сил Индии, как считается, отведено место во «втором эшелоне» государств региона. Думаю, однако, что в этих представлениях присутствует сильный элемент упрощения.

На мой взгляд, подобные оценки навязаны представлениями четвертьвековой давности, иначе говоря, после распада Советского Союза. Здесь не учтены успешный опыт экономических реформ в Индии, расширивших ее геоэкономические и геополитические возможности; поиски индийским правящим классом новой действенной внешнеполитической парадигмы («восточная политика»); фактическое признание мировым сообществом ядерного статуса Индии; положительные изменения в отношениях Индии с двумя другими субъектами мировой политики – США и Японией.

Видимо, поэтому руководители Индии, в частности Манмохан Сингх и Нарендра Моди, ставят логическое ударение на факторах сотрудничества между «Слоном» и «Драконом», подчеркивая, что для двух крупнейших государств мира вполне достаточно экономического и политического пространства, чтобы реализовать национальные стратегии развития не в условиях соперничества, но на основе «здоровой конкуренции». Впрочем, как отмечают аналитики, границы между соперничеством и «здоровой конкуренцией» гибки и подвижны, тем более что по сравнению с другими ведущими странами мира Индия граничит с государствами, которые объективно создают проблемы для национальной безопасности страны (Пакистан, Бангладеш, не говоря уже о самой Поднебесной). Не стоит забывать и о давнишнем территориальном споре двух азиатских гигантов вокруг индийского штата Аруначал Прадеш, который в Пекине по-прежнему именуют «Восточным Тибетом». Далее, индийские политологи обращают внимание на быстрое экономическое развитие Тибета, называя политику центральных властей Китая «стратегией двойного назначения». «Учитывая сохраняющиеся между Индией и Китаем серьезные территориальные проблемы, - пишет, например, Ранджит Гупта из Института оборонных исследований в Дели, - развитие суперсовременной железнодорожной, шоссейной и гражданско-авиационной инфраструктуры на исключительно сложной для строительства местности в редкозаселенном Тибете, а равно и сознательная политика центральных властей по ускоренному увеличению здесь ханьского населения, дополняемая весьма значительным наращиванием на территории провинции военных активов конвенционального и стратегического назначения, - все это не может не быть источником серьезного беспокойства. Это беспокойство усиливается тем обстоятельством, что Китай уже соткал паутину весьма крепких экономических, военных и политических отношений с соседями Индии, особенно с Бангладеш, Мьянмой и Пакистаном»[2]. Значительное беспокойство Индии вызывает также пакистанский «экономический коридор» с участием Китая, оцениваемый финансовыми аналитиками в 39- 63 млрд долл., а также китайско-мьянмарский «экономический коридор», способный обеспечить выход в Бенгальский залив для провинции Сычуань.) Кроме того, в настоящее время Индия не в состоянии добиться благоприятных для себя изменений во внешней политике Бангладеш, которая попадает во все бóльшую экономическую зависимость от Пекина.

Однако именно здесь и должен сработать фактор сотрудничества трех сверхкрупных государств, т.е. Индии, Китая и России, укрепляемый к тому же их принадлежностью к важному форуму АТЭС. Ведь, может быть, дело не только в деятельности Поднебесной в АТР, но и в прозаической зависимости части внешнеполитического истеблишмента Индии от США, которые активно навязывает Дели свое видение мировой ситуации, а равно и свои страхи и комплексы в отношении Поднебесной?

«Путь» Индии в АТР лежит через Юго-Восточную Азию и начинается он с Мьянмы/Бирмы. Важность этой страны для «крупнейшей демократии мира» в конечном счете определяется четырьмя главнейшими обстоятельствами. Во-первых, зависимостью Индии и от Мьянмы в плане обеспечения безопасности, политической стабильности, экономического развития и повышения уровня жизни в штатах индийского северо-востока. Во-вторых, отношения с Мьянмой значимы для Дели в смысле поддержания устойчивого стратегического равновесия в Бенгальском заливе, да и во всей восточной акватории Индийского океана. В-третьих, Мьянма является естественным географическим мостом между Индией и экономической

[2] IDSA Asian Strategic Review, 2008. New Delhi, 2008. – С. 315.

группировкой АСЕАН, выступающей основной несущей конструкцией «восточной политики» Дели. Наконец, в-четвертых, в свете естественной необходимости диверсифицировать источники энергетической безопасности Мьянма превращается в потенциально существенный для Индии резервуар получения столь необходимых – при сохранении «Слоном» энергичного экономического роста – углеводородов (газа и нефти).

Внешняя политика Индии не первый год развивается по канонам «свободной геометрии мировой политики» (как это явление было определено французскими исследователями и экспертами в середине 2000-х годов) и предполагает активное участие страны в форматах дву- и многосторонней кооперации различных государств. Одновременно выбор Дели конкретных тактических действий осуществляется на основе актуально существующего соотношения сил в индийском внешнеполитическом истеблишменте, выдвижения тех или иных групп на лидирующие позиции. Индийский внешнеполитический истеблишмент пытается использовать для продвижения интересов Индии и формат БРИКС.

Формат БРИКС, как известно, вырос из идеи взаимодействия России, Индии и Китая (РИК). Первые попытки рассмотрения этого проекта восходят, насколько автору известно, к усилиям индийских интеллектуалов левого направления, в начале 1980-х гг. стремившихся найти некую идейно-культурную платформу взаимопонимания между СССР, Индией и КНР. Отношения между двумя последними странами, как мы помним, сохраняли потенциально взрывоопасный характер с начала 1960-х гг. В то время подобные усилия и полученные в их результате наработки не нашли поддержки на политико-государственном уровне, но стали, как оказалось впоследствии, строительным материалом для вычерчивания «стратегического треугольника» Россия-Индия-Китай.

Материализация идеи «треугольника», наметившаяся в конце 1990-х гг., связывается с деятельностью тогдашнего председателя правительства России Е.М.Примакова. Хотя в то время замысел «треугольника» не был официально принят правительством Индии в качестве основы долгосрочного внешнеполитического планирования, влиятельная часть истеблишмента и стратегических элит восприняли формат РИК как движение к модели полицентрического мира и начало становления общего экономического пространства, способного форсировать в названных странах процессы реформ и модернизации.

Идея «стратегического треугольника» словно обрела второе дыхание после событий 11 сентября 2001 г., сделав фактор радикального политического ислама дополнительным консолидирующим элементом в межгосударственных отношениях России, Индии и Китая (Северный Кавказ, Кашмир, Синьцзян-Уйгурский автономный район). Последовавшая вскоре экспансия США в Афганистан и Центральную Азию имела следствием дальнейшее сближение позиций трех государств, прежде всего России и Китая.

Однако по мере ослабления несущих конструкций «униполя» (проявившегося первоначально в Ираке, а затем и в Афганистане) противоречия, в частности между Индией и Китаем, начинают приобретать все более открытый характер. Немалую, хотя и непрямую роль в их столкновении сыграли и умелые действия второй администрации Дж.Буша-младшего, начавшей планомерную деятельность по систематическому геополитическому ослаблению Китая.

Индийско-китайские противоречия стали активно обсуждаться на страницах «большой печати» Индии (т.е. англоязычных газет “Times of India”, “Hindustan Times”, “Indian Express”, “Hindu”). Авторами «программных» статей нередко выступали эксперты, приближенные к внешнеполитическому истеблишменту страны.

Определилось несколько основных тем, по которым было проведено размежевание между «Слоном» и «Драконом». Во-первых, утверждалось и утверждается, что еще первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру считал Китай угрозой Индии, поскольку индийская и китайская культуры в течение нескольких веков вели между собой непримиримую борьбу за господство в Центральной Азии, Тибете, Бирме и государствах Юго-Восточной Азии. Во-вторых, эта борьба столетия спустя «органически» трансформировалась в геополитическое соперничество за потенциальные рынки энергоносителей и сбыта не только в Центральной Азии, но также в Африке и даже в Южной Азии, которую Китай якобы все больше начинает рассматривать как свое «стратегическое подворье» (“strategic backyard”). Индия и Китай все чаще рассматриваются внешнеполитическими аналитиками в Дели как «долговременные конкуренты» в борьбе за обеспечение эффективного контроля за доставкой энергоносителей на пространстве от Ормузского пролива до пролива Малаккского. В этой связи индийские эксперты все чаще пишут о стремлении Китая взять их страну в своеобразные геополитические «тиски» в Индийском океане, используя побережье Мьянмы на востоке и Пакистана на западе. Справедливости ради стоит отметить, что сама Индия последовательно отстаивает свою ведущую геополитическую роль в Индийском океане, на пространстве от Суэца до Сингапура, с чем Пекин, заинтересованный в бесперебойной доставке энергоносителей в Южно- Китайское море, согласиться не может.

Некоторые внешнеполитические эксперты делают вывод: долгосрочной, стратегической целью Китая в отношении Индии является предотвращение превращения последней в «великую азиатскую державу». Другое заключение, к которому приходит влиятельная часть политической элиты Индии, состоит в том, что главный интерес Дели к формату РИК состоит в сдерживании геополитической экспансии Китая и в минимизации неблагоприятных политических последствий энергичного роста экономики КНР. Поэтому, как открыто говорят близкие к власти некоторые индийские политологи, главный интерес к России сводится в конечном счете к поддержанию «вечного огня» противостояния Москвы Пекину с максимальной эффективностью и выгодами для Дели – в Центральной Азии, ЮВА, Южной Азии, а также в Персидском заливе (где явно теряют былую силу позиции США) и даже в Африке и Латинской Америке. Поэтому Дели готов активно работать с Москвой в таких региональных институтах, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), опасаясь, в частности, превращения последней в «механический придаток» МИД КНР. В последнее время наметилось также и определенное видоизменение позиции Индии в отношении развития российско-пакистанских отношений, которое в целом приветствуется, но при условии исключения из их структуры военно-технического сотрудничества (ВТС). Одновременно Дели пытается добиться нужных уступок от Китая и России, с середины 2000-х гг. активизировав свои многопрофильные отношения с Америкой, в частности в сфере ВТС и в атомной энергетике.

Развивая отношения с Индией в формате РИК, Россия вправе добиваться от Индии прояснения позиции Дели по следующим стратегически важным для Москвы направлениям:

- учитывая настороженное отношение России ко всякой активности иностранных государств в Центральной Азии, выяснить, готова ли Индия сосредоточить свои усилия на реализации в странах региона совместных с Россией (либо на самостоятельной основе) экономических проектов, не претендующих на усиление своих стратегических позиций в ущерб нашей стране?

- понять, насколько искренни и содержательны высказывания некоторых лиц, близких к внешнеполитическому истеблишменту страны, о «безразличии» Индии к

американским проектам «Большой Центральной Азии» и «Нового шелкового пути», несущих прямую угрозу интересам России в этом регионе;

- определить, какие цели преследует Индия, участвуя в «восстановительных» проектах в Афганистане, и не наносят ли они ущерб стратегическим интересам Москвы.

Особенности локального и регионального восприятия Индией ключевых проблем мировой политики (демократия и права человека, ядерное нераспространение, региональные конфликты, терроризм, наркотрафик) с перспективой выработки коллективного подхода к этим проблемам в формате БРИКС, на мой взгляд, ясно проявляется во взаимодействии Индии, Бразилии и ЮАР, т.е. в формате ИБСА.

Институционализация формата ИБСА, как принято считать, произошла 6 июня 2003 г. в столице Бразилии, когда министры иностранных дел Индии, Бразилии и Южной Африки Яшвант Синха, Селсо Аморим и Нкосазана Дламини-Зума оформили трехсторонние отношения в виде принятой тогда же «Декларации Бразилиа». Формат ИБСА фактически легализовал и поставил на уровень государственной политики регулярные контакты/консультации между руководителями государств/правительств, представителями государственной администрации всех уровней, академическими сообществами, интеллигенцией и организациями гражданского общества трех стран. Некоторые эксперты предполагали тогда, что формат ИБСА, в который входят значимые страны «второго эшелона» мировой политики, станет своеобразной институциональной площадкой строительства новой, альтернативной, западной системы международных экономических и политических отношений.

Официально заявленной целью ИБСА стало стимулирование диалога и сотрудничества по линии «Юг-Юг» в таких областях, как борьба с бедностью, развитие (в единстве экономического роста, максимально возможной занятости и равномерного/политически безопасного распределения национального дохода), глобальные изменения климата, диалог культур (мир как «единство в многообразии»), здравоохранение, образование, перспективные направления энергетики, научно-технический прогресс, инвестиции и т.д.

Без преувеличения можно утверждать, что Индия, вступая в формат ИБСА, преследовала несколько главных целей:

1. Построения второго, видимо, наиболее важного уровня мировой системы, который – в условиях распада сначала биполярности, а затем и однополярности – начинает активно формироваться за счет стран - «новых региональных лидеров» (Венесуэлы, Аргентины, Южной Африки, Турции, Ирана, Индонезии и т.д.). В то же время и Индия, и Бразилия функционируют одновременно в двух ипостасях: мировых лидеров (наряду с США, Западной Европой, Россией, Китаем и Японией) и т.н. «средних государств».

2. По мнению официального Дели, сама логика развития формата ИБСА, а также других региональных объединений будет иметь следствием реформу основного международного политического института – ООН, организация которой уже не соответствует расстановке сил в современном мире. В этом смысле Индия и Бразилия выступают главными организаторами перегруппировки сил в мировой политике «снизу», т.е. на подлинно демократической основе.

3. Действуя в формате ИБСА, Индия (наряду с Бразилией) фактически не только ускоряет формирование экономического пространства, свободного от гегемонии Запада, но и способствует, особенно в последнее время, «горизонтальному» объединению основной части развивающихся стран на основе их реальных экономико-политических интересов.

С учетом продолжающейся в правящих кругах Индии борьбы за сохранение «курса Неру» во внешней политике отечественная дипломатия может и должна использовать все форматы «свободной геометрии» международных отношений (включая, разумеется, РИК и ИБСА) для укрепления геополитических позиций России. Роль форматов РИК и ИБСА будет в конечном счете определяться целенаправленными действиями нашей страны по следующим направлениям:

1. Влияние России на развивающиеся страны- остается недостаточным. Активное и неформальное подключение нашей страны к формату ИБСА позволит России постепенно вернуть себе позиции в «третьем мире», утраченные в годы «либеральных» реформ.

2. Последовательное отстаивание Россией своих стратегических интересов в формате РИК, прежде всего на смежных пространствах Центральной Азии, в Иране, а также внутри ШОС позволит нашей стране с помощью Индии скорректировать соответственно долгосрочным интересам РФ такие проекты, как «Большая Центральная Азия», «Новый шелковый путь» и т.д. Что касается роли Ирана в системе геополитических приоритетов Индии, то индийские политики осознают центральное положение Исламской республики в системе транспортных коридоров «Север-Юг», открывающей Индии кратчайший и наиболее безопасный путь в Центральную Азию, Россию и Западную Европу.

3. Затянувшийся системный кризис мировой экономики диктует смену внешнеполитической парадигмы многих стран. Сердцевиной последней, несомненно, является альтернативная модель глобального управления, одним из пионеров внедрения которой выступает именно Индия. Поэтому отработка отечественной дипломатией новых подходов в международных отношениях предполагает, в частности, повышенное внимание к экспериментаторской деятельности Индии и других стран БРИКС в форматах ИБСА, а также БАСИК.

Два с половиной года назад Нарендра Моди принял присягу премьер-министра Индии, став со времени завоевания суверенитета в 1947г. 16-м главой правительства «крупнейшей демократии мира».

Политические аналитики уже в ходе избирательной кампании предполагали, что правительство Н.Моди будет проводить более «самостоятельную» и «инициативную» внутреннюю и внешнюю политику. Авторы прогнозных сценариев ссылались, в частности, на «усталость» индийских избирателей не только от коррупции и непотизма, поразивших высшие эшелоны государственной власти, но и от зависимости тогдашнего премьера Манмохана Сингха от воли лидера Индийского национального конгресса Сони Ганди (регулярно проходившей курсы лечения в США), что подчас делало политику страны зигзагообразной, зависимой от воздействия внешних сил. Сказанное в полной мере относилось и к сфере внешнеполитической активности Индии, влияло и на динамику российско-индийских отношений, в которых время от времени появлялись «шероховатости» («wrinkles», как переводила этот термин англоязычная индийская печать).

Внешнеполитическая линия Индии уже при правительстве М. Сингха начата корректироваться, в ней зазвучали отчетливо слышимые национально-государственные ноты. Министр иностранных дел С.Хуршид провозгласил приоритет интересов страны как абсолютный императив индийской внешней политики («India First» foreign policy). Внешняя политика вновь стала объектом межпартийного консенсуса.

Несмотря на сохраняющиеся противоречия по проблематике территориального размежевания, вышедшие на поверхность в ходе «противостояния в Гималаях» летом 2017 г., китайские руководители сохраняют

заинтересованность в энергичном экономическом росте Индии (8% +) при растущей роли экономических связей Дели и Пекина, способных укрепить и политическую взаимозависимость двух наиболее населенных государств мира.

Китай, как представляется, заинтересован в массированном использовании своих долларовых авуаров для развития транспортной инфраструктуры и создания «промышленных коридоров» в Индии, где в качестве потенциальных инвесторов выступают также Япония и Южная Корея. В международных экспертных кругах фигурировала цифра 300 млрд долл. (хотя индийские официальные лица опровергают подобную информацию). Косвенно возможность столь масштабных проектов подтвердил сам Н.Моди, в одном из интервью оценивший сумму требуемых национальной экономикой инвестиций в « приблизительно 1 трлн долл.».

Энергетическая и продовольственная безопасность, а равно и обеспечение занятости за счет активных внешнеэкономических связей выступают основными несущими конструкциями внешней политики правительства Н.Моди.

Теоретически Индия и Китай заинтересованы в создании максимально благоприятных внешних условий «пост-американского» урегулирования в Афганистане. Обе страны опасаются «выплескивания» исламского политического радикализма за границы Афганистана, что грозит дестабилизацией как западным районам КНР (Синьцзян-Уйгурский автономный район), так и некоторым западным штатам Индии – возможной массовой миграцией из Пакистана при обострении в этой стране социально-экономических проблем и возможным переносом внутриафганских конфликтов в соседний Пакистан.

Помимо этого, как Индия, так и Китай не заинтересованы в разрушении секулярных/светских политических систем в Центральной Азии, тем более в приходе к власти в регионе ЦАР исламистских элементов, и в воспроизведении здесь сценариев «арабской весны».

Этапным событием в развитии отношений Дели и Пекина станет (а может быть, уже стало) принятие Индии (вместе с Пакистаном) в состав полноправных членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В целом будущие перемены в индийско-китайских отношениях предвещают, помимо прочего, серьезную перегруппировку сил в Евразии и в мировой политике в целом.

Конечно, исторически отношения между двумя наиболее населенными государствами планеты складывались непросто. Доверие в отношениях Дели и Пекина восстанавливается медленно. Поэтому рассчитывать на быстрый перелом в этом плане нереалистично.

Аналитики выделяют несколько моментов, которые будут оказывать долгосрочное влияние на характер двусторонних индийско-китайских отношений.

Во-первых, в индийском обществе пока не сформировался консенсус относительно установления более тесных отношений с Китаем. Реальность такова, что историческая память о событиях 1962 г. пока удерживает значительную часть индийцев от быстрого сближения с КНР. Помимо этого, и в Индии, и в Китае существуют силы (государственная бюрократия, армейские круги и руководство сил безопасности, а в Индии – еще и правые националисты), которые сохраняют влияние на общественное мнение. В сжатом виде их позицию можно сформулировать следующим образом: «отношения между нашими странами слишком сложны, чтобы принимать поспешные решения».

Во-вторых, Индия всегда стремилась избегать резких перемен во внешней политике, в чем проявились такие качества Индийской цивилизации, как преемственность, трезвость ситуационных и стратегических оценок, уважение к прошлому. «Внешняя политика (в своих основных чертах – А.В.) не меняется со

сменой правительства», - еще раз напомнила Сушма Сварадж, нынешний министр иностранных дел Индии. Во внешней политике Дели, как отмечают знающие люди, появляются новые акценты: больше внимания уделяется отношениям с государствами АТР. Так, Япония стала крупнейшим иностранным инвестором в экономику Индии, активно действует на данном направлении Южная Корея. Однако «дорожная карта» индийской восточной политики пока окончательно не прорисована. Но ясно, что она будет постоянно реагировать на меняющейся баланс сил в АТР и в мире в целом.

В-третьих, правительство Н.Моди видит прямую связь между модернизацией индийской экономики и активностью индийской дипломатии. Создание прочных основ «справедливого» общества в процессе реализации национальной «повестки развития» - такова основная цель правительства Н.Моди и для внутренней, и для внешней политики.

В-четвертых, «пограничный диспут», как уже отмечалось, остается одним из главных препятствий на пути укрепления китайско-индийских отношений. Процесс урегулирования пограничных споров начался еще в 1988г. во время визита премьер-министра Раджива Ганди в Пекин. Соглашение о делимитации границы двух стран необходимо будет провести и через индийский парламент, и через Политбюро ЦК КПК, а это задача не из легких.

Индия пытается сбалансировать свои отношения с Китаем расширяющимися связями с США. Вашингтон при этом чувствует уязвимость Дели и использует проблемы Индии в своих интересах. Давление США на Индию имеет систематический характер, охватывая и информационное пространство. Так, бывший американский дипломат, а ныне аналитик- глобалист Уильям Эвери описывает плачевную судьбу Индии в случае отказа последней следовать геополитическим рекомендациям Вашингтона. Автор, в частности, пишет: «Если Индия продолжит политику непротивления расширяющейся экспансии Китая, разрыв в военной мощи двух стран вскоре станет невосполнимым. Индия может избежать участи страны подневольной Китаю только в случае немедленного и агрессивного ускорения своего военного строительства, обеспечения себя ресурсами и вытеснения Китая из зоны своих законных интересов».[3]

Однако в позиции Индии по отношению к США просматривается логика приоритета собственных национальных интересов. В Индии не забыли американские санкции, введенные администрацией Клинтона в связи с испытаниями ядерных взрывных устройств в 1998 г. Понимают в Дели и то, что отмена санкций связана с определяемым стране новым местом в американской геополитической конфигурации в АТР, т.е. в функции сдерживания Китая в Азии. Поэтому индийские лидеры чувствуют себя свободными от обязательств участвовать в планируемом «кордоне безопасности» вокруг КНР. Мысль эта с предельной ясностью выражена одним из наиболее авторитетных внешнеполитических аналитиков страны К.Сибалом: «США хотели бы создать сеть взаимоотношений с государствами, которым угрожает восходящее развитие Китая. Цель- разыграть эту карту против Пекина, но только в случае прямой угрозы американским интересам; однако при этом защита интересов вовлеченных в данный проект стран не предполагается. … Индия воздержалась бы от вступления в такие отношения с США, которые являются смягченной версией американо- японских отношений»[4].

---

[3] Avery W.H. China's Nightmare, America's Dream: India as the Next Global Power. New Delhi: Amaryllis, 2012. – С. 198.

[4] Sibal K. How Does the Indo- US Strategic Partnership Figure in the US Pivot Shifting to Asia?- Defence and Security Alert, New Delhi, October 2014. – P.17.

Понятно, что у новой (сам термин является условным) внешней политики Индии много критиков- и дома, и за рубежом. Сам принцип «интересы Индии превыше всего» неизбежно сопряжен с трудностями и потерями. Однако страна-цивилизация вряд ли способна существовать вне независимой внешнеполитической парадигмы. Поэтому и геополитический треугольник Дели- Пекин- Вашингтон, несмотря на проблемы и препятствия на этом пути, будет приобретать «равнобедренный» характер.

За годы независимости теория и практика внешней политики Индии претерпели значительную эволюцию. На начальном этапе, в период «курса Неру», Дели предпочитал использовать противоречия внутри биполярного мира для реализации собственных целей, прежде всего повышения статуса страны в международной системе. Однако уже тогда (этот период, как представляется, заканчивается во второй половине 1980х гг.) четко просматриваются контуры стратегического ориентира Индии- стать самостоятельным центром мировой политики. Настоящие испытания начались с распадом биполярного мира, когда ясно проявились геостратегические вызовы – начавшийся форсированный экономический рост Китая (с неизбежной, как полагали в Дели, геополитической «проекцией») и опасность разраставшегося – идеологически и территориально – явления, которое впоследствии нарекут радикальным политическим исламом.

Именно тогда, в 90е гг. прошлого века, в правящих кругах Индии возникла тема выбора между *Pax Americana* и *Pax Sinica.* Одним из деятельных сторонников подобной дихотомии выступал авторитетный эксперт, экс- директор влиятельного в стране исследовательского центра- Института оборонных исследований (Institute for Defence Studies and Analyses) К. Субраманиам. Индия медленно и осторожно начала дрейф в сторону США, не забывая, впрочем, об идее Дж. Неру о необходимости создания самостоятельного центра в мировой политике.

2000-е гг. прошли в поисках своего места в начинавшей меняться глобальной архитектуре.[5] Всеобщие выборы 2014 г. зафиксировали новую расстановку сил в Индии по проблемам внешнеполитической стратегии. Учитывая продолжающиеся сдвиги в мировой системе (не в последнюю очередь активизацию внешней политики России, превращение нашей страны в реальное «гравитационное поле» международной системы), Индия под руководством Н. Моди стремится активно участвовать в строительстве полицентрической организации мирового пространства.

Для России, давно отстаивающей парадигму полицентричного мира, новый внешнеполитический курс Индии несет в себе зримые плюсы, поскольку совместное выстраивание мирополитических отношений по модели «единство в многообразии» отвечает интересам и нашей страны, и основной части человечества. Думается, формат БРИКС предоставляет Индии дополнительные возможности для реализации своих геополитических интересов.

[5] См.: Россия в полицентричном мире. М.: Весь Мир, 2011; Глобальная перестройка. М.: Весь Мир, 2014.

Е.А.Брагина

БРИКС И ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В АЗИИ

БРИКС, международная межконтинентальная организация, пять её стран-участниц представляют Азию, Африку, Европу, действует в таком составе с 2009 года после принятия ЮАР. На ежегодных саммитах в ходе дискуссий представители стран-членов особо отмечали необходимость более тесного и разностороннего финансово-экономического взаимодействия в рамках БРИКС. Результатом стало создание международного учреждения – Нового банка развития БРИКС (НРБ).

Новый банк развития: растущая активность. Важным этапом в укреплении межгосударственных контактов в рамках БРИКС стал саммит организации, проходивший в 2013 году в Дурбане (ЮАР). В ходе его работы обсуждалось предложение главы Китая Си Цзиньпина создать в рамках БРИКС банк с целью финансирования инфраструктурных проектов и устойчивого развития в странах-участницах, а также и в других развивающихся (поднимающихся) государствах. По оценкам, их потребности в финансировании такого строительства международными организациями удовлетворяются не более, чем наполовину.

Не исключено также, что это предложение было стимулировано существенным увеличением валютных резервов Китая, закупками его правительства в 2013 г. на мировом рынке рекордного количества золота. Инициатива лидера Китая – создание собственного банка, открывала новые перспективы перед всеми членами БРИКС и была поддержана всеми участниками саммита. Предполагалось, что будущий банк будет способствовать более эффективной и целенаправленной работе альянса, хотя возможности стран-участниц, финансовые в первую очередь, а также технологические, управленческие, кадровые, существенно различаются.

Использование заемных финансовых ресурсов, в первую очередь банковских, для решения внутренних проблем страны, метод не новый, и, как правило, усиливающий позиции кредитора. Разнообразные формы банковского кредитования стали на современном этапе развития мирового хозяйства важной частью внешнеполитического и внешнеэкономического курса как отдельных стран, так и международных организаций. Это закономерная реакция на растущий спрос, в первую очередь большой группы развивающихся государств на кредиты в связи с объективной необходимостью развития их национальных экономик. Согласно заложенным при создании НРБ принципам, основными сферами кредитования признаны транспорт, энергетика, телекоммуникации, а также проекты, связанные с охраной и регулированием водных ресурсов.

В доступе к заёмным средствам были заинтересованы все участники 5 саммита БРИКС, за исключением КНР, из-за ограниченности их собственных средств для масштабного строительства, в первую очередь в стратегически важных и в тоже время капиталоёмких отраслях народного хозяйства. Несмотря на обилие деклараций о сотрудничестве, характерных для БРИКС, как и для большинства международных организаций, конкретные экономические взаимосвязи стран-участниц расширялись относительно медленно, их потенциал за предшествующие годы существования организации использовался ограниченно. Собственный банк, обслуживающий финансовые потребности членов БРИКС, отвечал их долгосрочным интересам, открывал новые возможности взаимного сотрудничества. По замыслу основателей банка, создаваемая финансовая структура поможет

решать стратегическую задачу – укрепление/модернизация национальных экономик стран-участниц.

Что касается устойчивого развития, также целевого объекта финансирования будущего банка, то здесь скорее была отдана дань традиции хорошего политического тона. Несмотря на распространенность этого понятия, неясны его реальные параметры, протяженность во времени периода, который можно считать примером/опытом устойчивого развития – при том, что современное мировое хозяйство демонстрирует растущую нестабильность и непредсказуемость. Как всегда, упоминание этого популярного словосочетания рождает вопрос: насколько возможно устойчивое развитие в современном высоко динамичном мире, подверженном резким изменениям под воздействием новых цифровых технологий? Какой временной период можно считать практической реализацией устойчивого развития? Категория устойчивого развития до сих пор не получила конкретного наполнения в отличие, например, от экономических циклов, через которые проходят все страны. Полезно вспомнить опыт некоторых развивающихся стран азиатского региона, преодолевших экономическую отсталость в 70-е годы XX века, но не знавших про необходимость устойчивого развития.

Создаваемый банк БРИКС должен был также заложить основы для расширения внешнего инвестирования. В статусе международного учреждения банк получал возможность распространить свою активность за пределы пяти стран-участниц БРИКС, поскольку при его основании были предусмотрены контакты со всеми развивающимися странами. Банковское кредитование на современном этапе перестало быть внутренним делом отдельной страны, обрело многообразные формы, став важной частью внешнеполитической и внешнеэкономической политики. Предоставляя займы развивающимся странам-не членам БРИКС, банк расширял не только своипозиции, но и стран-основателей. Потребность в собственном банке была объективно обусловлена рядом социальных и экономических проблем, свойственных странам БРИКС. Это, прежде всего, относительная слабость банковской системы, нехватка финансовых средств на цели долгосрочного инвестирования, неразвитость форм кредитования, сохраняющаяся роль ростовщичества, особенно в Индии и ЮАР. Получение заемных средств извне осложняется высокой долей в их экономиках теневого сектора, масштабы которого оцениваются лишь приблизительно, но не ниже 20-25% ВВП. В тени занята значительная часть рабочей силы, создается разнообразная, в основном потребительская продукция, скрытая от налогов. В результате национальный бюджет лишается существенной части доходов, снижаются реальные объёмы намечаемого финансирования и уверенность кредиторов в своевременном погашении запрашиваемых кредитов.

Сказываются недостатки государственного управления и бизнеса. Одна из самых распространенных, присущих странам БРИКС черта- коррупция, негативно влияющая на все экономические и общественные процессы. Страны-основатели банка БРИКС, в дальнейшем ставшие также членами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), в глобальном индексе коррупции занимали в 2012-2016 гг. позиции, которые определены как «низкий индекс восприятия коррупции». За указанное пятилетие этот показатель улучшался незначительно: РФ 29-28, КНР 40 -35, Индия 40-36, Бразилия 43-40, ЮАР 45-43.Согласно этим показателям, все они относятся к группе стран с массовым распространением коррупции[1]. Довольно трудно ожидать снижения её масштабов, когда, например, действующему президенту ЮАР Дж. Зуме предъявлены 787 исков по обвинению в

[1]http: //wikipedia.org/wiki/

коррупции[2]. Терпимое отношение к взяточничеству отрицательно сказывается на социально-экономических процессах, существенно искажая общественный климат.

Не найдено экономического решения избыточного неквалифицированного труда в странах БРИКС. По прогнозу, через 20 лет 47% существующих рабочих мест будут обслуживать автоматы. Нет ответа на вопрос, как совместить обустройство миллионов неподготовленных рабочих рук и начавшуюся цифровизацию в ряде развивающихся стран. Большинство их, в том числе члены БРИКС, не располагают собственными финансовыми ресурсами в масштабах, необходимых для переучивания миллионов людей.

Комплекс этих негативных аспектов повысил заинтересованность поднимающихся стран в создании национальных финансовых институтов. Такая необходимость обострилась в связи с ростом объема средств, необходимых для осуществления инфраструктурных проектов, которые в современных условиях характеризуются высокой капиталоемкостью, технологической сложностью, длительным сроком окупаемости вложенных средств, причём последнее условие не всегда достижимо. Инфраструктурное строительство повышает спрос на импортное оборудование, новые технологии, привлечение специалистов из-за рубежа, а в ряде производств на подготовленную рабочую силу.

Новым фактором удорожания крупного строительства стал постепенный рост заработной платы местных квалифицированных кадров в Индии, Китае, частично в России. В совокупности увеличиваются инвестиции, необходимые для реализации стратегически важных проектов, соответственно, потребность в крупных заёмных средствах на длительный срок. Относительно короткий период подготовки к созданию банка БРИКС был возможен в связи с определенным сходством социальных и особенно экономических проблем пяти стран-участниц. Это низкий уровень сбережений, недостаточное развитие финансовых структур, постоянный правительственный контроль банковского сектора, особенно в кризисных ситуациях. Показателен недавний пример Индии. В начале ноября 2017 г., спустя год после проведения денежной реформы, правительство объявило о предоставлении на два года 21 государственному банку 21 трлн рупий (32,5 млрд долл.) для рекапитализации[3]. Другой возможности сохранить банки в условиях снижения темпов экономического роста и ослабления хозяйственной активности не было. Но такие меры ослабляют самостоятельность и ответственность банков, превращая их в недееспособные институты.

Создание Нового банка развития было утверждено единогласно на саммите БРИКС в бразильском Форталезе в 2014 г. Это решение НБР стало результатом совместных усилий стран БРИКС, обозначило его позицию как международного банка с использованием собственной финансовой базы и стало одним из самых перспективных направлений деятельности БРИКС. Заслуживает упоминания оперативность управленческого аппарата БРИКС в ходе создания банка с пятью формально равноправными основателями, но с качественно разными экономическими, в том числе финансовыми, возможностями[4].

Президентом НБР был избран представитель Индии Кундапур Ваман Каматх. Главной целью НБР, как и предполагалось, стало кредитование инфраструктурных проектов в странах БРИКС. Капитал НРБ в соответствии с договоренностью всех его учредителей был определен в следующих показателях: разрешенный к выпуску капитал 100 млрд долл., распределенный капитал банка – 50 млрд долл., включая оплачиваемый капитал в размере 10 млрд долл. Взнос каждой из пяти стран – 2

[2]The Economist. 26.11.2016. – P.32
[3]AsiaTimes 09.11.2017
[4]http://tass.ru/ekonomika/4381500

миллиарда долларов, впоследствии в случае необходимости он может быть увеличен на 40 миллиардов долларов[5]. В таком объёме капитал, будет формироваться постепенно в течение предположительно 7 лет.

Размеры взносов стран-участниц в капитал НБР существенно различаются: Китай 41 млрд долл., Бразилия, Индия, Россия по 18 млрд каждая страна, ЮАР 5 млрд долл. Их неравенство отражает финансовые возможности государств БРИКС, и несложно предположить, что оно носит долговременный характер. Не исключено, что неравновесность в формирования капитала НБР не сразу, но скажется на взаимодействии его основателей, поскольку объективно их возможности качественно неодинаковы в такой чувствительной сфере, как финансы. Инаугурация НРБ состоялась в июле 2015 г. в Москве.[6]

С начала работы НРБ было официально объявлено, что к договору о его создании могут присоединиться новые участники из числа развивающихся стран. Достаточно быстро начал формироваться интерес к заёмным операциям НБР. Постепенный рост числа обращений за предоставлением кредита позволяет считать такое взаимодействие перспективным и до известной степени устойчивым, по крайней мере, в среднесрочном периоде. НБР считает своей основной клиентской группой развивающиеся страны, большую и разнородную группу заёмщиков. Несмотря на нарастающие качественные различия между ними, их общей чертой остается ограниченность финансовых ресурсов. По мере роста числа небольших развивающихся стран, не членов БРИКС, претендующих на заемные средства НБР, размеры кредитов начнут варьироваться с учётом потребностей клиентов и способности своевременно погашать обязательства по займам.

На саммите БРИКС, который Россия принимала в Уфе в июле 2015 г., президент НБР К. Каматх заявил, что ряд заявок были одобрены правлением банка. Эти кредиты в размере 811 млн. долл. на первые инфраструктурные проекты и 1,4 млрд долл.[7], получат основатели банка – Индия, Китай и Россия. На 2017 г. предложены также семь проектов по развитию экологически чистой и возобновляемой энергетики, а также транспорта на общую сумму более чем 1,5 млрд долл.По итогам года, сумма выделенных заёмных средств может достичь, по оценке НБР, предположительно 5 млрд долл.

Первоначально расчеты НБР осуществлялись только в американских долларах. Чтобы сделать его заёмную политику более гибкой, по мнению К.Каматха, необходимо повысить роль национальных валют стран-членов БРИКС, расширяя их использование в выполнении одобренных правлением проектов. Первый заём в национальной валюте был проведен в китайских юанях. Одним из приоритетов в работе НБР становится формирование инвестиционных резервов для выполнения взаиморасчетов в национальных валютах. В первую очередь такие операции будут проводиться между членами БРИКС, а в случае необходимости и с другими странами, не входящими в эту организацию и обратившихся в банк с просьбой о предоставлении кредитов. Чтобы расширить клиентскую базу банка и сделать свою заёмную практику более гибкой, НБР должен располагать резервами как в конвертируемых валютах, так и в национальных валютах, прежде всего, стран-участниц для реализации одобренных НРБ проектов. Для этого решено было создать Пул национальных валют.

В середине 2017 г. совет директоров НБР одобрил предоставление РФ кредита в размере 460 млн. долларов на развитие инфраструктуры и внедрение информационных технологий в рамках Федеральной целевой программы развития

[5] https://ria.ru/spravka/20160720/1472022655.html
[6] http://тass.ru/ekonomika/4381500
[7] http://tass.ru/politika/2111192

судебной системы. Первым проектом, осуществляемым в счет предоставленного НБР займа на территории России, стало участие в финансировании строительства двух малых гидроэлектростанций в Карелии. Это создаст около 400 рабочих мест на этапе строительства и 30 высококвалифицированных рабочих мест на этапе эксплуатации. Выступая на саммите БРИКС, президент России В.В. Путин отметил: «Один из ключевых пунктов повестки дня сегодняшнего заседания – активизация деятельности Нового Банка Развития». Президент напомнил, что среди крупных инвестиционных проектов, которые финансирует НРБ, три будут запущены на территории России[8].

В 2017 г. правлением НБР была принята стратегия «Согласованная цель деятельности в 2017-2021 гг.», которая в основных чертах повторила задачи, поставленные ранее при формировании банка. Но были установлены определенные рамки на предоставление кредитов, которые станут основой операционной практики НРБ и получат финансирование в первую очередь. Президент НБР К. В. Каматх высказал надежду, что инвестиционный портфель банка будет увеличиваться.

В стратегии НБР на следующие пять лет подчеркнуто, что банк считает необходимым наращивать объём выдаваемых кредитов, а главное, увеличивать долю финансирования в национальных валютах для снижения рисков и зависимости от колебаний курса. На данном этапе основные займы предоставляются в долларах.

Учитывая неустойчивость мирового хозяйства в целом и высокую степень зависимости стран БРИКС от мировой финансовой конъюнктуры, НРБ намерен выпустить облигации в российской национальной валюте на 250 миллионов долларов, чтобы определить реакцию рынка. Это станет новой формой его работы. В перспективе предполагается выпуск облигаций в индийских рупиях. В стратегии выражена ориентация на рост объема выдаваемых кредитов.

На ближайшую перспективу дирекцией НРБ были отобраны для рассмотрения более двух десятков новых проектов с общим объемом финансирования порядка 6 млрд долл. Все они будут в случае одобрения реализованы в пяти странах-членах БРИКС. Самые крупные средства намечено выделить на осуществление пяти проектов в Китае (1,7 млрд долл., суверенный заем) и шести в Индии (1,8 млрд долларов, также суверенный заем)[9].

Вскоре планируется одобрить финансирование 15 проектов на сумму от 2,5 млрд до 3 млрд долларов[10].

Предполагается в первую очередь рассмотреть и принять по два-три проекта от каждой из пяти стран-членов БРИКС. В их числе рассматриваются два проекта, предложенные для реализации в России на общую сумму 560 млн. долл. По словам президента НРБ, в основе работы банка и впредь будут проекты в сферах устойчивого развития и инфраструктуры, способствующей такому развитию. К 2021 году общее число одобренных для кредитования проектов может составить 50, а по более оптимистичному сценарию увеличится до 75проектов.

Не совсем ясно, почему займы, предназначенные двум крупнейшим экономикам в составе БРИКС, Индии и КНР обозначены как суверенные, т.е. с высокой степенью риска, возможностью невозврата, отказа от погашения займа и т.д. В тоже время на реализацию трех проектов в ЮАР выделен несуверенный заем 1,3 млрд долл., несмотря на определенную неустойчивость её финансовой системы. Нельзя исключать, что это форма укрепления позиций КНР в ЮАР в конкурентной борьбе с Индией, занимающей в этой стране существенные

[8] http://kremlin.ru/events/president/news/news/555/15/
[9] http://www.newsru.com/finance/06jul2017/nbdvrics.html
[10] https://news.rambler.ru/economics/36497840/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

экономические позиции. Заслуживает внимания замечание в одном из выступлений К. Каматха в 2017 г. о наличии в портфеле банка проектов, которые предполагают совершенствование существующих государственных механизмов в странах БРИКС, в том числе судебных. Возникает вопрос – не является ли финансирование таких проектов вторжением во внутреннюю политику государств-заёмщиков?[11]

Банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ): перспективы. В том же 2013 г. последовало предложение Си Цзиньпина организовать ещё один банк, ориентированный, прежде всего, на работу в азиатском регионе, роль которого в мировом хозяйстве возрастает. Си Цзиньпин посетил Казахстан для встречи с Нурсултаном Назарбаевым, затем Индонезию, пользующуюся влиянием в АСЕАН, и был принят президентом этой страны. Основной целью визитов было обсуждение предложения руководителя КНР организовать банк для финансового обслуживания стран азиатского региона. Помимо их потребности в заёмных ресурсах такую необходимость глава КНР мотивировал тем, что они не получают необходимой финансовой поддержки своих усилий по стимулированию экономического роста от действующих мировых банков, МБРР, АБР (Азиатский банк развития) и ряда других. С 1966 г. в АТР работает АБР с акционерным капиталом 165,5 млрд долл., изначально превосходившим акционерный капитал НРБ и АБИИ по 100 млрд долл. каждого, и сильными позициями в его управлении Японии, которой принадлежит самая большая доля в капитале банка – 15, 6%. По оценке руководства АБР, потребуется около 8 триллионов долларов инвестиций в инфраструктуру стран азиатского региона до 2020 г. на цели их дальнейшего экономического прогресса. Возможно, АБР не хочет рисковать, предоставляя крупные долгосрочные кредиты государствам региона, не имея твердой уверенности в их своевременном погашении.

Одним из стимулов создания банка, ориентированного непосредственно на Азию, было улучшение экономического положения в этом регионе. По прогнозу Всемирного банка, до 2050 г. наиболее высокими темпами в Южной Азии будут расти Индия, Бангладеш, Пакистан, Вьетнам, а также ряд небольших государств, членов СААРК, занимающих стратегически важные позиции благодаря своему географическому положению. Все они многонаселенные, большинство с низким уровнем дохода на душу населения, нуждающиеся в притоке средств извне как для поддержания роста, так и с целью модернизации национального хозяйства. В АТР действуют свыше 147 зон свободной торговли, и еще большее число находится на стадии переговоров об их создании с участием примерно 50 стран. В регионе высок уровень взаимных прямых иностранных инвестиций, в последние годы они увеличиваются. Особенно важным показателем стало быстрое формирование региональных цепочек добавленной стоимости. Регион в целом характеризуется высоким уровнем экономического взаимодействия, хотя степень участия отдельных стран в этом процессе существенно различается.

Само название Азиатского банка инфраструктурных инвестиций определяло главные цели его работы. О его создании было объявлено в Пекине 24 октября 2014 г. главой КНР, который становился основателем банка. Президентом АБИИ стал представитель Китая Цзинь Лицюнь[12].Из членов БРИКС на этом этапе документ подписала только Индия. Ещё три члена БРИКС (в том числе Россия) подписали его в течение 2015 года. Всего к концу 2015 г. членами АБИИ стали 57 стран и порядка ещё 20 стран претендуют на членство в этом банке. Значительную группу среди них составляют азиатские страны, в первую очередь Китай, Индия и Россия. Их участие

[11] http://www.newsru.com/finance/06jul2017/nbdvrics.html
[12]РИА Новости https://ria.ru/economy/20160831/1475703746.html

в акционерном капитале банка составило, соответственно, 30,34%, 8,52% и 7,5%, в совокупности это почти половина, всего капитала АБИИ.

Финансовую основу АБИИ составили золотовалютные резервы Китая, который входит ныне в шесть стран мира с самыми крупными их накоплениями. Это обеспечило китайскому руководству возможность начать обсуждение, в котором АБИИ отведена особая роль финансового инструмента будущего инфраструктурного строительства.

По числу стран-членов АБИИ и сумме долей трех стран – основных держателей акций в капитале банк позиционируется, как азиатский. БРИКС такой привязки к континенту не имеет. Стало очевидным ещё одно принципиальное отличие АБИИ от банка БРИКС. Оно связано с тем, что в состав акционеров АБИИ в 2015 г. вошли Великобритания, Германия, Франция, Италия, Нидерланды и ряд других, в основном европейских государств. Дело не только в их финансовых возможностях, но и в авторитете банковских институтов этих стран, наколенном веками опыте работы, устоявшейся репутации. Такого рода моральный капитал необходим новичкам в трудном банковском деле, особенно, когда речь идет о международных банках.

В октябре 2016 г. имело место определенное повышение котировки национальной валюты Китая, усилившее различия между национальными валютами членов БРИКС в связи с тем, что МВФ включил юань в корзину мировых валют (доллар США, евро, британский фунт, японская иена). Предварительно состоялось решение руководства МВФ повысить долю Китая при голосовании в правлении Фонда почти вдвое. Это усилило позицию КНР в мировых финансах, так как на основе соотношения голосов рассчитывается курс SDR, собственной расчётной единицы МВФ. Величина золотовалютных резервов Китая и определенное укрепление юаня стали факторами роста его влияния в международных финансовых расчетах.

Становление НБР в 2014 г. и оформление в 2015 г. АБИИ стали началом активного обсуждения возможностей их конкуренции с мировыми кредитными гигантами, МБРР и МВФ за лидирующие позиции на мировом рынке. Правда, на данном этапе это преждевременно. Банкам-новичкам нецелесообразно открыто вступать с ними в конкурентную борьбу. Выжидание удобной расстановки сил для изменения позиций основных игроков в мировом банковском секторе – более разумная стратегия.

Вместе с тем положительным фактором становится тенденция сближения НБР с действующими международными банками на основе подписания меморандумов о взаимопонимании, в том числе с Евразийским банком развития и Международным инвестиционным банком. Особенно значимо подписание в 2017 г. Меморандума о взаимопонимании между АБИИ и НБР. Помимо взаимодействия в финансировании инфраструктурных объектов и проектов в области устойчивого развития, документ включает важное уточнение об обмене технологиями и совместной подготовке персонала для национальных банков этих стран. Означает ли это отсутствие конкуренции между ними или поле для работы так велико, что конкуренция не нужна?

Эти попутные замечания не снижают полезной и усиливающейся роли НРБ и АБИИ, нацеленных на укрепление инфраструктурной основы растущих экономик.

Идея создания АБИИ датируется, как и НБР, 2013 годом, но он начал свою деятельность с некоторым лагом, и его задачи были значительнее. Как показывает название банка, речь шла тоже об инфраструктурных проектах, но гигантского масштаба, обобщенных в инициативе Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» (One

Belt, One Road, OROR – далее Путь), в который, по примерным подсчетам, может быть вовлечено свыше 60 стран, расположенных в Азии, Африке и Европе.

Торжественная презентация этого проекта состоялась в мае 2017 года в Пекине в присутствии свыше двух тысяч гостей, глав государств и руководителей основных международных организаций. Отсутствовали представители Индии и её премьер-министр Н.Моди в связи с обострением в это время территориального конфликта между Индией и Пакистаном, ближайшим союзником Китая в АТР. Застарелый спор разгорелся из-за предполагаемого маршрута пакистано-китайского экономического коридора, части будущего Пути. В связи с этой инициативой эксперты насчитали 19 точек потенциальных территориальных конфликтов Китая с разными странами в АТР[13]. Индо-китайские взаимные претензии являются наиболее сложными, особенно, на северной границе Индии с Тибетом. Ухудшается политическая ситуация с участием Индии, Пакистана и Афганистана. В конце октября 2017 г в ходе визита в Индию президента Афганистана Ашраф Гани заявил, что его страна не присоединится к китайско-пакистанскому экономическому коридору, несмотря на то, что в его рамках предусматривалось вложить 62 млрд долл. в строительство в Афганистане инфраструктурных объектов[14].

Си Цзиньпин в своей речи на Пекинском форуме в мае 2017 г., наполненной историческими экскурсами в честь тысячелетия Шёлкового пути, но обращенной в современность, предложил программу, охватывающую Большую Евразию и рассчитанную на длительную перспективу. Он подчеркнул, что предлагаемый им современный аналог Шелкового пути означает идею совместного построения Экономического пояса Шелкового пути, а позднее тоже совместного Морского Шелкового пути XXI века. Вместе эти проекты составили Инициативу «Один пояс, один путь».

В Пекине в своей программной речи лидер КНР обобщил целесообразность и долгосрочные преимущества проекта Пути XXI века, призванного сблизить три континента – Азию, Африку и Европу. Это была программа, рассчитанная на много лет вперед, охватывающая Большую Евразию. Си Цзиньпин привел конкретные показатели роста объема торговли между Китаем и некоторыми странами, расположенными вдоль будущего Пути, подчеркнув, что китайские инвестиции в их экономику превысили 50 млрд долл.Лидер Китая сослался также в качестве опыта полезного экономического сотрудничества на обустроенные китайскими предпринимателями за последние несколько лет в этих странах 56 промышленных зон, что обеспечило крупные налоговые поступления в национальные бюджеты участников и создали в этих странах 180 тысяч рабочих мест[15].

Вложение средств в проект Пути отвечает экономическим интересам Китая и одновременно повышает его авторитет и политическое влияние не только в регионе, но и в мировом масштабе, расширяя рынок сбыта его продукции. Решению этой задачи отвечала возможность использовать собственные резервы иностранной валюты, накопленные Китаем за предыдущие годы активной внешнеторговой политики, ориентированной на экспорт. В речи Си Цзиньпина были отмечены конкретные результаты экономического взаимодействия Китая с некоторыми будущими участниками проекта Пути. С 2014 по 2016 гг. общий объем торговли Китая со странами, территориально расположенными вдоль намеченного Пути, превысил три триллиона долларов.

Особого внимания заслуживает намерение АБИИ кредитовать крупные проекты массового жилищного строительства с таким расчетом, чтобы жилье было

[13]Silkroadbrifing.com.29.07.2017
[14]Asia times newsletter@atimes.com 31.10.2017
[15]Inosmi.ru/politic/20170517/239368854.html

доступно семьям с низкими доходами. Процесс урбанизации нарастает практически во всех развивающихся странах АТР и будет продолжаться, хотя и с разными показателями по странам. В Индии, например, ежегодно рынок труда пополняет 10 млн. человек. Значительная их часть молодые люди, перемещающиеся в города и составляющие электорат Нарендры Моди. Одним из основных обещаний последнего было сокращение безработицы путем создания рабочих мест для молодежи. Теперь его противники отмечают, что за три года премьерства было создано всего 1,59 млн рабочих мест по сравнению с 2,47 млн. в предыдущие три года[16]. Доля городского населения составляет ныне около 36% общей численности населения Индии в 1,3 млрд человек. Приведенные показатели будут расти и, хотя прирост населения замедляется, это едва ли заметно скажется на притоке людей в города. В результате ускоряется расползание городских трущоб со всеми негативными политическими, социальными и экономическими последствиями. По данным Всемирного банка, на Азию приходится 64% мирового населения, проживающего в трущобах[17].

Двум новым банкам в мировой финансовой системе предстоит ответить на эти запросы, хотя вряд ли это произойдет в краткосрочном периоде.

Основная задача АБИИ – финансовое обеспечение строительства крупных инфраструктурных объектов, аналогична целям НБР. Разница в том, что АБИИ изначально был ориентирован на выполнение экономических задач в АТР. Показателен его первый транш, предоставленный в середине 2016 г.четырем азиатским странам, в том числе Бангладеш на цели энергоснабжения, дорожное строительство в Таджикистане и Пакистане, помощь в улучшении условий жизни в трущобах Индонезии. Эти кредиты стимулировали возможность приглашения к их реализации других международных организаций. Присоединение стран-членов БРИКС к АБИИ означало их вовлечение в проект Пути, который был ориентирован на экономические и, соответственно, политические контакты далеко за пределы азиатского региона, как изначально и рассчитывали руководители КНР. Растущее влияние Китая, деловой интерес к процессам, происходящим в АТР, наглядно продемонстрировали участники майского Саммита в Пекине в 2017 г.

Специализация АБИИ, отраженная в его названии, в сочетании с открытостью для приема новых участников банка в короткий срок обеспечили растущий интерес большого числа стран, в том числе государств, не входящих в группу развивающихся. При формальном сходстве задач обоих банков – кредитование строительства инфраструктуры, востребованного всеми развивающимися странами и многими государствами вне этой группы, АБИИ привлек большой круг участников. Это отличает его от НБР, сохраняющего членство только пяти стран-основателей. Не исключено, что под влиянием быстрого роста участников АБИИ (до 57 стран к концу 2015 г., и ещё порядка 20 претендентов, которые ждут решения о приёме) начнёт расширяться и членство в НБР. Похоже, что первый шаг в этом направлении сделан на 9 саммите БРИКС в 2017 г., который принимал Китай в Сямэне. На эту встречу ее хозяином Си Цзиньпином были приглашены руководители пяти развивающихся стран – Египта, Гвинеи, Мексики, Таджикистана и Таиланда. Они представляли три континента, в том числе впервые Латинскую Америку. Расширенный формат БРИКС+ не был официально закреплен в ходе Сямэньского саммита, но возможность была обозначена. По оценкам экспертов, это может стать началом создания своего аналога G 20, и не исключено, что под эгидой Китая. На саммите было высказано мнение, что к БРИКС могут присоединиться страны, входящие вместе с Россией в Евразийское экономическое сотрудничество

[16]http://www.atimes.com/author/sachi-satapathy/23.11.2017
[17]NikkeiAsianReviw. Oct 3,2017

Казахстан, Белоруссия, Армения, Киргизия[18]. Таким образом, могут быть реализованы расчеты Китая, в основу которых заложена идея постепенного последовательного усиления своей роли как в регионе, так и в Большой Евразии.

Территориально оба создаваемых банка по составу участников БРИКС и стран, присоединение которых к будущему банку АБИИ было вполне ожидаемо, должны размещаться в динамично развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Здесь находятся трое из пяти членов БРИКС (Индия и Китай с общей численностью населения свыше двух миллиардов человек, евразийская Россия), а также многонаселенные Пакистан, Индонезия и другие страны с развивающимися рынками, потенциальные члены как НРБ, так и АБИИ. Штаб-квартиры обоих банков расположены в Китае – НБР в Шанхае, АБИИ в Пекине.

* * *

Все развивающиеся страны, хотя и в разной степени, ощущают потребность в расширении инфраструктуры национальных экономик, особенно в её модернизации. Но ни одна из них, в силу ряда нерешенных проблем и особенностей, не в состоянии реализовать эту социально-экономическую и одновременно политическую задачу только за счет внутренних резервов.

Учреждение НБР с целью инфраструктурного строительства и АБИИ для обустройства современного Шелкового пути создают основу нового социально-экономического соотношения сил в мировом хозяйстве. Не нужно переоценивать разностороннюю роль Китая в этих межконтинентальных проектах, но она велика и несёт большую политическую составляющую. Учитывая высокий динамизм большинства современных мирохозяйственных процессов, трудно определить, куда может вывести реализация проектов, в осуществлении которых активное участие намерены принять два новых международных, межконтинентальных банка. В перспективе открываются возможности упростить логистику огромных масс людей и товаров, соответственно, сэкономить затраты, сократить пути в регионы Азии, Европы и Африки.

Создание НБР в структуре БРИКС и АБИИ, получивших с самого начала широкое международное признание, стало частью долгосрочной политики не только стимулирования экономического роста стран-участниц этих двух проектов, но и фактором будущего изменения в соотношении сил в мировом хозяйстве.

[18] https://www.gazeta.ru/business2017/09/03/10872032.sh-tml

Э.Е. Лебедева

ЮАР – СЛАБОЕ ЗВЕНО БРИКС

Девятый саммит БРИКС, который прошел под председательством Китая 3–5 сентября 2017 г. в Сямэне (КНР), подвел определенную черту под первым десятилетием сотрудничества в рамках объединения и предложил новые ориентиры и концептуальные подходы его функционирования. Оценка этого этапа зависит от того, насколько каждой из стран-членов удалось осуществить поставленные при вхождении в объединение задачи. ЮАР стремилась вписаться в процесс переформатирования международных отношений в целях повышения представительства и усиления права голоса формирующихся рынков и развивающихся стран в ведущих институтах финансово-экономического и политического глобального управления. Она позиционировала себя в этом процессе как представительницу «поднимающейся» Африки. Присоединение к БРИК должно было поддержать и лидерские амбиции Южной Африки на континентальном уровне. Хотя по численности населения (55.6 млн человек, 2016 г.) ЮАР почти в четыре раза меньше Нигерии – африканского гиганта, также претендующего на континентальное лидерство, уступает ей и по объему ВВП, но она превосходит Нигерию по душевому доходу более чем в два раза – 5695 долл. против 2743 долл. (на 2015 г.) [12]. Страна обладает не только богатыми природными ресурсами, столь привлекательными для членов БРИКС. Она выделяется на общеафриканском фоне диверсифицированной экономикой и технологически продвинутыми отраслями обрабатывающей промышленности, даже технологиями мирового уровня. Южно-Африканскую Республику также отличает сравнительно развитая инфраструктура и динамично развивающаяся сфера услуг. И, конечно, ЮАР надеялась в рамках – и посредством – БРИКС укрепить сотрудничество со своими незападными партнерами для решения своей стратегической задачи, а именно реиндустриализации экономики, которая способствовала бы переходу к экономике знаний. Ставка делалась в первую очередь на расширение взаимовыгодной торговли, привлечение масштабных инвестиций в производственные сектора экономики и получение более широкого доступа к технологиям.

Внутренние дисбалансы в развитии ЮАР. Замедление экономического роста, углубление социально-экономических дисбалансов и нарастание политической турбулентности[1] – таковы основные и, скорее всего, долговременные вызовы, с которыми столкнулась ЮАР в десятые годы. Главными внешними факторами, сдерживающими экономический рост в ЮАР, стали затяжной спад в мировой торговле, резкое снижение сырьевых цен на мировых рынках, ослабление спроса на экспортные (сырьевые) товары ЮАР со стороны Китая. Сильнейшая за последние 100 лет засуха нанесла огромный ущерб сельскохозяйственному сектору. Негативное влияние на экономику оказывают и системные изъяны хозяйственного комплекса страны (в частности, архаичная энергосистема), сложности адаптации экономики к ухудшившимся условиям торговли в условиях роста политических рисков, а также резкое снижение уровня доверия инвесторов и деловых кругов в целом к правительству и президенту. Беспрецедентное в посткризисный период падение темпов экономического роста (до 0,5%. в 2016 г.) сопровождалось

[1]Лебедева Э.Е. ЮАР: пять лет в БРИКС. Запад – Восток-Россия 2015. Ежегодник/ Отв. ред.-Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос.- М.:ИМЭМО РАН, 2016. – С. 99-104.; Лебедева Э.Е. ЮАР на перепутье. . Запад – Восток-Россия 2016. Ежегодник/ Отв. ред.-Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос.- М.:ИМЭМО РАН, 2017. – С. 80-83.

увеличением бюджетного дефицита и государственного долга, который составил 50,7% ВВП.

Не удается правительству ЮАР справиться и с задачей искоренения нищеты и сглаживания социального неравенства. И это несмотря на социальную направленность политики правительства, в том числе меры по улучшению условий жизни самой бедной части африканцев. Здесь удалось добиться многого. За два постапартеидных десятилетия построены 3,1 млн домов, доступ населения к электроэнергии увеличился с 58 до 85%, а к водопроводной воде – с 61 до 74%. Число функционально неграмотных сократилось с 34 до 19%. Количество получателей различных социальных пособий-грантов для самых малоимущих и обездоленных (детей и подростков, пенсионеров, инвалидов) выросло с 2,4 до 17 млн В 2016/17 фин. г. расходы государства на предоставление этих субсидий составили 138,7 млрд рандов. Через год они достигнут 151,6 млрд рандов, или – предположительно – 9,7% всех бюджетных расходов.

Но это становится непосильной ношей для дефицитного бюджета. В случае же задержки выплат субсидий или их сокращения ситуация может стать взрывоопасной, т.к. пострадают 33,3% населения страны, большое количество бедных домохозяйств, и это негативно скажется в свою очередь на экономике малых городов и сел. Неприемлемо высокими остаются уровень безработицы – 26,6% (среди молодежи – 53,7%) и уровень бедности, который, по данным национальной статистики, достигает 53,8%, а также разрыв в распределении доходов в обществе (коэффициент Джини равен 0,69), один из самых значительных в мире.

Неудивительно, что в таких условиях политическая турбулентность переросла в 2017 г. в беспрецедентный за последние десять лет политический кризис. Начало ему положили результаты муниципальных выборов 3 августа 2016 г. – для них с 1994 г. и продемонстрировавшие разочарование населения, его недоверие верхам, правящему режиму, АНК. Конгресс все же получил большинство голосов избирателей (54,6%) в масштабе страны, но при этом потерял его в четырех из девяти провинций страны, уступил оппозиции два мегаполиса – Кейптаун и столицу ЮАР Преторию.

На протяжении 2017 г. напряжении в стране нарастало. Оно было вызвано и опасениями, что обещание Дж. Зумы провести радикальные социально-экономические реформы в стране сведется к использованию радикальных подходов в решении проблемы перераспределения ресурсов, в частности земли, в пользу африканского большинства; и негативными последствиями для экономики ЮАР перестановок в финансовом блоке страны, проведенными Дж. Зумой, с целью положить конец политике жесткой экономии и поставить под свой контроль все финансовые ресурсы; а также – углублением противоречий в правящем альянсе страны, спровоцированными действиями президента. И, конечно, выборами нового лидера АНК в декабре на Национальной конференции партии. Вырисовывается главный стратегический вызов, который стоит перед страной, – растерянность и разобщенность политической элиты страны в определении будущего ЮАР.

ЮАР в БРИКС: плюсы и минусы. В десятые годы были отмечены и рост, и падение товарооборота ЮАР со странами БРИКС. В 2001 г. он составлял всего лишь 3,1 млрд долл, к 2013 г. он увеличился более чем в 12 раз – до 39 млрд долл. и достиг максимума, но затем стал постепенно снижаться, составив в 2016 г. 28,9 млрд долл. Доминирующие позиции в торговле ЮАР со странами-членами БРИКС занимает Китай – 70,4% объема товарооборота, затем с большим отрывом идут Индия – 21,6%, Бразилия – 6,2% и Россия – 1,9%. Что касается доли ЮАР в ВВП

БРИКС, то на нее приходится всего лишь 1,8% прогнозируемого ВВП объединения в 2017 г[2].

Таблица 1. Товарная торговля ЮАР с другими странами – членами БРИКС, млн долл.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	1-2 кв. 2016 г.	1-2 кв. 2017 г.
Импорт из Китая	14 195	14 611	16 006	15 449	14 603	13 536	5 272	7 276
Экспорт в Китай	12 495	10 337	12 046	8 680	5 802	6 812	3 077	3 757
Импорт из Индии	4 015	4 592	5 377	4 551	3 940	3 104	1 457	1 897
Экспорт в Индию	3 373	3 746	3 009	3 770	3 146	3 151	1 529	1 891
Импорт из Бразилии	1 667	1 665	1 607	1 369	1 280	1 401	662	809
Экспорт в Бразилию	813	788	657	632	495	379	216	193
Импорт из РФ	173	202	378	456	376	257	127	170
Экспорт в РФ	303	427	403	364	253	283	127	188

Составлено по: ITC. Trade map. Trade statistics for international business development

http://www.trademap.org/tradestat/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1|710||156||TOTAL|||2|1|1|1|2|1|1|1|1
http://www.trademap.org/(X(1)S(0d2x0g55vtyyo1yj4st5ed55))/tradestat/Bilateral_MQ_TS.aspx?nvpm=1|710||643||TOTAL|||2|1|1|2|2|2|1|1|1

В таблице приведены данные *International Trade Centre* (*ITC*) – дочерней организации *World Trade Organization* (*WTO*) и *United Nations Conference on Trade and Development* (*UNCTAD)*

Таблица свидетельствует о снижении, начиная с 2014 г., объема экспортно-импортных операций ЮАР с другими странами-членами БРИКС. Наблюдался резкий спад – почти на треть по сравнению с 2013 г. юаровского экспорта в Китай. Это стало одним из последствий негативных – в первую очередь для развивающихся стран, рынки которых менее диверсифицированные и более зависимые от состояния дел в мировой экономике и цен на сырьевые активы,– тенденций, связанных с замедлением роста в Китае из-за его перехода к новой стратегии развитии. Экономическая модель, ориентированная на экспорт и привлечение зарубежных инвестиций, меняется в КНР на модель развития с упором на рост внутреннего потребления и развитие сферы услуг. Это привело к уменьшению спроса КНР на ряд сырьевых товаров (железная руда, железо и сталь), крупным производителем и экспортером которых является ЮАР. В то же время ЮАР импортировала из Китая товары с добавленной стоимостью – продукцию машиностроения, бытовую технику, мобильнее устройства и т.п. В результате

[2] https://www.s-ge.com/sites/default/files/cserver/publication/free/economic-report-south-africa-05-2017-eda.pdf P.4.

дефицит торгового баланса ЮАР с Китаем, постоянно возраставший с 2011 г., увеличился к 2016 г. более чем в два раза. Таблица свидетельствует о сохранении негативного тренда в последующие годы и в импорте ЮАР из Китая, Индии и России. Что касается экспортно-импортных операций ЮАР с ними в первые два квартала 2017 г., то никаких значимых сдвигов не наблюдалось по сравнению с первыми кварталами 2016 г.

Тем не менее Китай остается на втором месте – после ЕС – среди важнейших торговых партнеров ЮАР, в первую десятку по импорту попали Индия и Бразилия.

Таблица 2. Доли топ-партнеров ЮАР в ее товарной торговле, 2016 г., %

Партнеры	Экспорт	Партнеры	Импорт
ЕС-28	22,9	ЕС-28	31,0
КНР	9,2	КНР	18,1
США	7,4	США	6,7
Ботсвана	5,0	Индия	4,2
Намибия	4,7	Саудовская Аравия	3,8
Индия	4,3	Япония	3,4
Япония	4,6	Таиланд	2,9
Мозамбик	3,1	Нигерия	2,8
Замбия	2,8	Бразилия	1,9
Зимбабве	2,7	Ангола	1,7

Источник: European Union, Trade in goods with South Africa http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113447.pdf, p. 8

Что касается инвестирования, то, по данным Резервного банка ЮАР, из общего объема зарубежных ПИИ, поступивших в ЮАР в 2015 г., на Китай пришлось лишь 2,92%[3]. А по сумме накопленных китайских инвестиций за 2005-2015 гг. – 9,55 млрд долл. ЮАР занимала лишь седьмое место среди крупнейших получателей китайских инвестиций в Африке[4]. Однако реальный объем китайских инвестиций может превышать официальные цифры, т.к. многие компании инвестируют в обход государства, в том числе и через оффшорные зоны. В то же время нередко инвестиции объединяют с кредитами, которые являются коммерческими сделками, хотя и с льготной составляющей.

На фоне негативного тренда в торгово-инвестиционных отношениях руководство ЮАР и КНР активизировали свои усилия, чтобы перевести двустороннее сотрудничество на более высокий уровень. В декабре 2014 г. во время государственного визита президента Южной Африки Дж. Зумы в КНР были одобрены Стратегические рамки сотрудничества/кооперации на 2015-2024 гг. (Five to Ten Year Strategic Framework for Cooperation between South Africa and China (2015-2024) по шести направлениям. Речь шла о реализации пяти- и десятилетних программ, нацеленных на состыковку промышленного развития двух стран для ускорения процесса реиндустриализации ЮАР, а также углубление сотрудничества в сферах морского хозяйства, производственной кооперации, развития специальных

[3] https://www.s-ge.com/sites/default/files/cserver/publication/free/economic-report-south-africa-05-2017-eda.pdf P.19.

[4] Африка: современные стратегии экономического развития. - М.: Институт Африки РАН, 2016.С.369.

экономических зон, энергетики, строительства инфраструктуры, финансов, гуманитарных обменов.

Через год в преддверии проведения в ЮАР саммита «Китай-Африка» (впервые на африканском континенте) состоялся государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина в ЮАР. 2 декабря 2015 г. лидеры обеих стран подписали 26 соглашений на общую сумму в 94 млрд рандов (6,5 млрд долл.) для поддержки слабеющей экономики ЮАР, китайского экспорта в эту страну и дальнейшего стимулирования двустороннего сотрудничества[5]. Среди приоритетов – стратегическая кооперация между госкомпаниями ЮАР и КНР по линии электроэнергетики, транспорта, атомной энергетики и спутниковых технологий.

Так, Китайский банк развития (China Development Bank) анонсировал предоставление кредита на 500 млн долл. компании «ЭСКОМ» (Eskom Holdings SOC Ltd.) В 2017 г. этот банк подписал с «ЭСКОМ» второе соглашение о предоставлении займа в 1,5 млрд долл. Из них примерно 19.6 млрд рандов станет частью финансирования строящейся уже два десятилетия угольной ТЭЦ «Медупи» (Medupi).

КНР также заявила о намерении выделить 2,5 млрд долл. полугосударственной компании «ТРАНСНЕТ» (Transnet SOC Ltd.), которая является железнодорожным, портовым и трубопроводным оператором ЮАР, для закупки необходимого компании оборудования у предприятий КНР. Часть этих средств пойдет на финансирование контрактов, заключенных китайскими фирмами, работающими в ЮАР, по строительству железных дорог, портов, трубопроводов и т.п. Неустойчивая операционная деятельность компании в секторе железнодорожных перевозок, которую в ЮАР связывают с низким качеством подвижного состава и инфраструктуры, сдерживает возможности экспорта товаров, особенно таких, как уголь и железная руда. И вот в августе 2017 г. Чжучжоуская электровозостроительная компания (подразделение China Railway Construction Corporation, CRCC), которая сотрудничает с «ТРАНСНЕТ» с 2012 г., подписала с последней корпорацией ряд контрактов на общую сумму 2,4 млрд долларов. За пять лет Чжучжоуская электровозостроительная компания изготовила для ЮАР 195 4-осных и 359 6-осных электровозов.

Этот проект стал крупнейшим экспортным заказом для китайских производителей железнодорожной техники. Согласно условиям контрактов, китайская компания поставляет не только оборудование, но и предоставляет сервисное обслуживание. В ноябре 2017 г. руководство «ТРАНСНЕТ» сообщило о договоренности с Банком Китая и четырьмя крупнейшими южноафриканскими банками и инвестиционными компаниями (Absa, Nedbank, Futuregrowth Asset Managers and Old Mutual Specialised Finance) о предоставлении кредита в 12 млрд рандов сроком на 15 лет, включая льготный период в четыре с половиной года. В рамках реализации своей самой значимой инфраструктурной программы – Market Demand Strategy «ТРАНСНЕТ» намеривается произвести 1065 локомотивов, из них 994 будут собираться в Южной Африке. С учетом уже заказанных локомотивов удастся заменить более половины имеющегося в стране локомотивного парка[6].

Особый интерес вызывает соглашение об участии Южной Африки в реализации китайской инициативы «Пояс и путь» /экономический пояс Шелкового пути и морской Шелковый путь 21-го века/. Главное было найти точки конвергенции между этой инициативой и Национальным планом развития ЮАР. Надо отметить, что в июле 2014 г. была запущена программа под названием «Операция Phakisa» («phakisa» на языке сесото означает «торопиться»). Исследование экономического

[5] http://allafrica.com/stories/201512031102.html
[6] Transnet secures R12bn loan https://www.sanews.gov.za/south-africa/transnet-secures-r12bn-loan

потенциала Индийского и Атлантического океанов, окружающих Южную Африку (длина береговой линии страны составляет 2, 8 тыс. км), проведенное в 2013 г. столичным университетом им. Н. Манделы (Nelson Mandela Metropolitan University) показало, что рациональное и эффективное использование этого потенциала может принести до 177 млрд рандов в ВВП страны к 2033 году и обеспечить от 800 тысяч до и 1 млн рабочих мест. Ключевыми секторами «синей экономики» или «экономики океанов», как ее называют в ЮАР, были обозначены морской транспорт и производство; оффшорная нефть и газ; аквакультура; службы морской защиты и управления; развитие малых гаваней; прибрежный и морской туризм[7].

«Страны БРИКС надеются на усиление взаимодействия в разработке «синей экономики», – сказал в ходе IX саммита БРИКС (2017 г., КНР) председатель Совета африканских предпринимателей Джордж Себулела (George Sebulela), отметив, что «синяя экономика» – это одна из ведущих сфер торгово-экономического сотрудничества между ЮАР и Китаем. К настоящему времени, по его словам, южноафриканские и китайские предприятия подписали более 20 соглашений о взаимодействии в этой сфере. Себулела также выразил надежду на то, что открытие регионального центра Нового банка развития в ЮАР послужит расширению притока инвестиций в сооружение портов и другие морские проекты.

Таким образом развитие «синей экономики» обладает обнадеживающими перспективами. Правительство страны, по словам высокопоставленного чиновника Министерства промышленности и торговли, уделяет большое внимание переориентации внешней торговли и, в определенной мере, менталитета населения страны с континентального на морской, что может способствовать созданию новых точек роста экономики[8].

Выступая на специальной сессии Делового совета БРИКС по ЮАР, которая состоялась на полях девятого саммита БРИКС, Дж. Зума отметил, что «в контексте БРИКС приоритетными для страны являются такие цели как достижение инклюзивного экономического роста; содействие взаимной торговле товарами с добавленной стоимостью и стимулирование инвестиций в производственный сектор». Торговля в рамках объединения носит для ЮАР, по словам Зумы, «крайне несправедливый» характер в смысле преобладания в ее экспорте сырьевых товаров, и – как результат – постоянного торгового дефицита с двумя азиатскими странами, экспортирующих в ЮАР промышленные изделия. Поэтому он призывает партнеров по БРИКС расширить доступ к технологиям и навыкам в поддержку реиндустриализации ЮАР. Новый банк развития должен, по его мнению, более эффективно помогать ЮАР в продвижении ее повестки дня в области развития, в первую очередь в инвестировании важнейших инфраструктурных проектов в энергетическом, транспортном, водном и других производственных секторах[9].

Южноафриканский деловой совет БРИКС в октябре 2016 г. представил почти три десятка инвестиционных проектов по восьми направлениям (энергетика, коридор развития «Север-Юг», «синяя экономика», авиастроение, сельское хозяйство и т.п.) подвижек в экономике не только ЮАР, но и ряда стран Сообщества развития Юга Африки (САДК)[10]. Проекты находятся на разных стадиях разработки и нуждаются в инвестиционной поддержке со стороны партнеров по БРИКС.

---

[7] https://www.environment.gov.za/projectsprogrammes/operationphakisa/oceanseconomy

[8] А. Архангельская, Д. Кочетов. Динамика внешней политики ЮАР в контексте кризисной внутриполитической ситуации в стране // Азия и Африка сегодня. 2017. – № 9. – С.39.

[9] Africa a Continent of Great Opportunity http://allafrica.com/stories/201709040698.html

[10] http://www.bricsbusinesscouncil.co.za/wp-content/uploads/BRICS-SA-guide-on-investment-opportunities-FINAL-October-2016.pdf

На полях саммита БРИКС Президент Зума провел встречу с лидером Китая. Си Цзиньпин, который подтвердил намерение Китая углубить сотрудничество с ЮАР по реализации проекта «Пояс и путь», а также решений саммита «Китай-Африка» (ФОКАК) и перевести двустороннее сотрудничество на новый уровень.

Растущий интерес к ЮАР проявляет и Индия. Южная Африка занимает первое место (5.733 млн долл.) среди пяти ведущих африканских государств – импортеров индийской продукции и второе место (5.994 млн долл.) среди африканских экспортеров. ЮАР импортировала 17% всего индийского экспорта фармацевтических препаратов на африканский континент [11]. Южно-африканская республика хотела бы видеть Индию как партнера в развитии не только здравоохранения, но и информационных технологий и возобновляемой энергии. В 2015 г. двусторонняя торговля между ЮАР и Индией составляла, в целом, 15 млрд долл. Предполагается, что к 2018 г она достигнет 18 млрд долл., что, конечно, несопоставимо с огромным объемом китайско-южноафриканской торговли. Индия уступает КНР и в инвестиционной сфере – общий объем индийских инвестиций в Южной Африке оценивается всего лишь в 100 млн долл., в основном это частный капитал в отличие от китайских инвестиций, которые по большей части являются государственными. Росту индийских капиталовложений содействуют давние исторические связи между Индией и ЮАР, и наличие огромной диаспоры, насчитывающей более полутора миллионов человек, т.е. примерно 56% всех индийцев, проживающих в Африке, и бурный экономический рост Индии.

В то же время нужно отметить обострение торгово-экономического соперничества двух азиатских гигантов в ЮАР, в том числе и в приоритетных для реиндустриализации страны отраслях – сталелитейной и автомобильной. В первой половине 2015 г. Южная Африка импортировала 489 тыс. тонн стали из Китая – более чем в два раза больше, чем в 2014 г. В результате крупнейшая сталелитейная компания мира ArcelorMittal, подконтрольная индийскому бизнесмену Лакшми Митталу, вела переговоры с правительством ЮАР о принятии протекционистских мер против импорта дешевой стали из КНР, поскольку китайская, субсидированная государством, продукция имеет конкурентные преимущества. Развернувшаяся борьба за тендеры на строительство в 2017 г. крупнейшего автосборочного завода в Южной Африке между индийскими компаниями Тата Motors и Mahindra & Mahindra, с одной стороны, и китайской дочкой госхолдинга Beijing Automotive Group Co, с другой, завершился победой последнего. В начале 2018 г. ожидается выпуск первой партии внедорожника BAIC. Планируется выпускать до 50 тысяч автомобилей в год к 2020 г., которые пойдут на экспорт, частично в африканские страны.

На фоне активно развивающегося, хотя и в недостаточной для Южной Африки степени, торгово-экономического сотрудничества с Китаем и Индией отношения с Россией в этом плане не выглядят обнадеживающими. В.В. Путин во время встречи С Дж. Зумой на полях девятого саммита БРИКС констатировал, что «страны активно сотрудничают во всех сферах, консолидировано работают в международных организациях, в том числе над проблемой дальнейшего совершенствования деятельности и структуры ООН». В то же он выразил сожаление, что пока не удается «трансформировать наши добрые политические, гуманитарные связи в экономическую сферу... продолжается тренд на снижение товарооборота, хотя темпы и уменьшились»[12].

---

[11] http://allafrica.com/download/resource/main/main/idatcs/00100010:6af145f9754e011cc8d8d4e8faaa6788.pdf

[12] http://www.kremlin.ru/catalog/countries/CN/events/55522

Действительно, объем товарооборота между странами, как видно из Таблицы 1, мизерный. Россия, единственная из стран БРИКС, не входит в первую десятку торговых партнеров ЮАР (Таблица 2). А по доле во внешнеторговом обороте России во втором квартале 2017 г. ЮАР находилась на 65 месте, при этом сальдо торгового баланса России с ЮАР – отрицательное[13]. Структура товарооборота двух стран является схожей. Самая значительная его доля приходится на продовольственные товары – Россия поставляла ЮАР пшеницу (40,7%), а ЮАР – фрукты, орехи (37,8%). Затем в российском экспорте идут минеральное топливо, нефтепродукты – 27,4%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 9,92%, машины, оборудование и транспортные средства – 4,64%, оптические аппараты – 1,86% от всего объема экспорта. В экспорте ЮАР в Россию на второй позиции находятся минеральные продукты-19,66%, далее – машины, оборудование и транспортные средства 19,60%,продукция химической промышленности – 9,2% [14]. ЮАР заинтересована в расширении поставок вина в Россию и привлечении российских инвестиций в свой агропромышленный комплекс для строительства заводов по производству сельхозтехники и удобрений. Российская сторона считает перспективными направлениями сотрудничества обмен опытом и технологиями в сфере в виноградарства и виноделия, а также экспорт в ЮАР мясной продукции.

Тем не менее потенциал для наращивания торгово-экономического сотрудничества весьма высок, особенно в приоритетных сферах, которыми являются горнодобыча и энергетика. В ЮАР работают такие российские компании, как ГК «Ренова», специализирующаяся на производстве марганцевой руды, ОАО «Северсталь» (производство металлизированных угольных брикетов с содержанием железа более 90%) и др.

В рамках саммита БРИКС в Китае госхолдинг «Росгеология» и государственная нефтегазовая корпорация Южно-Африканской республики PetroSA подписали соглашение на освоение и разработку двух блоков южного континентального шельфа ЮАР**.** Объем инвестиций намечается в 400 млн долл. Запасы нефти на этих участках оцениваются свыше 50 млн тонн, газа – свыше 400 млрд кубометров, прогнозные ресурсы газа составляют 1,2 трлн. кубометров. Проект предполагает добычу до 4 млн кубометров газа ежедневно с последующей поставкой на газоперерабатывающий завод Mossel Bay. Южноафриканская сторона отметила, что данное соглашение является важным фактором с точки зрения формирования рынка углеводородов в стране. ЮАР в настоящее время покрывает за счет собственных ресурсов 29% своих потребностей в нефти и 2% – в газе. По оценкам специалистов перспективы у ЮАР отличные – на шельфе Южной Африки могут залегать около 9 млрд барр. нефти, которых хватит стране на 40 лет при нынешнем уровне потребления. Запасы природного газа составляют 11 млрд баррелей, которых хватит на 375 лет. Российская сторона считает, что подписанное соглашение позволит укрепить присутствие компании «Росгеология» на рынке ЮАР в сфере углеводородов[15].

Российские компании давно присматриваются к электроэнергетике в Южной Африке, видя в этой сфере большой потенциал для сотрудничества. Российские компании «РОТЕК», «Силовые машины», «Интер РАО», «ВО "Технопромэкспорт», «Объединенная двигателестроительная корпорация» готовы к участию в строительстве и модернизации электростанций в ЮАР. «Росатом» собирается продвигать свои мини-ГЭС контейнерного типа мощностью до 2 МВт, выпускаемые

[13] http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-08/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-yuar-vo-2-kv-2017-g/
[14] Там же
[15] http://polpred.com/?ns=1&ns_id=2296382

подконтрольной госкорпорации венгерской Ganz, на африканские рынки, начиная с ЮАР. Целевой рынок – ограниченные в доступе к ЛЭП труднодоступные районы, например места добычи полезных ископаемых.

Но главный интерес для обеих сторон представляет так называемый ядерный проект. «Росатом» в октябре 2017 г. заявил о готовности возобновить переговорный процесс с ЮАР о поводу своего участия в проекте строительства новых атомных энергоблоков. История совместных планов двух стран, связанных с «мирным атомом», насчитывает уже несколько лет. В сентябре 2014 года Россия и ЮАР подписали межправительственное соглашение о стратегическом партнерстве и сотрудничестве в области атомной энергетики и промышленности. Российский проект предусматривал введение к 2023 году восьми блоков с мощностью не менее 9,6 Гвт. и общее развитие инфраструктуры, включая строительство многоцелевого исследовательского центра, обучение африканских специалистов в российских вузах и развитие ядерной медицины. Проект рассчитан на 100 лет. В 2016 году президенты России и ЮАР на саммите БРИКС в Гоа обсуждали сотрудничество в атомной энергетике и защите инвесторов. В январе 2017-го госкорпорация «Росатом» подала заявку на участие в конкурсе для строительства новых атомных электростанций в ЮАР. По состоянию на 1 февраля ЭСКОМ получила 27 заявок. В числе крупнейших ядерных игроков интерес проявили китайская State Nuclear Power Technology Company of China (SNPTC), французская Electricite de France SA (EDF (PA:EDF)), «Росатом» и южно-корейская Korea Electric Power Corporation (KEPCO). Но в апреле 2017 г. Верховный суд признал незаконными соглашения ЮАР с Россией, США и Южной Кореей на строительство АЭС.

ЮАР крайне нуждается в развитии электроэнергетики, но общественное мнение в стране, что демонстрирует большинство материалов в южноафриканских СМИ, настроено сугубо критически в отношении ядерной программы, которую иначе как «секретная сделка Зумы с Путиным» не называют. Эксперты, по сообщениям британских СМИ, предупреждают южноафриканские власти, что проект длиной в столетие повергнет страну в огромные долги и «сблизит важного союзника Запада с Москвой». Организация по борьбе с налоговыми злоупотреблениями (Outa) утверждает, что из-за сделки Претории придется взять кредиты на сумму 65 млрд фунтов стерлингов. Правительство в результате будет вынуждено провести сокращение финансирования в сферах образования, инфраструктуры, здравоохранения.

Официальная причина торможения атомопроектов – нехватка финансирования, потенциальный рост госдолга и снижение рейтингов кредитоспособности. Но нельзя сбрасывать со счетов и конкурентную борьбу претендентов на реализацию ядерного проекта, и лоббирование, и разжигание антироссийских настроений вслед за мировыми ведущими СМИ, а, главное, использование этой темы в политической борьбе против Зумы, учитывая связанные с ним дела о коррупции и «захвате государства». И, судя по последним планам ЭСКОМ, а также по заявлениям министра финансов М. Гибабы на заседании Всемирного банка и Международного валютного фонда в декабре 2017 г., что строительство АЭС является «ненужным и дорогостоящим»[16], история «с мирным атомом» скоро и позитивно не закончится.

Конечно, сотрудничество по многим направлениям между странами наращивается, но идет очень медленно. Хотелось бы пожелать определенное продвижение по линии использования «мягкой силы» в отношениях между ЮАР и

[16] Eskom's latest work on energy policy plan rejects nuclear https://www.fin24.com/Economy/Eskom/eskoms-latest-work-on-the-irp-for-the-doe-rejects-nuclear-20171124

Россией, что совершенно необходимо для продвижения торгово-экономических связей. Так, в 2016 г. были проведены перекрестные Года культуры России в ЮАР и ЮАР в России.

Взгляд на БРИКС из ЮАР. На пороге нового десятилетия существования БРИКС Китай предлагает свое новое видение объединения. Концепция БРИКС плюс, выдвинутая Китаем на IX саммите сообщества, нацелена «на расширение членства сообщества для создания наиболее эффективной платформы сотрудничества по линии Юг-Юг». Напомним, что на саммите БРИКС (г. Дурбан) в 2013 г. в ЮАР была инициирована модель «аутрич», которая использовалась на всех последующих саммитах, что означало участие в диалоге с лидерами членов БРИКС представителей стран, входящих в зону влияния или в зону интересов государств» «пятерки». В тот раз это были лидеры пятнадцати африканских стран, руководители Африканского союза, НЕПАД и региональных экономических сообществ. Но теперь речь идет о создании некоего «круга друзей» БРИКС, наблюдателей или партнеров по диалогу, которые взаимодействовали бы с объединением на постоянной основе. Идея, однако, не была конкретизирована, и в этот «круг» участники обсуждения новой концепции БРИКС зачисляют чуть ли не тридцать пять стран.

В ЮАР отклики на китайскую инициативу не были многочисленными, но они отразили озабоченность представителей научных кругов возможными негативными последствиями ее реализации. Так, L. Mpungose – участница программы по внешней политике Южноафриканского Института международных отношений *(South African Institute of International Affairs)* полагает, что, «учитывая более широкую глобальную стратегию Китая в качестве потенциального лидера нового глобального порядка, особенно в рамках его Инициативы «Пояс и путь», расширение… (БРИКС – Э.Л.) было бы полезным, но это потенциально может подорвать влияние нынешних членов объединения в своих регионах»[17]. Добавление Нигерии, которая считает себя региональной супердержавой и истинным представителем Африки, означало бы, по мнению автора, ослабление позиций ЮАР на региональном уровне и, добавим мы, в рамках БРИКС. Отметим, что их соперничество будет перенесено в БРИКС, поскольку Нигерия и ЮАР, а также Египет претендуют–в случае изменения структуры ООН – на место постоянного члена в Совете Безопасности и надеются на поддержку БРИКС. Заслуживает внимания и тезис L. Mpungose о том, что по мере активизации БРИКС в качестве платформы для сотрудничества «Юг-ЮГ» «авторитет объединения будет определяться не только внешней политикой, но и внутренней стабильностью и процветанием каждой страны-члена». Учитывая, что Бразилия, ЮАР и Россия переживают внутриполитические проблемы и/или осложнения экономической ситуации, «обсуждения на саммите в Сямэне должны включать стратегию реагирования на внутренние вопросы, такие как коррупция, права человека и качество управления».

Отношение многих южноафриканских исследователей к БРИКС, мягко говоря, не является позитивным. Так, Peter Fabricius, консультант Института стратегических исследований *(Institute for security studies)* в Претории считает, что ущерб репутации стран БРИКС, вызванный нынешними сходными «коррупционными скандалами, политическими потрясениями и экономической безответственностью» ряда стран-членов БРИКС, сделал маловероятным, чтобы ее институты, в том числе и НБР, когда-либо обрели доверие инвесторов». Этот прогноз, говорит автор, кажется слишком мрачным. Но вполне очевидно, что только четыре – хотя и крупные –

[17] Africa: Brics Headed Towards New Global Era? http://allafrica.com/stories/201709060754.html

экономики плюс крошечная Южная Африка не обладают такой же коллективной устойчивостью к экономическим потрясениям, как существующие глобальные финансовые институты с их гораздо большим членством. Возможно, члены БРИКС должны открыть НБР другим акционерам раньше, чем позже [18].

D.Bradlow, профессор Университета Претории, указывает, что БРИКС еще не стал эффективной силой в процессе реформирования глобального экономического управления с точки зрения обеспечения интересов развивающихся стран. Правда, МВФ и Всемирный банк изменили свои процедуры голосования, чтобы сделать более заметным голос развивающихся стран и стран с формирующейся рыночной экономикой. Так, в МВФ в 2016 году доля голосов стран БРИКС выросла с 11,5% до 14,7%,что, впрочем, все равно существенно меньше их реального веса в мировой экономике. Эти изменения, по мнению D.Bradlow, принесли пользу Китаю, Индии и Бразилии. Но БРИКС не поддержал призыв ЮАР к созданию третьего места для Африки в совете МВФ. Африка, с ее растущим экономическим и демографическим потенциалом остается, таким образом, явно недостаточно представленным регионом в международных институтах глобального экономического управления[19].

P. Bond, профессор политэкономии в Университете Витватерсранда *(University of the Witwatersrand,Johannesburg)* и соредактор книги «БРИКС: критика капитализма», придерживается чего-то вроде апокалиптического взгляда на будущее БРИКС. Он считает, что «капиталистическая «деглобализация» может разорвать объединение, даже если внутренняя геополитическая борьба ослабнет. Центробежные экономические силы, разрушающие блок в результате чрезмерного перепроизводства, чрезмерной задолженности и деградации мировой экономики, приведут к провалу желаемого Си центростремительного капитализма [20].

Российские исследователи из Института Африки РАН, анализируя динамику внешней политики ЮАР в последние годы и настроения в стране, подчеркивают, что в ЮАР от вхождения в БРИКС ждали большего – «не только повышения роли страны в формирующемся новом миропорядке, укрепления позиций ЮАР в качестве представителя Африканского континента, но и существенного увеличения притока иностранных инвестиций в страну. Но сегодня в этом объединении больше политики, чем экономики, по крайней мере для Южной Африки, хотя от стран БРИКС в ЮАР, опять же, ждут вложений в экономику страны[21]». Действительно, ожидания юаровцев оказались завышенными, экономически членство в БРИКС не принесло ЮАР больших дивидендов. Однако возможности для расширения экономического сотрудничества существуют. И они могут существенно увеличиться, если Китаю удастся реализовать свой проект «Путь и пояс». Как считают ученые из ИМЭМО РАН, «главный смысл БРИКС для Китая состоит в том, чтобы использовать этот формат как «инструмент продвижения на глобальном пространстве» проектов Шелкового пути и создания «глобальной инфраструктуры ШП»[22]. В этом случае ЮАР несомненно выиграет, учитывая ее важное геополитическое положение и роль в интеграционных процессах регионального и межрегионального уровней.

---

[18] Africa: Why No Lift-Off for Africa's Branch of the Brics Bank? http://allafrica.com/stories/201706020447.html

[19] D.Bradlow. BRICS needs a new approach if it's going to foster a more equitable global order. https://theconversation.com/brics-needs-a-new-approach-if-its-going-to-foster-a-more-equitable-global-order-84229

[20] P. Bond «Africa: BRICS Xiamen Summit Doomed By Centrifugal Economics» http://allafrica.com/stories/201709010376.html

[21] А. Архангельская, Д. Кочетов. «Динамика внешней политики ЮАР в контексте кризисной внутриполитической ситуации в стране».//Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 9. – С.39.

[22] Михеев В.В., Луконин С.А. «Китай накануне съезда» https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3548&ret=640

Эксперты задаются вопросом, может ли политика протекционизма, проводимая США, и брекзит нанести серьезный урон связям ЮАР с ее традиционными партнерами и расширить тем самым взаимодействие Южной Африки с БРИКС. Навряд ли, учитывая, в частности, активные и планомерные переговоры между ЮАР и ее ключевым инвестиционным партнером – Великобританией с целью обеспечить преемственность и бесперебойность в торгово-инвестиционном сотрудничестве после выхода последней из ЕС. Ведь по данным Резервного банка ЮАР, из общего объема зарубежных ПИИ в 2015 г. 36,1% приходилось на Великобританию, а 30% южноафриканских инвестиций, направляющихся в Европу, идет в Великобританию[23].

ЮАР, несомненно, сохранит многовекторный характер своей внешней политики. В 2018 году ЮАР будет председательствовать в БРИКС. Важным пунктом повестки дня следующего саммита определены безопасность и развитие. Хотя первая проблема не затрагивает непосредственно ЮАР, она многое сделала в плане поиска решения конфликтных ситуаций, возникающих в африканских странах, особенно у ее соседей. Но сейчас ЮАР сосредоточена на своих делах, переживает серьезный внутриполитический кризис на фоне – и в результате экономического спада, углубления социально-экономических дисбалансов и растущего недовольства населения политикой АНК. Тем не менее, хочется подчеркнуть, что при всех возможных внутренних катаклизмах ЮАР сохранит свое участие в рамках БРИКС.

[23] https://www.sanews.gov.za/south-africa/sa-keen-ensure-certainty-continuity-uk

В.Г. Хорос, Е.Ю. Потапова

СТАНЕТ ЛИ ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ БРИКС «ЗОЛОТЫМ»?

Казалось бы, совсем недавно на мировой арене появился такой феномен, как БРИКС – организация сотрудничества пяти стран: Бразилии, России, Индии, Китая, Южной Африки. Поначалу, правда, их было четыре, ЮАР присоединилась позже. Отношение к новой организации порой было достаточно неоднозначным. Вспоминается научная конференция в Брюсселе, где приглашенного представителя России спрашивали, зачем его стране участие в таком альянсе, когда для координации в международных отношениях существует «восьмерка» и «двадцатка»[1]. Или трактовали данное объединение как нечто несамостоятельное, «подсказанное», ссылаясь на аналитиков из американского инвестиционного банка «Голдман сакс», которые выделили в особую группу несколько крупных незападных стран с похожими характеристиками социально-экономической эволюции. Хватало явного или скрытого скепсиса и у нас в России. Представители, так сказать, прозападной ориентации полагали, что членство в БРИКС отвлекает нас от «восьмерки» (в те годы, когда нас там еще «держали»). Другие указывали на несхожесть входящих в БРИКС стран по ряду показателей, неявные или скрытые противоречия между ними. Словом, неопределенность в оценках или сомнения имели место. И вот сегодня БРИКС вступает уже во второе десятилетие своего существования. «Второе золотое десятилетие сотрудничества и солидарности», как было сказано в Декларации очередного саммита БРИКС в китайском городе Сямэне в сентябре нынешнего года.

Можно, конечно, использовать разные эпитеты по отношению к деятельности БРИКС. Еще в 1980-х годах, как показано в помещенной в данном сборнике статье А.Г. Володина, аналитики на страницах индийских СМИ обсуждали возможность союза России, Индии и Китая. Но, несомненно, что десятилетний срок – это уже определенная проверка временем, свидетельство надежности, неслучайности данного явления, если хотите, его исторической оправданности. Отнюдь не «Голдман сакс» дал толчок образованию БРИКС. В.В. Путин недавно вспоминал, что идея создания БРИКС возникла в ходе его бесед в 2006 г. с тогдашним лидером Китая Ху Цзиньтао, так что обе страны можно считать инициаторами данного проекта. А еще раньше, в 1990-х годах Евгений Максимович Примаков говорил о желательности и полезности союза России, Индии и Китая как мощной потенциальной силы влияния на мировые дела. (Можно даже вспомнить похожие высказывания на этот счет В.И. Ленина, хотя, конечно, они возникли в ином временном контексте и предполагали другие цели).

БРИКС стал апробацией данной идеи, ее практической реализацией и вместе с тем показателем объективной потребности в ней, ее исторической состоятельности. Данный альянс имеет своеобразные черты и особое назначение. Это не торгово-экономическое объединение, как, допустим, МЕРКОСУР. Это не военный блок по типу НАТО. Это не межгосударственное образование, как, скажем, ЕС. БРИКС носит комплексный характер, в нем сочетаются экономические, политические, культурные и международные аспекты. По словам Г. Толорая, исполнительного директора Национального комитета по исследованию БРИКС, данное объединение есть «проект элит этих крупных стран, заинтересованных в том, чтобы их голос на мировой арене был услышан, в том, чтобы их позиции учитывались при принятии решений и в том, чтобы доминирующие в мировой экономике и политике силы не действовали вопреки коллективным интересам стран

[1] См. «Север-Юг-Россия 2013». М.: ИМЭМО РАН, 2014. – С. 158-160.

БРИКС и развивающегося мира, интересы которого БРИКС также готов транслировать»[2].

«Доминирующие силы» сегодня представлены странами западной коалиции, которые рассматривают современный процесс глобализации прежде всего в плане собственной выгоды, вносят в этот процесс элементы неравноправия. Конечно, БРИКС не имеет специальной антизападной направленности – хотя бы потому, что все входящие в него страны поддерживают обширные связи с западными партнерами в ряде областей. Но, представляя большинство населения Земли и – на сегодня – 27% мировой экономики, БРИКС имеет все основания и возможности корректировать направление мирового развития в сторону многополярности, большей равновесности и безопасности. В этом его историческое оправдание и одновременно историческая задача.

* * *

Насколько эта задача выполняется? Чтобы ответить на этот вопрос, надо проследить динамику сотрудничества в БРИКС в прошедшем десятилетии с начала его существования. В целом эта динамика положительна. С каждым годом наращивались различного рода связи, углублялось сотрудничество, росло взаимопонимание между странами-участницами. Правда, темпы этого прогресса не были ровными, порой происходили замедления или перебои. Тем не менее, результаты, которые фиксировались на ежегодных саммитах стран-членов, не могут не оставлять общего впечатления позитивных сдвигов. В этом плане особенно выделяется последний саммит, прошедший в сентябре 2017 г. в китайском городе Сямэне.

В финансово-экономической сфере несомненным достижением является создание Нового банка развития (НБР) с общим капиталом 200 млрд долларов и Пула валютных резервов (100 млрд долларов). Их задействование пока еще только начинается. В частности, взаимные инвестиции до сих пор не превышали 5% совокупного капитала.

Принято решение их существенно увеличивать. Так, в НБР уже одобрено 7 проектов на сумму в 1,5 млрд долларов. К концу нынешнего года ожидается подписание второго пакета проектов на сумму вдвое большую. В России, например, будут осуществляться три проекта – в том числе, на строительство высокоскоростной магистрали Москва – Казань, а также на совершенствование судебной системы в рамках так называемого «цифрового правосудия».

Помимо этого, в сфере финансового взаимодействия стран БРИКС готовятся новые сдвиги. Между министрами финансов и управляющими ЦБ стран-членов достигнута договоренность о сотрудничестве в направлении государственно-частного партнерства, планируется создание специального Фонда по подготовке соответствующих проектов. Решено также, что в соответствии с мандатом ЦБ каждой страны, взаиморасчеты между странами-членами будут осуществляться в национальных валютах, в частности, прямые инвестиции и валютные своп-операции. Углубляется связь между национальными банками развития стран БРИКС – в них также будут расширяться возможности межбанковского кредитования в национальной валюте, строится обмен кредитными рейтингами. Это позволит снять кредитные риски с заемщиков и способствовать дедолларизации стран БРИКС.

Более подробный анализ финансовых аспектов в деятельности БРИКС читатель может найти в статье Е.А. Брагиной.

[2] http://globalaffairs.ru/global-processes/BRIKS-na-puti-k-mezhtcivilizatcionnomu-soyuzu-18940

Что касается экономической кооперации, то в Сямэньской декларации заявлен важный тезис о сотрудничестве в процессе «новой индустриальной революции», что можно считать противовесом так называемой постиндустриальной модели, для которой характерно принижение роли индустриального сектора, реального производства. Вместе с тем «новая индустриальная революция» предполагает активное использование высоких технологий и осуществляется в странах БРИКС по нескольким направлениям:

- укрепление энергетического сотрудничества, создание гибких и транспарентных рынков сырья и энергетических технологий;
- вместе с тем – переход к экономике с низким уровнем выбросов, сочетание экономических и экологических критериев в духе концепции устойчивого развития;
- сотрудничество в аграрной сфере в целях обеспечения продовольственной безопасности, адаптации сельского хозяйства к климатическим изменениям; обмен инновациями в этом плане, для чего в Индии создается координационный центр сельскохозяйственных исследований БРИКС;
- расширение электронной торговли, создание сети электронных портов, чем будет заниматься сформированная специальная Рабочая группа БРИКС.

Эти и другие направления экономической кооперации будут курировать Деловой совет и Деловой форум БРИКС, координирующие сотрудничество в области инфраструктуры, энергетики, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, торговли, согласования технических стандартов.

Разумеется, сотрудничество стран БРИКС далеко не ограничивается экономикой или финансами. Контакты, обмен опытом и согласования осуществляются и в социальной, и в политической сфере, в области науки и культуры. Характерная черта в отношениях между странами. БРИКС – регулярные встречи представителей государственного управления, министров различных ведомств, профсоюзных деятелей, политических партий, медицинских работников, ученых и т.д. Только в 2017 г. состоялось порядка 40 таких встреч. Тем самым укрепляется база расширения кооперации в рамках альянса.

Здесь можно отметить неформальные встречи министров иностранных дел пяти стран, министров финансов, энергетики, окружающей среды, связи, науки и технологий, труда и занятости и др., руководителей налоговых ведомств, Комитета по таможенному сотрудничеству. Большинство этих встреч в 2017 г. прошли в Китае, но также в Индии, России и Претории, столице ЮАР. Такие встречи проходят в формате консультаций, рабочих групп, что позволяет партнерам лучше узнать друг друга, согласовывать взаимные интересы, готовить те или иные механизмы взаимодействия (например, по защите прав интеллектуальной собственности, межбанковского сотрудничества и других).

Важной областью сотрудничества в рамках БРИКС является научная сфера. По предложению В.В. Путина создается спутниковая группа по дистанционному зондированию Земли. Намечены совместные исследования по океанографии, энергетике. В сфере здравоохранения повышается доступность инновационных изделий медицинского назначения (по вакцинации, диагностике и др.), а также средств борьбы с инфекционными заболеваниями, включая ВИЧ, туберкулез, малярию. Одновременно большое внимание уделяется изучению методов традиционной медицины.

Нельзя не отметить и высокую активность культурных контактов между нашими странами. Созданы альянсы музеев и национальных галерей, детских и юношеских театров, Лига университетов БРИКС, сетевой университет БРИКС. Выделяются стипендии для студентов, запускаются летние молодежные лагери.

Идет съемка первого совместного фильма, состоялся кинофестиваль, проведены Медиафорум, форумы молодых ученых, молодых дипломатов пяти стран. Этот перечень можно продолжать.

В связи с этим можно отметить другой важный тезис, прозвучавший в Сямэньской декларации – о необходимости «поддерживать культурное разнообразие» в сотрудничестве стран БРИКС. Ведь эти страны представляют пять крупных цивилизаций в современном мире. Поэтому БРИКС может стать примером того, что сегодня между различными цивилизациями возможен настоящий равноправный диалог, а не «конфликт» (по С. Хантингтону).

В последнее время можно констатировать растущее взаимопонимание стран БРИКС по международным проблемам. Помимо ранее озвученных намерений бороться за совершенствование мировой финансовой архитектуры, поддержки мировой роли ООН и других аспектов, произошло согласование позиций по сирийской проблеме, которая, как было заявлено, может быть решена лишь при ведущей и определяющей роли самого сирийского народа и переговорного (Астанинского) процесса. Сблизились позиции по другим ближневосточным конфликтам – палестино-израильскому, йеменскому, борьбе с ИГИЛ и иными террористическими группами. Сложилось общее и конструктивное понимание ситуации вокруг Северной Кореи, которая может быть урегулирована лишь дипломатическими средствами. Эти подвижки очень важны, поскольку раньше в подходе к каким-то международным проблемам (например, по Украине) между партнерами не было достигнуто достаточной согласованности, и создавалось впечатление, что некоторые страны-члены формулируют свои оценки и позиции с оглядкой на Запад (что, конечно, в принципе объяснимо, поскольку их экономики, хотя и в разной степени, но весьма значительно связаны с США и ЕС). Теперь ситуация постепенно меняется.

Еще один, привлекший внимание во многих странах, сдвиг. В 2017 г. в рамках БРИКС по инициативе Китая появилась идея «БРИКС+». Суть ее состоит в том, что каждая стран, входящая в БРИКС, является ведущей в своем регионе, имеет общие с сопредельными государствами интересы и способна представлять их. Отсюда возможность образования «круга друзей», наблюдателей, в тех или иных формах, вовлекающихся в мероприятия и планы БРИКС (так называемый механизм «аутрич»). И на каждом саммите БРИКС такие наблюдатели присутствовали (в частности, на последнем – главы государств Египта, Мексики, Таиланда, Таджикистана и Гвинеи).

Идея БРИКС+ сейчас активно обсуждается экспертами, некоторые из которых даже сравнивают БРИКС с некогда существовавшим Движением неприсоединения. Насчитывают до 35 стран на различных континентах, которые в принципе могут в той или иной форме сотрудничать с БРИКС (Аргентина, Уругвай, Индонезия, Малайзия, Вьетнам, Намибия и др.). Помимо прямого присоединения к альянсу, здесь возможны интеграционные союзы с региональными объединениями (МЕРКОСУР, СААРК, АСЕАН). Такие объединения могут дать определенные выгоды для участников – снижение барьеров для прямых зарубежных инвестиций, улучшение торговых отношений через механизм преференций, усиление позиций развивающихся стран в международных организациях по защите их интересов.

Вместе с тем значительное расширение членства в БРИКС таит в себе и определенные неудобства. Поэтому на последнем саммите его участники решили пока поддерживать механизм «аутрич» через неформальные контакты и присутствие «друзей» на мероприятиях альянса. Как может быть более полно реализована идея БРИКС+, покажет время.

В целом, на сегодня есть все основания считать, что БРИКС развивается – как организационно, так и идейно. Положительная динамика заключается в том, что многие пункты и направления интеграции конкретизируются, взаимопонимание участников растет, значительно расширяются формы сотрудничества.

* * *

Но было бы необъективно и нереалистично ограничиваться только успехами и позитивными констатациями. В деятельности БРИКС еще немало рубежей, которых нужно достигнуть, препятствий и нестыковок, которые предстоит устранить. Здесь можно выделить несколько аспектов, на которые надо обратить серьезное внимание.

Во-первых, несмотря на внушительные параметры стран БРИКС в контексте мирового сообщества (27% мировой экономики, более 40% населения планеты), их реальный мирохозяйственный «вес» не вполне адекватен этим показателям. До сих пор оставляют желать лучшего как масштаб, так и качество экономических связей собственно между странами-членами объединения. Так, к примеру, в 2016 г. из общего объема внешних инвестиций стран БРИКС в 197 млрд долларов, лишь 5,7% приходится на сами государства, входящие в альянс.[3] Или, скажем, как отмечено в статье А.Г. Володина, товарооборот Китая с Индией составляет лишь 8,5 млрд долларов – цифра, явно небольшая для двух таких стран-гигантов. Точно также финансовые активы стран БРИКС (Новые банк развития и Пул валютных резервов) – пока лишь «мини-подобие» МВФ и МБРР, еще не позволяющее всерьез влиять на мировую финансовую среду.

Во-вторых, имеет место неравновесность, разность экономических потенциалов стран БРИКС. Здесь, конечно, резко выделяется Китай. На его долю приходится порядка 60% совокупного ВВП стран БРИКС, 85% объемов торговли между ними. Преобладающими являются и китайские вклады в финансовые предприятия альянса. Это, естественно, порождает асимметрию в торгово-экономических отношениях стран-членов. Из четверки стран БРИКС в Китай экспортируется в основном топливо, продовольствие и сырье, а обратно из Китая – продукция обрабатывающей промышленности.

Как показано, скажем, в статье В.А. Красильщикова, Бразилия все больше превращается в младшего партнера Китая. Аналогичным образом асимметрия имеет место в торговле ЮАР с Китаем – с 2014 г. дефицит торгового баланса (разница между импортом и экспортом) увеличился вдвое (Э.Е. Лебедева).

Наглядны диспропорции и в российско-китайском экономическом партнерстве. Когда-то Россия (в лице СССР) много помогала индустриализации Китая – добавим, и Индии, – выступая для них в качестве «старшего брата». Ныне времена изменились. Китай стремительно превращается в «мастерскую мира», Индия преуспевает по части информационного хай-тека. Россия же входит в международное разделение труда по преимуществу с сырьевой продукцией, почему-то гордясь при этом сомнительной репутацией «энергетической державы».

Вот, к примеру, данные нашей торговли с Китаем в 2017 г. Основные статьи российского экспорта – минеральное топливо, нефть и продукты их перегонки (67,5%), древесина и древесный уголь (9%), руды, шлак и зола (2,6%), удобрения (1,6%), рыба и рыбные продукты (3,1%). Из Китая же к нам идут ядерные реакторы, электрические машины, звукопроизводящая аппаратура и пр. плюс, конечно, не очень качественный ширпотреб.[4]

---

[3] http://globalaffairs.ru/global-processes/BRIKS-na-puti-k-mezhtcivilizatcionnomu-soyuzu-18940

[4] «МК», 27.11.2017. – С. 3.

Похожая картина и в торгово-экономических связях России с Бразилией. Если последняя поставляет в Россию (берем данные по 2016 г.) насосно-компрессорное оборудование, бульдозеры, медицинские приборы, электронно-лучевые трубки и подобного рода товары, то Россия в Бразилию – удобрения, металлопрокат, уголь, нефть, минералы.

В-третьих, на взаимоотношения в БРИКС влияет также внутренняя ситуация в странах объединения. Возьмем Бразилию, которую причисляют к сообществу так называемых восходящих стран. Страна действительно переживала период быстрой модернизации в 70-80-х годах при правлении военных. Но затем темпы стали сбавляться. Уменьшилась доля обрабатывающей индустриальных отраслей в ВВП (в 2015 г. – до 10%), а также доля промышленных изделий в товарном экспорте (хотя еще в начале 2000-х годов активно экспортировались, например, пассажирские самолеты).

Серьезным изъяном бразильской экономики и общества были социальные диспропорции, огромное количество бедных слоев (по некоторым оценкам – до 50% населения). На весь мир были известны городские бразильские фавелы, трущобы. Бразильская власть – еще при президента Э. Кардозо, а затем особенно в годы президентства И. Лула да Сильвы и его преемницы Д. Русефф – провела целый ряд социальных реформ, которые заметно улучшили положение низших слоев. Однако эти позитивные сдвиги (в частности, совершенствование и расширение системы образования) обгоняли рост зарплат, консервируя сферу малоквалифицированного труда, что не способствовало технологическому прогрессу.

Мировой кризис 2008-2009 годов усугубил ситуацию, что побудило Бразилию интенсифицировать торговый обмен с Китаем (за счет связей с другими странами). Казалось бы, хорошо с точки зрения укрепления БРИКС. Сотрудничество с Китаем помогло пройти кризис, но асимметричность экспортно-импортных отношений с КНР способствовала консервации застойных тенденций в бразильской индустрии, ослабила еще больше ее конкурентоспособность.

К этому прибавились внутренние неурядицы – рост коррупции в среде хозяйственной и политической элиты в Бразилии, недовольство общества дорогостоящими проектами (Олимпиада, первенство мира по футболу) вместо того, чтобы заниматься развитием собственной страны. В результате произошел импичмент Д. Русефф, а сейчас под обвинением в коррупции оказался сменивший ее президент М. Темер. Эта политическая нестабильность может сказаться (если уже не сказывается) на позиционировании Бразилии в БРИКС. Так, В.А. Красильщиков, подробно разобравший в нашем сборнике бразильские «качели», полагает, что они ставят «под сомнение не только перспективы самой Бразилии, но и будущее БРИКС…».

В статье Э.Е. Лебедевой освещена нестабильная политическая ситуация в ЮАР. Позиции президента Дж. Зумы в системе власти и в правящей партии Африканский национальный конгресс ослабли. Ему инкриминируются различные нарушения и ошибки (коррупция, неадекватная кадровая политика). Между тем, именно Дж. Зума был главным инициатором вступления ЮАР в БРИКС. На этом фоне обращают на себя внимание выступления ряда общественных деятелей и научных экспертов в стране, в которых высказываются критические оценки места ЮАР в БРИКС и самого объединения в целом.

В-четвертых, периодически возникают определенные противоречия и разногласия между партнерами по БРИКС. Например, совсем недавно Россельхознадзор запретил поставки в РФ бразильской говядины и свинины, ссылаясь на использование при выращивании скота несанкционированных кормовых добавок. А ведь с 2013 г. Бразилия обеспечивала более половины

экспортного объема мясной продукции на российский рынок. В свою очередь Бразилия ставит барьеры на импорт из России зерна.[5]

Наиболее значительны трения и противоречия между Индией и Китаем. Они имеют давнее происхождение – еще со времен индокитайского пограничного столкновения 1962 г. Тогда первый президент Индии Дживахарлал Неру указывал, что Китай и Индия в течение ряда веков вели борьбу за преобладание в Центральной Азии, Тибете и Юго-Восточной Азии. Совсем недавно между двумя странами вновь возник территориальный спор вокруг небольшого участка в Гималаях (плато Доклам), и лишь буквально перед Сямэньским саммитом БРИКС его удалось урегулировать. Постоянны расхождения Индии и Китая по поводу отношений с Пакистаном, в частности, из-за строящегося при участии Китая экономического коридора в Пакистане, который является частью нового и грандиозного китайского проекта – современной версии «Шелкового пути». Идет также скрытая борьба за рынки и пути доставки энергоносителей. Все это, по большому счету, соперничество двух громадных стран за влияние в Азии.

Косвенным проявлением внутренних нестыковок в БРИКС является возникновение такой организации, как ИБСА (объединение Индии, Бразилии и ЮАР) – формально вроде бы в рамках БРИКС, но в какой-то степени оппозиция Китаю (а возможно, и России).

Наконец, существуют проблемы, если так можно выразиться, фазовой несовместимости, различной стадиальности, несовпадения характеристик исторической эволюции. Если Индия и особенно Китай (а в определенной степени и Бразилия, по крайней мере до недавнего времени) активно осуществляли модернизацию, «новую индустриализацию», то в России в результате либеральных реформ обозначились тенденции демодернизации и деиндустриализации. И сегодня, несмотря на многочисленные программы и лозунги модернизации, реального движения в этом направлении не наблюдается – ни в экономической, ни тем более в социальной сфере. Больше в планах на будущее модернизация существует и в ЮАР.

У проблемы совместимости есть и цивилизационное измерение. Страны БРИКС принадлежат к разным цивилизациям, и для оценки их сосуществования в рамках альянса необходимо учитывать их динамику в современную эпоху. Эта динамика различна, – хотя в Сямэньской декларации заявлен важный тезис о задаче «поддерживать культурное разнообразие» в сотрудничестве стран БРИКС, которое как бы должно стать примером того, что сегодня между различными локальными цивилизациями возможен конструктивный равноправный диалог, а не «конфликт» (вопреки С. Хайтингтону).

Индии и Китай, эти древние цивилизации в нашу эпоху находятся на подъеме, и в их экономическом и политическом прогрессе есть несомненная цивилизационная составляющая (особенно у Китая). Бразилия принадлежит к Латиноамериканской цивилизационной общности, которая обнаруживает признаки превращения в полноценную локальную цивилизацию с претензией на «универсальность», основанную на расово-этническом синтезе. В России же налицо симптомы кризиса цивилизационной идентичности, идейного и духовного разброда. Есть свои проблемы и «комплексы неполноценности» у чернокожего населения, составляющего большинство в ЮАР и принадлежащего к Африканской цивилизации. Все это, так или иначе, сказывается на отношениях стран альянса.

* * *

[5] https://www.rbc.ru/business/20/11/2017/5a1306589a7947f70ade69e?utmsource=push

Мы видим, что на пути дальнейшего развития взаимоотношений в БРИКС есть немало «но». И тем не менее для пессимистических прогнозов, на наш взгляд, нет оснований. Ибо несмотря на все различия или даже противоречия стран БРИКС, их соединяют объективные общие интересы, причем на длительную перспективу. Данные страны, как заметил в своей статье А.И. Салицкий, представляют как бы «средний класс» в мировой экономике. Ратуя за многополярность в мировой политике, они в какой-то мере восстанавливают биполярное равновесие, существовавшее на планете после второй мировой войны и сыгравшее в свое время полезную роль в обеспечении относительной международной безопасности.

Что же касается экономической кооперации, то здесь остается перспектива «на вырост». Конечно, в этой кооперации в обозримом будущем будет продолжаться ведущая роль Китая. Но это не значит, что другие страны альянса обречены в этой кооперации на пассивность или на неизбежные невыгоды для себя. Например, высказывается мнение (в нашем проекте – А.Г. Володиным), что китайский проект «Один пояс, один путь» затронет интересы Индии и России в Южной Азии и евразийском пространстве. Но и Индия, и Россия (тот же А.Г. Володин согласен с этим) объективно заинтересованы в инфраструктурных проектах с своих регионах и могут на этой основе внести в начинание Китая свою долю на разумных условиях. Также в целом полезны китайские инвестиции в экономику ЮАР.

Поэтому в плане дальнейшего укрепления и прогресса кооперации в БРИКС очень важно достижение большей равновесности, степени взаимной заинтересованности. И здесь, безусловно, есть значительные резервы. Взять, к примеру, сферу научно-технического сотрудничества, – что особенно важно для России и улучшения ее позиций в БРИКС. В 2007-2013 годах было заключено 65 совместных проектов российских ученых и инженеров со странами БРИКС, из них 41 с Китаем и 11 с Индией. Но общий объем финансирования этих проектов со стороны России более чем скромный (500 млн рублей). В 2015 г. поддержано еще 25 проектов. Все равно это слишком мало для такой страны, как Россия, на фоне масштабов проходящей сейчас научно-технической революции. Ведь именно в научной сфере вклад России может быть особенно весом и ценен для других стран БРИКС, ибо, несмотря на огромный урон, нанесенный российской науке и системе образования неадекватными реформами, в этой области еще сохраняется немалый потенциал, который может быть востребован дружественными странами, путь и добившимися за последнее время более значительных успехов как субъекты модернизации.

Есть целый ряд направлений (медицина, биотехнология, космическая аппаратура, новые материалы, фотоника, атомная энергетика, борьба с киберугрозами, воздействия на климат и другие), в которые российские ученые могут внести большой вклад. Кстати сказать, эти и некоторые другие направления названы в подписанном в марте 2015 г. Министерством образования и науки РФ меморандуме о сотрудничестве между странами БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций. Вопрос в том, чтобы в ближайшее время и в необходимых масштабах воплотить намеченное в жизнь. Это особенно важно, учитывая западные санкции, резко затруднившие сегодня доступ к высоким технологиям.[6]

Последний саммит БРИКС показывает, что подвижки в этом направлении есть. И в целом проблемы и противоречия в БРИКС разрешимы, они постепенно преодолеваются (хотя, разумеется, это преодоление не будет происходить автоматически). Развитие БРИКС продолжается, и его влияние в мире растет. Примечательно, что это начинают признавать и на Западе, где раньше преобладали

[6] Подробнее см. Стратегии России в БРИКС: цели и инструменты. М.: РУДН, 2013; И. Дежина. Страны БРИКС: направления научной кооперации. – «МЭиМО». – 2015. – № 9. – С. 14-23.

скептические оценки. Например, британская газета Financial Times заявляет, что в последние годы динамичное развитие стран БРИКС имеет большое значение для стабильного роста мировой экономики. Другая британская газета Daily Telegraph отмечает усилия БРИКС в плане содействия многополярности в мире и признает эти усилия вполне конструктивными.[7]

В Сямэньской декларации предстоящее второе десятилетие БРИКС названо «золотым». Дело, конечно, не в терминах. Но основания для того, чтобы оптимистически смотреть в будущее альянса, имеются. Потому что каждый раз, когда те или иные затруднения в деятельности БРИКС будут возникать, они должны и будут преодолеваться в силу общности основных интересов в мировом контексте. А эти объективные интересы и соответствующие исторические задачи заключаются не только в достижении более равновесного, неоднополярного мира, но и в нахождении более разумной и справедливой социально-экономической модели развития, которая станет альтернативой стереотипам неолиберальной экономики, обусловившей известные нам изъяны эпохи глобализации.

[7] http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-09/12/content41573451.htm

Научное издание

На пороге второго десятилетия БРИКС

Ответственный редактор:
Хорос Владимир Георгиевич

Сборник статей

ISBN 978-5-9535-0519-2

9 785953 505192

Подписано в печать 18.12.2017. Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 10,5 п.л., 6,4 а.л. Тираж 100 экз. Заказ № 32/2017

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23